

ВОКРУГ ГЛОБУСА

3 1968
МАРТ

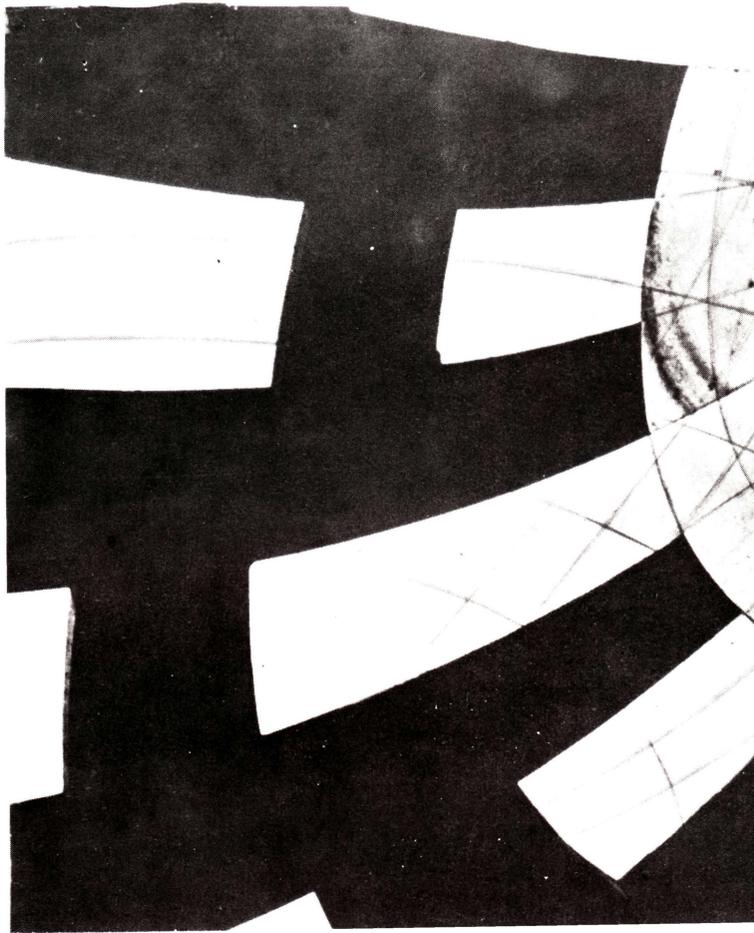
«Он молил о пощаде, но на все вопросы об алмазе отвечал одно: «Никакого алмаза нет».

«...Я предложил стрекозам особое вознаграждение за каждый вылет за брусникой».

«...Орлы всегда забираются в самые дикие места, поэтому ты можешь представить, какое у нас местожительство. Но ты не трись...»

«Под фотографиями, изображавшими странные, словно неземные геометрически правильные здания, стояли слова: «загадочные», «таинственные».

1968

ВОКРУГ СВЕТА

№ 3

МАРТ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

О БОРЬБЕ СИБИРСКИХ ПАРТИЗАН С КОЛЧАКОМ, О КОМСОМОЛЬЦАХ, УЧАСТВОВАВШИХ В ЭТИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ, РАССКАЗЫВАЕТСЯ В ГЛАВАХ ИЗ ПОВЕСТИ А. АЛДАНА-СЕМЕНОВА «КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ».

МОЛОДЫМ СТРОИТЕЛЯМ КОМБИНАТА «КАРАТАУ» — ИХ ЖИЗНИ, РАБОТЕ, ПОИСКАМ, ПРИКЛЮЧЕНИЯМ — ПОСВЯЩЕН ОЧЕРК Н. АЛЕЕВА «РОЗА ВЕТРОВ».

«Большая Вода Африки» — о Великих Африканских озерах ведет свой рассказ писатель-географ И. М. Забелин.

В «Кают-компании» «Вокруг света» — исследователи и путешественники Л. Шапошникова, А. Портнов и Н. Диков.

Очерк И. Можейко о великом Улугбеке и его индийском ученике Джайсингхе.

Фантастический рассказ итальянского писателя Примо Леви.

Об алмазе, который приносит несчастье, — очерк З. Каневского.

Айны — загадка исчезающего народа.

О Монблане и семи его долинах рассказывает французский писатель-альпинист Роже Фризон-Рош.

Вести из Англии, ГДР, Ирландии, Канады, Мексики, Румынии, Судана, США, Франции, Швеции.

БОЛЬШАЯ ВОДА

И. ЗАБЕЛИН,
кандидат географических наук

ГДЕ КОНЧАЮТСЯ ОЗЕРА, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ НИЛ

На спиралевидном стрельчатом указателе расстояний в аэропорту бывшей столицы Уганды Энтеббе разыскал я такую цифру: до Москвы — 3853 мили. Далековато... И все-таки ближе, чем от Владивостока до Москвы... До столицы Уганды — Кампалы было всего ничего — два десятка километров. Туда мы и направлялись.

Географ, я ждал встречи с Викторией, как с чудом. Но, как почти всякое чудо, и это свершилось обыкновенно: распахнулись неширокие, с невысокими домами улицы Энтеббе, и я увидел серую водную гладь с чернеющими вдалеке островками из архипелага Сесе... В фантазии я представлял себе Викторию гигантским синим или небесно-голубым стеклом, искусно смонтированным в красный Африканский материк и не без изыщества обрамленным влажно-зеленым лесом... Ничего подобного!

Небо было солнечно и матово-синее, а озеро, вопреки законам преломления и отражения света, вобрало в себя, сохранило лишь скучно-матовые оттенки...

У нашего микробуса оказался открывающийся верх, я сдвинул его и встал во весь рост. Блекло-серое чудо, величайшее из африканских и третье по величине в мире озеро то ныряло за холмы, в которые врезалась дорога, то пряталось за лесом. Лес здесь — по типу он подходит к влажно-экваториальным лесам — сильно порублен, но местами еще густ, и тогда в зеленый фон его врезаются серые рощи листопадных деревьев.

На карте очертания Великих Африканских озер всегда напоминали мне детский рисунок черпака с водою: сам «черпак» — озера Альберт, Танганьика, Ньяса, а «вода» — серая клякса озера Виктория. Мне посчастливилось побывать на самом кончике «черпака», у южной оконечности озера Ньяса, и погрузить руки в теплую и мутную воду «чаши» — озера Виктория.

О Большой Воде Африки, сыгравшей значительную роль в истории и развитии всего континента, и пойдет рассказ.

Кое-где дорога незаметно переходит в серый вязкий ил, который у нас на севере называют «няшей».

Вдоль дороги — высоченные, в два человеческих роста, башнеобразные термитники почти красного цвета и лишь чуть более темные хижинки, и идут по дороге ярко одетые африканки, и тянутся банановые плантации, и лежат у самой дороги на перевернутых ведрах плоды дынного дерева, помидоры, бананы — на продажу.

Кампала — в стороне от озера; Виктория скрыта зелеными холмами, и для меня в этом есть свои преимущества: легче вернуться к прежним раздумьям, прежним впечатлениям.

Итак, Уганда. Мы устроились уже на берегу озера Виктория, у истоков Нила. Впрочем, истоков ли?

— Где же мы все-таки находимся? — спрашивает Дунаев, подозрительно всех оглядывая: он журналист и вправе требовать от специалистов четкого ответа.

Герман Гирёв, глава нашего туристского отряда, загадочно помалкивает.

Мирэль Шагинян рисует. И Левон Налбандян тоже рисует.

— Вы, географы! Может, вы ответите? — настаивает Дунаев. — У истоков Нила мы или нет?

— У истоков, — говорю я. — Знаете что, когда дело касается Африки, лучше бы вам помалкивать. — В голосе ведущего в нашей группе африканиста, Людмилы Алексеевны Михайловой, явственно чувствуется металл; африканист сидит на земле, обхватив руками колени,

и смотрит сквозь очки в сторону озера Виктории.

Над Нилом пролетают бакланы. Выстроившись «ключом» или «клином», они летят вниз по течению, в сторону водопадов, где оглушенная падающей водой рыба утрачивает осознанность и слишком близко поднимается к поверхности.

— Я всю жизнь рассказываю студентам, что истоком Нила является река Кагера. — В голосе Людмилы Алексеевны металла становится еще больше. — Кагера как-никак на другом конце озера, и даже в другом государстве...

Вот так: ехали, ехали — и бог знает куда приехали... География — она наука сложная. Извозчику не всякий раз доверисься.

— Вы имеете в виду, — говорю я, — сплошной водный путь... В сущности, Кагера всего лишь маленькая речка, и не от ее скромных вод родилось третье озеро мира.

— По данному вопросу вам лучше воздержаться от спора со мною. — Ведущий африканист нашей группы теперь уже не сидит, а стоит, и стеклышки очков гневно блестят на меня из-под широких полей войлочной кавказской шляпы.

— Мне больше нравится, чтобы Нил начинался здесь, — с мягкой, почти извиняющейся улыбкой говорит Дунаев. — Приятно, знаете ли, побывать у истоков...

У меня пропадает желание спорить. Увы, это одна из недоступных моему разумению географических загадок: за исток Нила действительно принимается небольшая речка Кагера, мы

Африки

шиныим хвостиком прилепившаяся к огромному озеру. Помимо Кагеры, немало и других мышинных хвостиков у озера, но они — от мышей размером поменьше, и потому предпочтение отдано Кагере.

Я отожду в сторону и принимаюсь расковыривать перочинным ножом коричневый термитник. Бледные от постоянной темноты, неприятные на вид, термиты удирают от солнца по широким ходам, прячутся внутри своего средневекового замка.

Бакланы ныряют в светлую воду Нила.

Мальчишка в красной рубашке швыряет в истоки Нила камни.

Наверное, каждый из нас, споривших, остался при своем мнении. Я, правда, охваченный чувством всепрощения, попытался объективно встать на точку зрения «кагеристов» и нашел в их пользу лишь один мало-мальски стоящий довод: и после Виктории, ниже по течению, Нил протекает через озера — Кьогу, Альберт, например. Почему же тогда не считать Викторию первым звеном в цепочке нильских озер и не протянуть Нил от Кагеры?.. Потому, мне кажется, что через Кьогу и северную оконечность озера Альберт Нил именно протекает, будучи уже большой, полноводной рекою, и речные струи его прослеживаются в тихих водах этих озер, из которых первое еще сравнительно недавно в геологическом смысле было частью Виктории. Кагера же просто впадает в озеро, исчезая в нем подобно десяткам других речек.

ВИКТОРИЯ

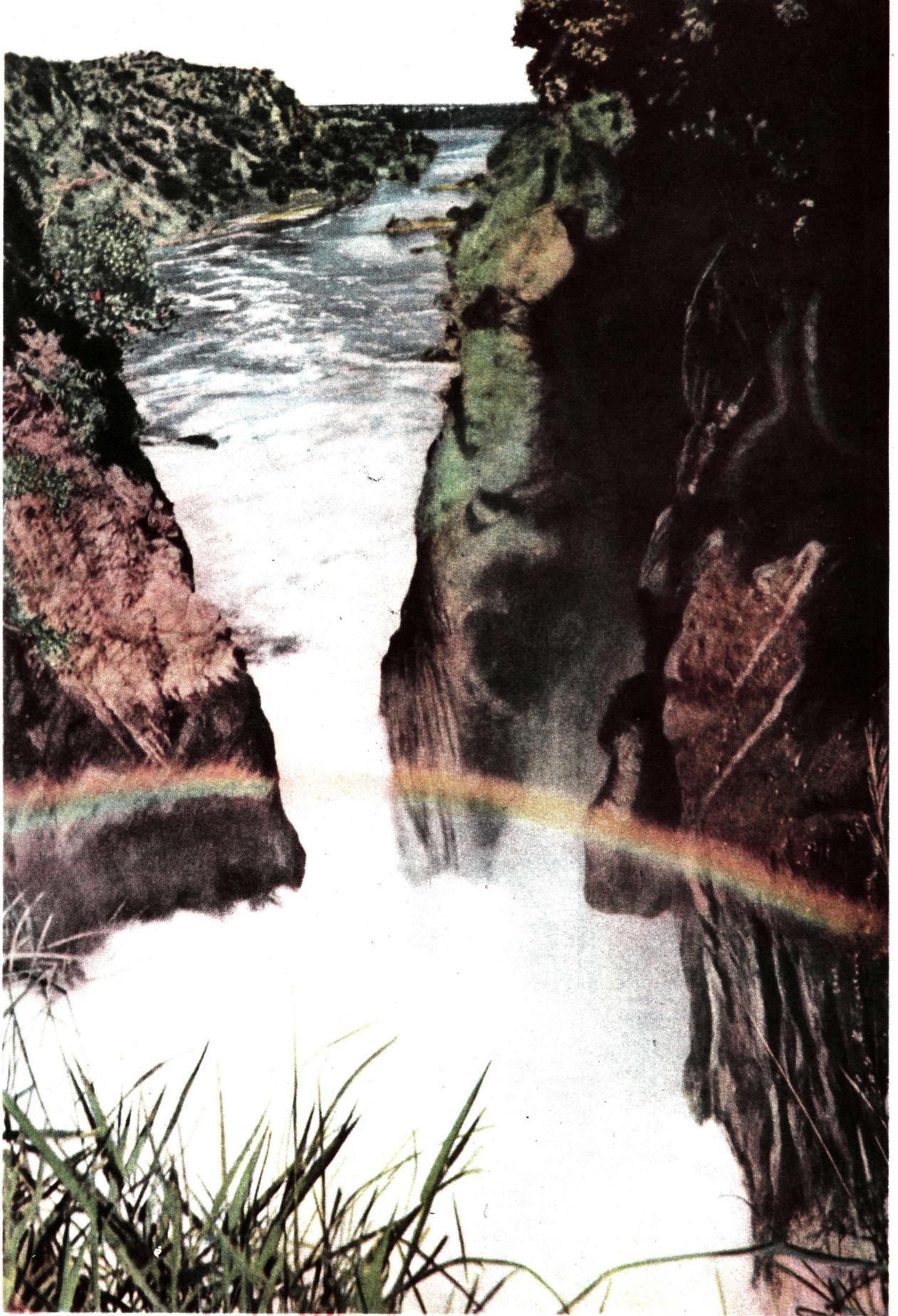
...Ширь Виктории скрыта от нас невысокими холмами, и виден лишь раструб, постепенно сужающийся в Нил. Там, где русло реки уже явственно обозначено, поперек Нила протянулась темная цепочка небольших островков, на которых с помощью бинокля я различил охот-

ничьи засидки, сделанные из светлых камней. Дует легкий ветерок, и воздух насыщен запахом желтой мимозы, похожим на запах караганы, или акации, как обычно у нас ее называют. Тихо, как перед дождем, и лишь чуть шумит на затопленных перекатах да рябится над подводными камнями вода. Где-то над Викторией еле слышно погромыхивает гром.

Я сбегал к самой воде по размытому, в водомоинах конечному отрезку дороги. Впрочем, к самой воде мне подойти не удалось — топь, заросшая осской. Зато — простор для лягушек. «Кэур! Кэур!» — орут, скрипят они, заглушая птичий свист.

А потом мы задержались у памятника Джону Спиду. Памятник прост. Он похож на прямоуголь-

Жена рыбака

ное каменное надгробье, гладко отесанное сверху. Грунт перед памятником — он высотой в половину человеческого роста — выложен крупными плитами, выкрашенными в кирпичный цвет тут же собранной землей. Каменная ограда, открытая к лестнице, придает памятнику архитектурную законченность.

На верхней плоскости плиты надпись:

«Джон Хеннинг Спик

28 июля 1862 года

первым открыл исток Нила с точки, отмеченной обелиском на противоположном берегу. Этот памятник стоит напротив того места, где были теперь затопленные водопады Рипона, названные так Спиком».

В бинокль я хорошо разглядел округлые кроны деревьев на том берегу, белый, скошенный сверху обелиск и каменный навес-беседку возле него.

Памятник, или, как его скромнее называют, мемориальная доска, Спику у Рипонских водопадов был водружен здесь по инициативе Джеймса Огастеса Гранта, спутника Спика по путешествию, который, однако, не разделяет с ним славы первооткрывателя истоков Нила.

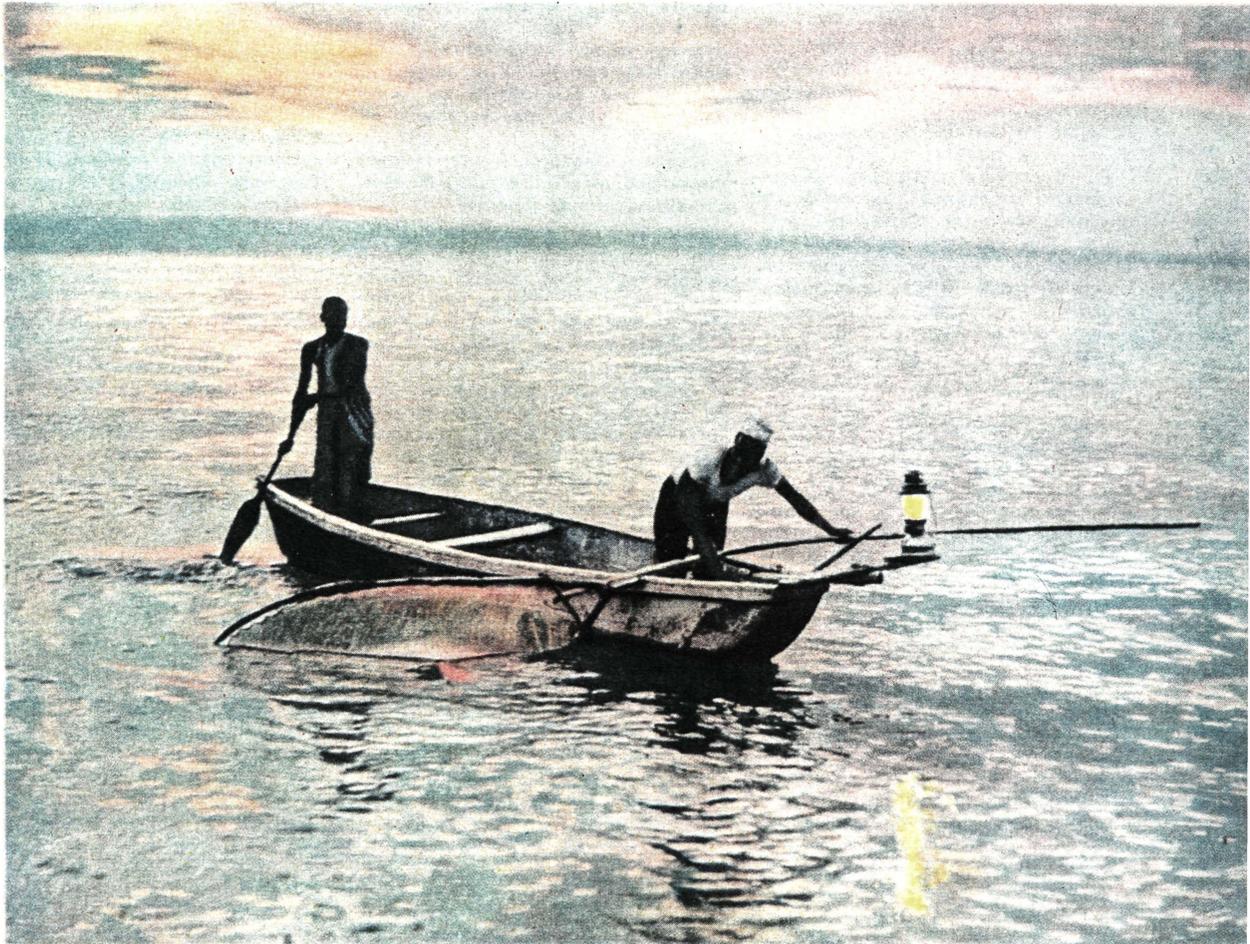
В одном из своих предсмертных писем к Ричарду Фрэнсису Бёртону, начальнику двух экспедиций в Африку, в которых участвовал Спик до своего триумфального похода к истокам Нила, Грант вспоминает Спика как «чудесного малого, смелого, талантливое, прямодушное, с добрым сердцем».

Такая характеристика, написанная четверть века спустя после гибели Спика, делает честь Гранту.

Многое в ней верно. Но Спик был более сложной фигурой, чем казалось его спутнику на склоне лет.

◀ *Вечная радуга водопада Мёрчисона.*

Труженики Большой Воды.

Спику необычайно везло в Африке. Уже в первой экспедиции, в Сомали, его изловили местные кочевники, разогнавшие весь отряд во главе с Бёртоном. Кочевники присели отдохнуть перед тем, как по всем правилам прирезать Спику, а он умудрился развязать путы и удрать. Номады открыли по нему стрельбу из луков и всадили в каждую ногу по стреле, но оперенный таким образом путешественник лишь удвоил скорость бега, оставив далеко позади преследователей.

В данном случае везенье не отделишь от умения постоять за себя. Но что Спик, направляясь к истокам Нила, вошел в королевство Буганда с юга, — это уже везенье чистой воды, это уже, как принято говорить, счастье.

Дело в том, что у бугандийцев существовало поверье, будто их покораят восточные пришельцы, и они по приказу царя-кабаки убивали всех, кто с востока переступал границу страны.

Объективно — он шел от побережья Индийского океана — Спик тоже должен был войти в Буганду с востока. Но он обогнул с юга им же открытое озеро. Он не открыл бы истоков Нила и не вернулся бы в Англию, если бы не это самое везение. В Англии, к сожалению, везти ему перестало.

В Восточной Африке Спик впервые появился в качестве спутника Ричарда Фрэнсиса Бёртона. Они вместе первыми из европейцев достигли берегов озера Танганьика, но поскольку Бёртон возглавлял экспедицию, пальма первенства в этом открытии отдана ему... Позднее, уже на обратном пути, Бёртон заболел, а Спик, прослышав о другом большом озере, один вышел на берега Виктории.

Собственно, никто тогда так это озеро не называл. Окрестные жители называли его просто Ньяса, что означает Вода, или Большая Вода. Точно так же окрестные жители называли Байкал просто Лама, что означает Вода, или Большая Вода, и точно так же местные жители называли моря — например, Охотское море — Лама. Традиция эта, как видно, географически весьма широка: единичное, уникальное в древности никак специально не называлось; называлось, поименовывалось обычное, часто встречающееся, чтобы

можно было одно отличить от другого.

Сама история поисков истоков Нила восходит к глубочайшей древности.

Истоками Нила интересовались древние египтяне, греки, римляне; и скорее всего последним мы обязаны легенде, никак в то время не подтвержденной: Нил начинается среди огромных озер, расположенных на юге Африки. Никто не мог ни подтвердить легенду, ни опровергнуть ее. Но она жила. И когда Бёртон открыл озеро Танганьика, он без всяких к тому доказательств решил, что Нил берет начало именно из Танганьики.

Спик, открыв Викторию, стал утверждать, что Нил начинается из Виктории, доказательств чему он также не имел.

В Англии бывшие сопутешественники перессорились, и Спик вызвался доказать свою правоту.

Организовать экспедицию было не так-то просто, но молодой Спик проявил себя подлинным дипломатом: он объявил на заседании Королевского географического общества, что называет открытое им озеро именем царствующей особы... А теперь представьте себе, какой царствующей особе не хочется, чтобы одна из величайших и знаменитейших рек земного шара началась бы из озера, носящего ее имя...

Короче говоря, экспедицию организовали и в помощники Спику выделили Гранта.

Они вместе преодолели огромное расстояние, отделяющее побережье Индийского океана от Великих Африканских озер. Они делили все трудности и опасности и оставались добрыми товарищами.

На западном побережье озера Виктория, когда до истоков Нила осталось всего несколько дней пути, Спик предложил Гранту отделиться и заняться исследованием сопредельных областей. К истокам Нила он решил идти один.

Не в полном смысле слова один, конечно: во главе каравана африканцев, но белокожего товарища он попросил отойти в сторону.

Истолковывать поступок Спику можно по-разному. Я убежден, что он руководствовался теми же мотивами, что и полвека спустя Роберт Пири в своем последнем путешествии к Северному полюсу.

Чем ближе становился Северный полюс, тем меньше в караване Роберта Пири оставалось белокожих — европейцев или американцев, как хотите назовите их.

К Северному полюсу Пири пришел в сопровождении пяти человек. Вот их имена: Матью Хенсон, Ута, Эгингва, Сиглу, Укеа. Четыре последних — эскимосы. Первое имя звучит по-английски, но принадлежит американскому негру; впоследствии он прославился не столько походом на Северный полюс, сколько тем, что стал первым государственным пенсионером среди негров Соединенных Штатов Америки, — так своеобразно были отмечены правительством его заслуги перед отечеством.

Но на Северный полюс пришел один белый — Роберт Пири. Точно так же, как полустолетием раньше к истокам Нила пришел один белый — Джон Спик.

У истоков Нила Джон Спик однажды загрустил. Он думал о том, сколько невзгод претерпел на пути к своей цели, он вспоминал родные края...

Я спросил нашего гида Дэвида, как баганда называют Нил на своем языке, на луганде. Африканец Дэвид ответил, что он учился в английской школе и знает только одно название — Нил.

Так вот, на родном Дэвиду языке верхнее течение Нила называется Кивира.

Джона Спику название Кивира, однако, не устроило: он, подавший ностальгии, назвал верховье Нила Соммерсет-Нил, он дал реке имя графства, в котором родился и вырос.

Впоследствии кто-то решил, что предпочтительнее называть истоки Нила именем коронованной особы, и уже без участия Спику Соммерсет-Нил превратился в Викторию-Нил, а следующий участок реки — в Альберт-Нил.

Для Спику же, когда он переименовывал Кивира, все было просто. Сложности возникли, когда он решил назвать как-то водопады у истоков Нила.

Баганда называли все водопады просто «камни», как мы говорим, «пороги».

Спик же решил присвоить водопаду у истоков Нила имя Рипона. Думаю, что он сделал это не без некоторого смущения. Экспедицию его организовывал и, что называется, «пробивал» крупный английский геолог и гео-

граф, многолетний президент Королевского географического общества Мёрчисон. Но в тот самый год, когда Спик отправился в свою знаменитую экспедицию, президентом географического общества стал некий преуспевающий чиновник-политикан Джордж Робинсон Рипон, фигура в науке совершенно случайная.

Спик это, конечно, понимал и не мог не думать с благодарностью о Мёрчисоне, подлинном вдохновителе экспедиции. Но Джон Спик, желая угодить начальству, присвоил водопадам, от которых начинался Нил, имя Рипона, впоследствии крупного колониального чиновника, и только.

История, правда, тут кое-что подправила: после постройки гидроэлектростанции Оуэн-фоллс водопады Рипона исчезли, их затопило.

Спик и Грант, воссоединившись, благополучно вернулись в Англию.

В 1864 году, в возрасте всего тридцати семи лет, Джон Хеннинг Спик погиб у себя на родине во время осенней охоты.

НЕ ТОЛЬКО ВЕЛИКИЕ РЕКИ

О древнейшей человеческой истории района Великих Африканских озер известно сравнительно немного.

В Кении родился и многие годы прожил один из выдающихся современных археологов и антропологов — Луис Лики, человек, настолько увлеченный своим делом, что порою — впрочем, в принципе это не редкий случай — это идет ему же во вред. Лики убежден, что родина человека и человечества — Центральная Африка, Кения, Танганьика и Уганда прежде всего. На территории Танганьики он нашел останки первочеловека, по его мнению, зинджантропа, а потом и презинджантропа, возраст которых он определил примерно в два миллиона лет.

Не все исследователи соглашались с последней цифрой, многим она кажется завышенной. Но в давнем споре о родине человека — а предпочтение отдавалось то тропической Азии, то тропической Африке — Луис Лики сказал свое веское слово, и предпочтение теперь отдается Африканскому континенту.

А с конкретными историческими фактами пока что плохо; и вообще у африканцев только

только пробуждается интерес к своему прошлому. Впрочем, это и понятно, если вспомнить недавнее прошлое. До сих пор историей африканских народов занимались преимущественно европейцы.

На территории Уганды надревнейшие события разворачивались энергично и многообразно, и далеко не последнее значение имело в этой связи озеро Виктория. Не только великие реки имели значение для развития человеческого общества — великие озера тоже. Я думал так раньше и убежден сейчас, что следы первых цивилизаций в Сибири будут обнаружены на берегах Байкала. Пока мое предположение не подтвердилось, но мне приятно было узнать, что угандийская цивилизация берет начало от берегов озера Виктория.

Уже в Уганде мы узнали, что в Энтеббе существует историко-археологический музей, располагающий, в частности, двумя с половиной тысячами экспонатов, доказывающих, что сто тысяч лет назад на берегах озера Виктория и в долине реки Кагеры была развита макролитическая культура, или культура «ручного топора», как ее в Уганде именуют.

Позднее примерно в тех же районах возникла так называемая Сангоанская культура (от залива Санго на Виктории), тоже представленная каменными орудиями, но несколько иного типа.

Но самой интересной в истории Уганды кажется мне культура Биго. Она не очень древняя, она непосредственно предшествует традиционной и, так сказать, династической истории Уганды и целиком укладывается в железный век.

Культура Биго — это культура больших поселков-крепостей, чаще всего земляных крепостей, культура железа и раскрашенной керамики. Непосредственно в районе Биго археологи обнаружили остатки рвов глубиной в четыре метра и длиной примерно в семь километров; причем рвы эти не вырыты, а вырублены в скалах.

Неизвестно кто создал культуру Биго. Легенды угандийцев сохранили сведения о загадочных народах бахима-бачвези и бабито, а археологи, выделившие в культуре Биго две фазы, предполагают, что бахима-бачвези были основателями культуры, а бабито — их продолжателями.

БАЛЛАДА О БРЮСАХ

Тот небольшой отрывок из своих воспоминаний и впечатлений, что я сейчас представляю на суд читателя, я хотел бы назвать «Балладой о миссис Брюс». Баллада, как известно, — жанр стихотворный. Я же, к сожалению, вынужден обратиться к прозе.

Супруги Брюс — миссис и мистер — прогуливались по ботаническому саду Энтеббе, и мистер шел впереди, а миссис шла сзади.

Они продирались сквозь милейший уголок сада, заросший колючими кустами, когда миссис Брюс радостно воскликнула:

— Дэвид, не шевелись! У тебя на шее сидят две мухи цеце!

Миссис Брюс ловким профессиональным движением изловила мух, придушила их, зажав в ладони, и показала мужу.

Супруги на радостях даже прослезились.

Надеюсь, моим читателям известно, что муха цеце — переносчица страшной, до недавнего времени неизлечимой болезни, которую принято называть «сонной».

И тут, конечно, уместным будет объяснение, почему же мухи цеце, обнаруженные миссис Брюс на шее супруга, так обрадовали ее и самого мистера Брюса.

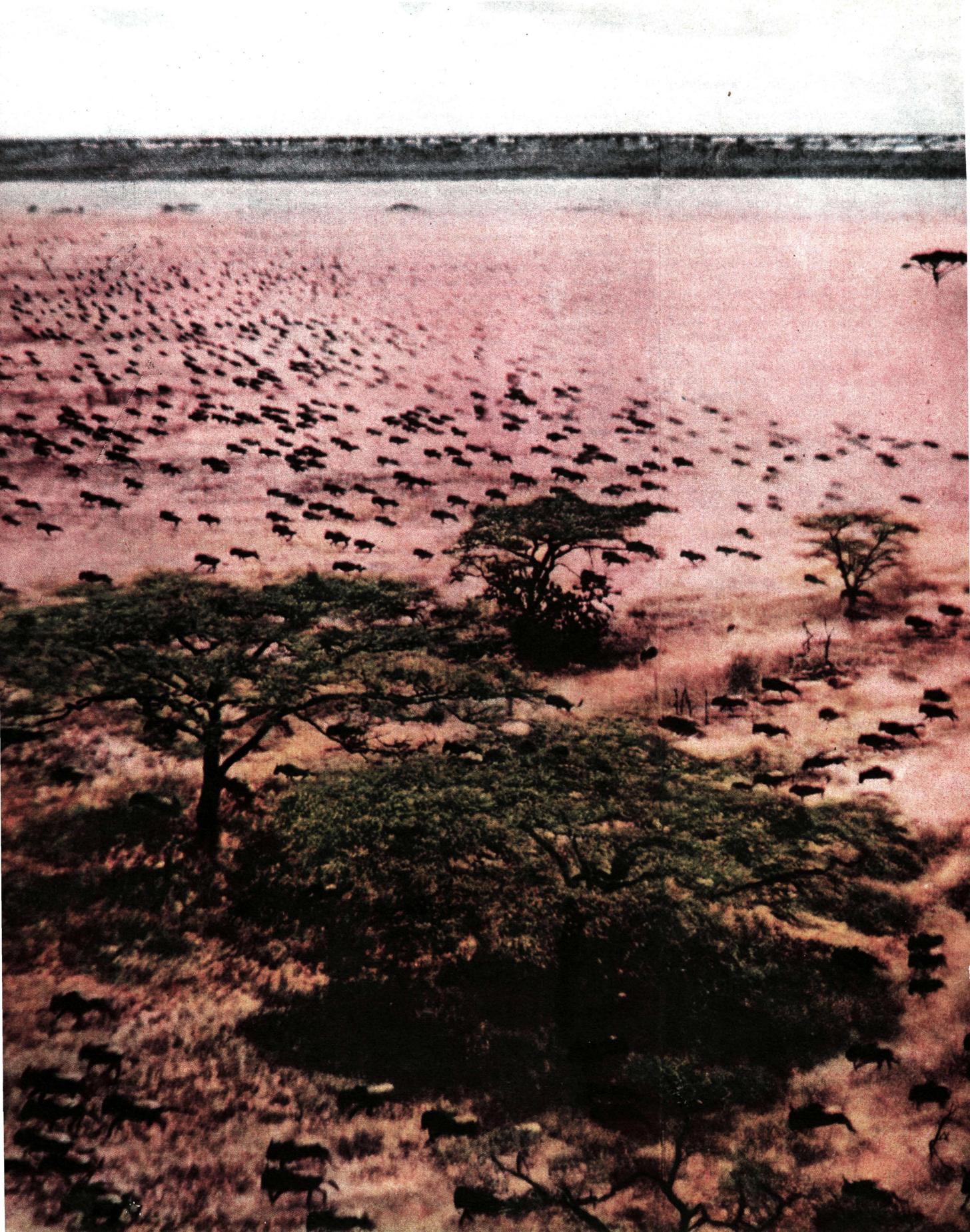
Люди без «слабостей», по-моему, — скучные и бесперспективные люди, ждать от них чего-нибудь выдающегося не приходится.

Так вот, у мистера Брюса была «слабость», и даже не одна: он был влюблен в Африку, и он терпеть не мог муху цеце.

И у миссис Брюс была слабость: она беззаветно любила своего супруга, и потому столь же беззаветно любила все, что любил он, и столь же яростно ненавидела все, что он ненавидел.

Первоначально супруги Брюс невзлюбили ту муху цеце (а их около двадцати видов!), которая, как они же и установили, заражает домашний скот болезнью, которая носит название нагана. Грубо говоря, нагана — это сонная болезнь лошадей и коров. Отряд отправляется в поход на сытых, здоровых лошадях, но через некоторое время лошади перестают есть, быстро худеют, превращаясь в скелет, обтянутый шкурой, и гибнут.

В Уганду Брюсы прибыли в ту пору — это конец прошлого сто-

летия, — когда десятки тысяч угандийцев погибли каждый год от загадочной болезни, ранее почти не случавшейся на берегах озера Виктория. Супруги Брюс без особого труда распознали в загадочном заболевании сонную болезнь, сходную с наганой.

Должен признаться, что, когда перед поездкой в Уганду я изучал карту озера Виктория, название архипелага Сесе весьма определенно ассоциировалось в моем представлении с названием все той же коварной мухи.

Видимо, я ошибся. Во всяком случае, когда супруги Брюс стали дотошно выпрашивать у местных жителей, не водятся ли у них муха цеце, угандийцы гордо отвечали:

— Нет, никакой мухи цеце у нас не водится. Но, конечно, мы не хуже других, и у нас есть свои кусающиеся мухи. Только это вовсе не цеце. Они называются «киву».

Те мухи, которых миссис Брюс так ловко изловила на шее супруга, ничем не отличались от цеце, но по-угандийски назывались «киву».

Так раскрылась загадка, а потом начались будни. Вооружившись сачками, супруги Брюс отравились в самые что ни на есть гибельные места на охоту за мухой киву и доказали, что именно киву губит людей. С помощью местных жителей супруги Брюс составили карту распространения киву и убедились, что киву свирепствует лишь на берегах Виктории.

И тогда супруги Брюс предложили фантастический план: они посоветовали властям переселить на несколько лет всех прибрежных жителей в глубь страны, чтобы ликвидировать очаг заражения. Несколько сотен тысяч смертей всего за несколько лет служили таким убедительным аргументом, что власти постановили: переселить.

Вот почему мне захотелось хотя бы коротко рассказать о супругах Брюс — о миссис Брюс в особенности: именно с их помощью вернулась нормальная, здоровая жизнь на еще недавно смертельно опасные берега Виктории. (Как известно, цеце переносит паразитов с больных на здоровых людей, и если нет больных, то болезнь затухает.)

Что-то напугало животных. Покинув водопой, стадо уходит в глубь подступающей к берегу Танганьики саванны.

Мы тоже побывали в ботаническом саду Энтеббе, где более полувека назад счастливые супруги Брюс установили весьма рискованным способом, что угандийская муха киву ничем в принципе не отличается от прочих мух цеце.

В воздухе мельтешит неисчислимое количество мошкар. И — на солнце, на ветру — кажется, что сыплется мелкий блестящий снег. К сожалению, «кусачий» снег, ибо мошкара решительнейшим образом забирается за ворот, в брючины, грызет руки и лицо... Конечно, это не то, что мошка и комары в тундре, но все-таки не очень приятно.

Я сперва вот так и подумал: «Где сильнее кусается летучая мелкота: в тундре или в тропиках?» — и тогда лишь вспомнил о климатических связях тропиков с нашим севером.

Я побежал к воде и увидел затопленные шеренги пальм. Пальмы не любят забираться в воду, и значит, высоко поднялся нынче уровень озера Виктория. В свою очередь, это означало, что в морях Северного Ледовитого океана должно быть сравнительно мало льдов.

Владимир Юльевич Визе, на авторитет которого я в данном случае полностью полагаюсь, в своей статье «Арктика и Африка» писал по сему поводу следующее: «Твердо установлено, что с возрастанием количества и скорости перемещения воздушных масс вдоль поверхности земного шара (то есть вдоль меридианов. — И. З.) уменьшается ледовитость арктических морей, а с уменьшением интенсивности перемещения воздушных масс ледовитость увеличивается. В экваториальной зоне усиление общей циркуляции атмосферы вызывает увеличение количества выпадающих осадков, что и отражается на уровне озер».

Зная, объяснение Визе, я почти точно так и вспоминал его слова, но, помимо воли, видел не только погруженные в воду комли перистолистных пальм, но и незримые опоры воздушного моста, опущенные в озеро Виктория здесь, в Уганде, и в Баренцево море на моей Родине...

Улетая из Уганды, я запомнил последнее ощущение от озера Виктория — ощущение наклонного горизонта, скатывающегося на юг. Стало быть, к Танганьике, к Ньясе.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСТАНЬ

Танганьiku — так уж пришлось по маршруту — я увидел, к сожалению, только с воздуха.

Я скажу еще несколько слов об этом озере, но в самом конце своего рассказа. После рассказа о Ньясе, или Малави, как называют озеро теперь в Республике Малави, бывшей колонии Ньясаленд.

Озеро Ньяса открылось нам впервые темно-синим полуovalом, вставленным в арку из ярко-красной цветущей бугенвиллеи.

Это случилось после того, как мы проделали весьма долгий путь от столицы Малави города Зомба через Форт-Джонстон и прибыли в Палм-Бич — небольшой поселок с отелем на берегу озера Ньяса, а если говорить точнее — на берегу Манки-бея — залива Обезьян.

...Сейчас я сижу на самом берегу Ньясы. Оно совсем тихое, и по дну его бегают солнечный свет: лучи повторяют очертания песчаной ряби... У кромки воды песок крупный, из красноватых неокатанных зерен гранита, а чуть глубже — он уже светлее и мельче. Ползают по дну моллюски, похожие на прудовиков, но размером побольше.

В нескольких метрах от берега, приветствуя утро, высунулись из воды маковки водорослей и тростника.

В Ньясе, зайдя в воду, стоят веерные пальмы, а на самом берегу растут кокосовые пальмы с желтыми нижними листьями и еще незрелыми орехами. Зеленеет баобаб (в саванне баобабы еще без листьев), и белеют на нем два цветка.

На пальмах, на почти безлистных акациях — гнезда ткачиков, и задиристые, щебетливые хозяева их тут же: они лимонно-оранжевые, с черными головками. Летают горлинки — такие же почти, как у нас в Средней Азии, и так же воркуют. Совсем рядом садятся на воду бакланы. Бегают по песку черно-белые трясогузки и доверчиво подходят к самым ногам; иногда они забегают в воду, что-то склевывают, пока не накатилась волна, а потом забавно трясут головкой.

на стр. 56 ►

Роза ветров

Н. АЛЕЕВ

«Наш комбинат стоит на трех китах — Джанатасе, Аксае и руднике Молодежном», — говорят в Каратау. Киты — это мощные пласты фосфоритов — «хлебного камня», столь необходимого для плодородия земли. Самый «жирный» из них — Джанатас, возле которого вырос город-спутник Каратау. По-настоящему освоение природных богатств в этом районе началось несколько лет назад — комбинат «Каратау» был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

О моих друзьях, с которыми я жил и работал на этой стройке, ездил на охоту и на рыбалку, мне и хочется рассказать.

По обе стороны полумертвой реки, оцетинившейся спелым камышом, лежит песчаная равнина. Всю ее просвистел ветер.

На горизонте вдруг ослепительно блеснет на солнце неоглядная «снежная» равнина. Кажется, присмотришься хорошенько — и увидишь на ней собачью упряжку или одинокого охотника, бредущего на лыжах. Это солончаки. Мертвая земля.

Степь усеяна янтаком — верблюжими колючками. И лишь кое-где треплет ветер клочья травы, похожие на расшлепанные веники. В низинках встречаются реденькие рощицы саксаульника. Тень от этих деревьев бывает не гуще, чем от повешенной для просушки рыбацкой сети.

Сидку, как говорят охотники, Юра и Тим выбрали у самого берега Чу. В три человеческих роста камыш тут вымахал, а стебли у него толщиной с черешок лопаты. Стоит, как бамбуковая роща. Даже оторопь берет, когда в эти дебри заберешься. Вверху шелестят листья сизоватого молодого камыша, под ними торчат рыжие копыя прошлогоднего, обломанные ветром, а под ногами лежат черные пласты упавших растений. И все это переплелось, скрутилось, скаталось.

Ветер будто лихорадит. Он то нехотя ворошит камыш, позванивающий стеклянным звоном, то начинает яростно крутить его, трепать и ломать.

Тим замер рядом с Юрой, пожив двустовоку под бок.

Ребятам повезло — очень удачно выбрали они место для засады. Правда, кабаны пришли не по той тропинке, на которую были нацелены ружья, а по другой,

но засада оказалась все равно с подветренной стороны.

Первым шел секач. Вожак. Клыки у него белели в темноте, как две потухшие папиросы, зажатые в углах рта. Остановившись на прогалине, он повел мордой и принялся. На шее и хребтине колыхнулась длинная щетина, похожая на расчесанную гриву.

Тотчас грохнул выстрел, потом второй... Кабан шарахнулся к речке. Тим ударил ему вслед дуплетом.

— Промазали!.. — застонал Юра, выскочив из укрытия.

Тим выдернул фонарик из-за голенища и судорожно зашарил лучиком по ямам и кочкам.

— Вот он! — ахнул он радостно.

— Не подходи! — дернул его за рукав Юра, перезаряжая ружье.

Секач свалился у самого берега, ткнувшись мордой в пласт трухлявого камыша.

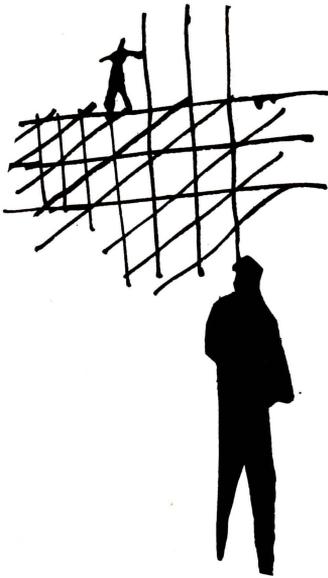
— Может, они заблудились? — тревожно спрашивает Зойка и вся дрожит не то от страха, не то от холода.

Мы не успеваем ответить. Жуткий грохот и треск за стеной. Будто тяжело рухнуло огромное дерево, подмяв кустарник.

Но ни деревьев, ни кустарника там нет. Там ураган и пустыня. Там Бетпак-Дала. «Такая голая, что стыдно лошадям смотреть в глаза», — поют о ней чабаны.

Ночью холод, а днем жара. Резкий перепад температур взлелеял в пустыне роскошную «розу ветров». А когда эта «роза» с морозом, то и вовсе хана...

Я привалился головой к стене и чувствую, как она дрожит под напором ветра. С потолка сыплется глина.

Юра Величко и Тим Зямрев ушли на охоту вчера. А ночью началась эта свистопляска.

— Они думали, что пустыня — это так себе, аля-улю! — бурчит, зарывшись с головой в спальный мешок, Аюп по прозвищу Керогаз. (Ходит он всегда чумазый и какой-то закопченный.)

Керогаз появился на стройке не так давно. Ранней весной приехал он из Норильска срочную телеграмму в комитет комсомола, предлагая свои услуги в качестве машиниста крана. Ему деликатно отказали, попросив повременить. Крановщики, дескать, пока не требуются.

«Согласен на любую работу», — немедленно последовала вторая телеграмма, тоже срочная.

«Да он что там, промерз?!» — шутили ребята.

«Тяжело с жильем, — написали в Норильск. — Подождите до лета».

Аюп появился в феврале — прикатил на собственной «Волге». Привез утепленную туристскую палатку и меховой спальник. Приехал и показал нам большую фотографию, на которой был запечатлен один из открывателей каратауских фосфоритов, Иосиф Лапенков, — он погиб в сорок пятом, тараня фашистскую «пантеру». На фотографии — рядом с геологом шел

казахский паренек лет шестнадцати, удивительно похожий на Аюпа. Его отец. Это он настоял на приезде сына: «Я искал фосфориты, тебе строить Джанатас. Приезжай быстрее, а то опоздаешь...»

На зубах хрустит песок. Зойка опять выглядывает в оконце, отодвинув рюкзак.

— Лезь в мешок, чего ты мечаешься? — кричит на нее Попандопуло. — У геологов они...

...Мы прилетели сюда на самолете, кибитка, в которой мы расположились, — зимовка чабанов. Стоит она на взлобке возле речки Чу. Весной эта речка полноводная, а летом тощает и начинает рваться, как гнилая веревка, сразу во многих местах. Но, на счастье рыбаков и охотников, остаются у нее глубокие живые ленты, которые здесь, у совхоза «Джайляу-Коль», тянутся на десять-пятнадцать километров. Водятся в них очень крупные сазаны, жерех, сомы, а в камышах много кабанов. Осенью собираются в стада сайга.

На охоту с Юрой Величко хотел пойти Асхат Хафизов, но после жирной тройной ухи из окуней, подъязков и здоровенных сазаньих голов, его потянуло в сон. Лентяй он, Асхат. Юра возмутился: «Я, говорит, думал — имею дело с мужчинами!» И усмехнулся, поглядев на Зойку Сулейманову.

Тим вылез из своего спальника и молча взял Асхатову двустволку.

Забавный он парнишка, Тим! Может часами блуждать по степи один-одинешенек или ляжет на спину и смотрит, как проносятся над ним облака.

«Я, говорит, кажется, слышу, как они хрустят, когда трутся друг о дружку...»

...Зойка молча приткнулась на мешки Тима и Юры.

Где же ребята? Неужели блуждают в этом черном буране?

За окном темень. Диск солнца зловеще глядит сквозь черное мезиво воспаленным, красным оком.

На ветер идти тяжело, значит, они ушли под ветер — к геологам.

Нам хочется этому верить. А вдруг им все-таки взбрело в голову идти на ветер — добираться к нам, в кибитку?..

Холодно. Я с головой залез в спальный мешок, оставив только маленькую щелочку у рта.

— Не хватает еще скорпиона или каракурта для полноты чувств, — ворчит Асхат.

Тим приехал к нам два года тому назад. Мы тянули тогда железную дорогу к Джанатасу.

— Сапожник! — просил мастер Попандопуло, развернув его трудовую книжку. — Да тебя же сам бог послал!

Новичка окружили ребята и начали наперебой совать ему свои ботинки, кеды, тапочки, босоножки...

— Как на огне горят!

— Не напасешься...

Тим растерялся под натиском ребят:

— Я дорогу... строить.

— Да ведь нам сапожник до за-

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

резу нужен, — умоляли его ребята. — Босиком на работу не побежишь. А до Каратау чуть не сто километров...

— Ты поймей совесть!

— Знаешь, сколько ты рабочих часов нам спасешь?

— Ты пойми: это для нас сейчас очень важно, — солидно про-

местожительство. Но ты не трусь, Тимка, приезжай скорей...»

Вот Тим и приехал.

На берегу Беркутинки появилось еще одно служебное помещение. Плотники сколотили из фанеры маленькую будочку, похожую на елочный теремок, какие появляются перед Новым го-

бубнил Попандопуло. — У тебя вон в книжке одни благодарности... Стаж имеется. Значит, дело свое знаешь.

Все дружно заулыбались Тиму, и он невольно улыбнулся в ответ.

— Ну, вот и поладили! — сказал весело мастер.

Зойка вернулась со спартакиады из Джамбула злая-презлая. Девчата проиграли эстафету.

— Опять сапожником?! — фыркнула она и убежала в свой вагончик. Будто Тим приехал не к ней. Будто не лежало у него в кармане ее письмо.

«...Приезжай скорей, — звала она Тима. — Мне скучно здесь без тебя. Я тебя люблю, Тимка, теперь это уже точно. Каждый день я вспоминаю тебя, думаю о тебе и скучаю жутко.

Мы стоим табором у речки Беркутинки. Скоро и про нее будут песни петь, как про Бирюсу. Между прочим, Беркутинкой эту речку назвали потому, что здесь очень много орлиных гнезд на скалах, а орлы всегда забираются в самые дикие места, поэтому ты можешь представить, какое у нас

дом на площадях городов. Ребята были, видимо, не лишены чувства юмора. Тим уехал в Джамбул за инструментом. А когда вернулся обратно, на дверях его теремка было выведено голубой краской с потугой на славянскую вязь: «Моментальный ремонт обуви». Он угадал руку Зойки и не стал соскабливать.

Зойка вечером прибежала к нему, швырнула под ноги свои рыжие ботинки, исхлестанные о камни и колючки.

— Без очереди... По знакомству!

Тим терпел. Часами сидел он в своей «моменталке», латал ребятам обувь. А Зойка, как нарочно, каждый вечер тащила ему что-нибудь чинить — кеды, туфли, тапочки или бегунки-шпоровки спортивные и норвила хлестнуть его при этом побольней:

— Ты, Тимка, не высидал еще тут... ну, этот, как его? Да вот у дряхлых стариков бывает от сидячей жизни!..

Тим терпел. Что он мог ей доказать?

Иногда Тим выезжал на трасу — к взрывникам, путеукладчи-

кам, в мехколонну. Ночевал там в паатках — жил по два-три дня в одном лагере, потом перебирался со своим чемоданчиком в другой. Вдали от Зойки своя работа казалась ему значительной и очень нужной. Когда Тим возвращался в «моменталку», в блокноте появлялись новые стихи. Тим стеснялся и никому не показывал этот блокнот.

Однажды он побывал у путеукладчиков и сразу же засел за стихи, да так увлекся, что позабыл обо всем на свете.

Как бы сами собой рождались короткие строчки:

Рельсы-нити.

Мокрая рубаха.

Паровоз аукает вдали.

Тяжек молот.

Со всего размаха

В шпалы забиваю костыли...

В мастерскую заглянул Попандопуло.

— Да ты же поэт, Тимка! — ахнул он.

Стихи появились в стенгазете. Ребятам они понравились. А Зойку не тронули нисколько. Наоборот...

Вечером, за ужином, она приняла позу сапожника, сделала какое-то глупое, деревянное лицо, вынула изо рта воображаемый гвоздик и саданула по нему три раза ложкой:

— В шпалы... забиваю... костыли!

Кто-то из девочек резко сказал: «Прекрати!» — но Тим услышал, как одна из них прыснула в кулачок: с того дня стало казаться ему, что и другие втихомолку потешаются над ним. И потом, как объяснишь этой дурехе Зойке, что «я» в стихотворении, это же не Тим, «я» — это лирический герой Тима. А ей кажется, будто получается у него, как у той мухи, что на ярме сидела, когда вол плуг по пашне таскал: «И мы пахали!..»

Тим затосковал. Да тут еще начал он примечать, что один нахаленок-бульдозерист за Зойкой приударил и та вроде бы довольна — танцует с ним под радиолу... И кто знает, как бы все повернулось, не попадись Тиму в Байкадаме сапожник дядя Федя — рыхлый мужчина с густой рыжей щетиной на одутловатом лице. Тим привез его в лагерь строителей, угостил ухой и даже бутылку поставил на радостях. Попандопуло направил Тима по его просьбе на звеносборку. И теперь уже не лирический герой, а сам Тим в шпалы заколачивал

костыли пневматическим молотком.

— Давно пора! — буркнула при встрече Зойка.

А вскоре девчонки заметили, что Тим после каждой полочки заполняет на почте переводы на имя какой-то Маргариты...

Однажды собрались все у конторы, чтобы обсудить обязательство, — решили бороться за звание участка коммунистического труда.

— Пусть Тимофей сперва про свою жизнь расскажет! — зашумели девчонки, сидевшие рядом с Зойкой.

— У него, оказывается, жена, а он тут холостяком прикидывался! Зое голову морочил...

Тим вспыхнул, растерялся:

— Какая жена? Я еще не голосую!

— Ты не придуривайся!

— Кто такая Маргарита?

Тим замялся:

— Жена сапожника — вот кто!

она ни за что дядю Федю не отпустила...

Попандопуло побагровел, силась не расхохотаться.

— Сколько посылаешь?

— Тридцать пять...

Тут раздался такой хохот, что даже стекла в домах-вагонах затряслись, как после взрыва. Когда хохот смолк, кто-то из ребят сказал:

— Дура ты, Зойка! Из-за тебя, можно сказать, человек талант теряет, да и мы страдаем...

В дверь нашей кибитки будто кто-то ломится или с той стороны выпрямляют на ней гвозди сразу в несколько молотков.

Дело уже к вечеру, а буря не унимается.

Каково сейчас Юре и Тиму?

Я думаю о ребятах, о Зойке, и мне нелегко вспоминается недавний эпизод на работе.

— Не проценты, что-нибудь

ставили длинные трубы, соорудили из них что-то наподобие крана и поволокли вверх ажурную галерею, похожую на опору ЛЭП.

Начальник монтажного участка приставил к губам мегафон.

— Левый трос подтяни. Левый!.. — Задрал он голову вверх так, что берет его сполз на воротник капюшона франтоватой «канадки».

— Здравствуй, Мотя! — подлетела к нему Зойка.

Матвей кивнул ей и поморщился. Опять она не вовремя... И ведь не отвяжешься от нее никак, пока своего не добьется.

Зойка нетерпеливо затопталась рядом, сунув руки в карманы своих коротеньких брючек.

— Почему в конторе вчера говорили «смелое инженерное решение»? — спросила Зойка у Баженова, кивнув на вздыбившиеся трубы на банке.

— Боялись, что банка прова-

— И ты ей денежки посылаешь? — ехидненько пропела Зойка.

Вмешался мастер Попандопуло, властным окриком погасив шум:

— Отвечай серьезно, Тимофей! — потребовал он.

— Ну, мы так с дядей Федей договаривались. Он в Байкадаме больше зарабатывал... Ну, я и помогаю... жене его... А то бы

героическое надо для стенгазеты, — так и сказал редактор Зойке Сулеймановой.

У корпуса обогатительной фабрики поднялась серая машина элеватора для фосфоритной муки. Как городошные фигурки — «забор», — стоят, тесно прижавшись друг к другу огромные банки высотой с пятнадцатитажный дом. На крыше одной из них монтажники-верхолазы по-

лится, — улыбнулся Матвей, довольный, что с галереей все обошлось как нельзя лучше.

— Только и всего-о?.. — разочарованно протянула Зойка.

— Ну конечно... — Баженов поглядел на потускневшую сразу девчонку и пожалел ее. — Сходи к Аюпу. Они там вал сегодня подняли.

Но к Аюпу Зойка попала не скоро. Ее попросила подменить

крановщица-подружка. Только забралась Зойка в железный скворечник-будочку, как заело трос на стреле. А слесаря нет. Унесло куда-то слесаря.

Шоферы галдят. Монтажники тоже нервничают. Им тоже кран подавай.

— Ее «железными руками» еще в куклы надо играть! — ехидно кричит кто-то с крыши корпуса.

Это подковырка. Недавно в стенгазете был напечатан очерк про Зойку, который назывался «Железные руки девчонки».

Выскочила Зойка из кабины и кошкой метнулась вверх — к стреле. А ветерок был тугой. Да еще с галечкой. Вниз он не так чувствовался. У Зойки вырвало рубашку из-под брюк, раздуло пузырьком. Косынку унесло. Волокна взметнулись факелом.

— Куда ты, чертенок?

— Слазь давай!

— Упадешь, — заволновались внизу.

Тим работал на крыше корпуса обогатительной фабрики. Заливал битумом потолок. Зойка повисла прямо над ним. Он видит ее исхлестанное песком, побледневшее от волнения лицо, видит даже, как плавится подведенная тушью тонкая Зойкина бровь.

— Ну чего ты глазищи-то на меня вылупил? — скривила ему рожицу Зойка. — Блок тут выкрошился. Блок подай!..

Тим бросился в инструменталку, схватил блок, затянулся монтажным ремнем со звенящей цепочкой и решительно зашагал к крану.

Когда он добрался до стрелы, мастер улыбнулся и произнес тихо:

— Верхолаз родился!

Когда вернулась Зойкина сменщица, пробка машин у крана уже рассосалась. Зойка не могла да-

же отругать подружку как следует — побежала на участок Аюпа.

...Кран Аюпа Сергазина рассчитан на двадцать тонн, а вал, который надо было поднять, весил двадцать шесть! Как быть? Аюп предложил привязать противовес крана.

— Это же здорово! — просияла Зойка.

— Не мы же поднимали, кран поднимал, — устало рассуждал Аюп.

Зойка принесла редактору заметки, но опять в них были проценты...

Второе утро встречаем мы в кибитке. Буря бушует по-прежнему.

Нет, какая это буря? Ураган...

— Трусы! — в бешенстве шельмует нас Зойка. — Жалкие трусы! Пропадут ребята!..

— Ну куда мы сейчас пойдем? — пробует урезонить ее Асхат. — Сами заблудимся, только и всего!..

Попандопуло молча курит, зажав папиросу в ладонях, чтобы не раздувал ветер. За целый час мастер не проронил ни слова и этим окончательно, должно быть, вывел Зойку из себя. Она рванулась к двери. Буря подхватила ее и закружила, как берестинку.

Мы выскочили следом. Это напомнило мне парашютные прыжки с самолета. Как в момент прыжка, у меня захватило дух и что-то сдвинулось внутри. Под ногами была земля, но она будто крутилась, ускользая. Так, вероятно, чувствует себя муха, сев на вращающуюся патефонную пластинку.

— Зойка! Вернись!.. — звал изо всей мочи Асхат где-то неподалеку.

Я с трудом сделал несколько шагов. Ветер сгреб меня в охапку и так шарахнул об угол кибитки, что я чуть не взвыл от боли.

— Вернись!.. — сердито кричал Попандопуло.

Нас разметало в разные стороны. Асхат отлетел дальше всех, воткнулся головой в бархан и неуклюже забархтался в песке.

...Буря утихла так же внезапно, как и началась. Словно кто придушил ее, свалив на обе лопатки.

Над горизонтом вставало солнце. Оно было ярко-красное и уже пригревало, хотя невидимое пыльное облако, висевшее где-то высоко над пустыней, заретушировало его немного.

Пустыня лежала измученная. Не было слышно ни звука. Ни одна песчинка не шевелилась на сгорбившемся бархане.

Нахохлившись, сидел на камне гриф. Ему тоже, видно, буря здорово намаяла бока. Мы прошли почти рядом, но он даже не шелохнулся.

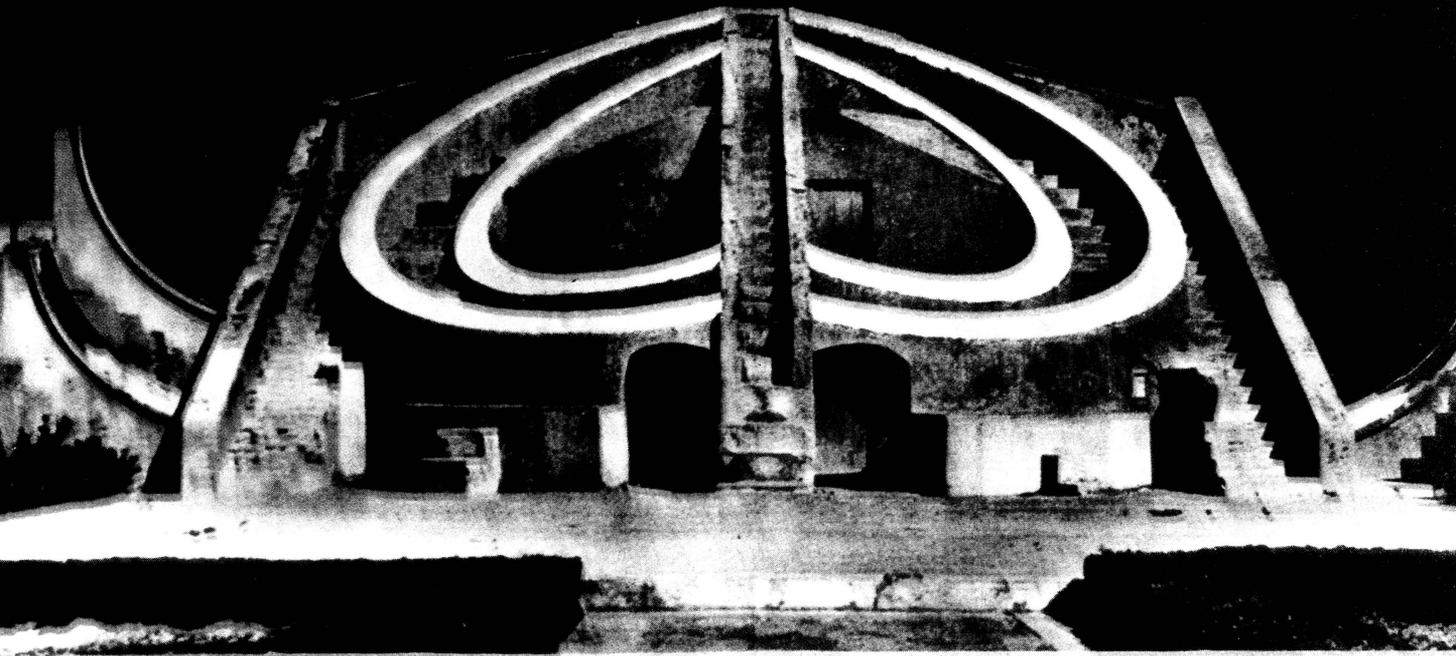
— Наши! — радостно закричал Аюп, первым взбежав на бархан.

Охотники изнемогали под тяжестью кабана. Оба похудели заметно, осунулись, но близость кибитки подбадривала, очевидно прибавляя силы. Бурю, как выяснилось позже, Юра и Тим переждали в камышах.

Зойка, сияя, несла ружья.

— Ребята, а Тимка-то у нас настоящим мужчиной стал! — радостно выпалила она.

Джанатас — Каратау

ДЖАНТАР-МАНТАР

Грандиозные — из белоснежного мрамора и красного песчаника — сооружения в Джайпуре. Тянутся ввысь башни без окон, узкие лестницы круто изгибаются или стремительно уходят в ослепительное тропическое небо, величественные стены то образуют полукруг, то смыкаются в виде полусфер.

Обсерватория Джантар-Мантар, построенная в XVIII веке Джайсингхом II, где он и его помощники — крупнейшие индийские астрономы и математики того времени — проверили звездные таблицы, составленные в XV веке

великим астрономом средневековья Улугбеком в его знаменитой Самаркандской обсерватории, и провели ряд других ценнейших наблюдений. У Джайсингха почти не было оптических приборов. Он считал оптические приборы своего времени чересчур грубыми, неточными, слишком подвластными человеческой руке и поэтому решил строить огромные, высотой до 27 метров, неподвижные инструменты, полагая, что это избавит его от ошибок в измерениях.

Для определения местного времени воздвигается фантастическое сооружение, сферические стены которого прорезает наклонная «лестница», точно указывающая на Полярную звезду.

ЗВЕЗДА УЛУГБЕКА

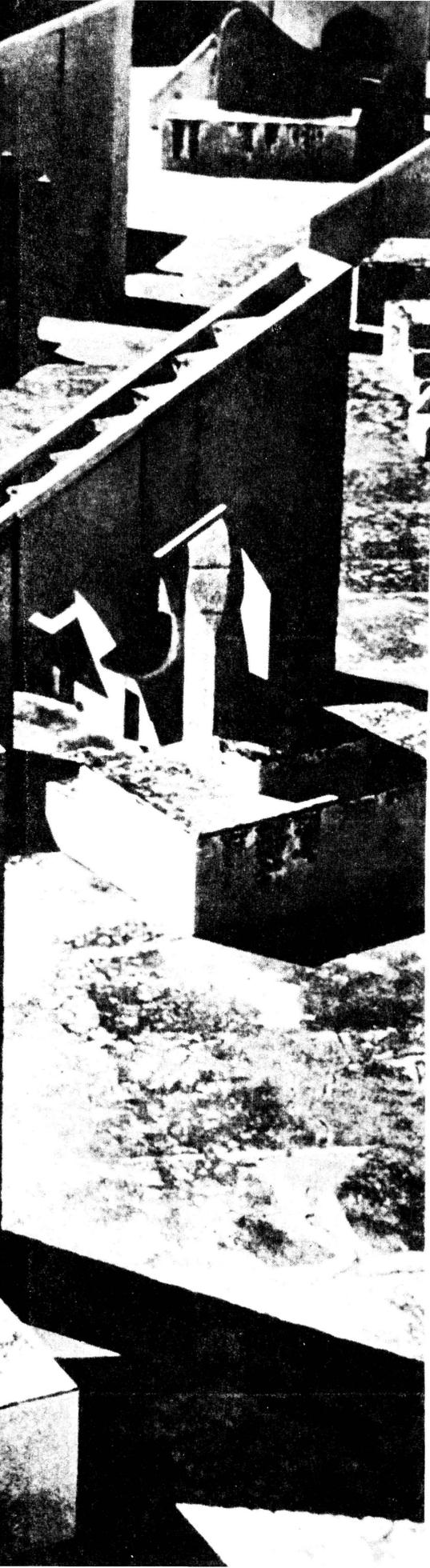
И. МОЖЕЙКО

На гравюрах эпохи Возрождения его изображения помещали по правую руку от аллегорической фигуры Науки, среди величайших ученых мира, ибо ни один астроном в течение столетий не мог

сравниться с Великим Самаркандцем (так называли его когда-то) в точности расчетов и наблюдений, которые провел он в своей обсерватории.

Но когда в 1908 году русский

археолог Вяткин решил найти остатки этой обсерватории, никто в Самарканде не мог сказать, где она была. Казалось, след ее безвозвратно утерян в тот месяц рамазана 853 года хиджры...

Седьмого рамазана 853 года хиджры — а по летосчислению «неверных» 24 октября 1449 года — правитель Самарканда, внук Тимура Улугбек подъехал к собственному дворцу, спешился и смиренно остановился перед воротами. Стражники засуетились у входа, и начальник караула побежал в дворцовые покои сообщить Абдал-Лятифу, нелюбимому сыну Улугбека, уже несколько дней ожидаемую весть: правитель отказался от дальнейшей борьбы.

...Улугбек отдавал предпочтение занятиям науками перед военными походами, он избегал придворных льстецов, открывая свое сердце тем, кто вместе с ним наблюдал бег далеких звезд; его ученики вместо корана читали труды безбожных античных философов и изучали естественные науки. И шейхи не могли простить ему его слов: «Религии рассеиваются, как туман. Царства рушатся. Но труд ученых остается на вечные времена». И настало время, когда сын его, поддержанный всеми религиозными фанатиками Самарканда, открыто выступил против отца...

И вот теперь Улугбек стоит перед судом шейхов. Шейхи осуждающе покачивают бородами и не скрывают долгожданной радости. Абдал-Лятиф, как и положено победителю, который даже не может убедить себя в том, что он достоин победы, — груб и резок. Он обвиняет отца в гордыне, кричит на старика и грозит ему смертью.

Улугбек просил одного — разрешения остаться в Самарканде, где он мог бы продолжать свои наблюдения. Но решение суда гласило: чтобы замолотить грехи, бывший хан должен отправиться в Мекку, совершить хадж.

А ночью, когда измотанный предательством, жестокостью, бесильный перед людьми, еще месяц назад целовавшими пыль, по которой ступали его сапоги, ночью, когда Великий Самаркандец спал, состоялся другой суд. Тайный. На нем шейхи решили убить Улугбека.

Через несколько дней Улугбек в сопровождении хаджи Хусроя ушел пешком из славного Самарканда. В ближайшем кишлаке путников нагнал гонец. «Именем хана повелевается тебе, мирза Улугбек, — говорилось в депе-

ше, — остановить свой путь. Не подобает тебе, внуку Тимура, совершать хадж в таком скромном окружении. Ты не двинешься дальше, пока не закончатся приготовления к дальнейшему путешествию, которое должно вызвать одобрение всех правоверных».

Улугбек присел в тени под чинарой. Бежать было некуда.

А к кишлаку уже скакал из Самарканда Аббас из рода Сулдузов, за поясом которого лежала разрешительная фетва на убийство Улугбека. Он приговаривался к смерти за отступление от заветов ислама.

Нукеры Аббаса издали увидели сидевшего в тени старика. Они узнали его. Связанного Улугбека привели на берег арыка и поставили на колени. Аббас подошел спереди, надеясь увидеть страх в глазах пленника, и взмахнул мечом. Голова повелителя вселенной покатилась в мутный арык, оставя на пыльном песке быстро темнеющую дорожку. Один из нукеров ловко нагнулся, подхватил голову и бросил ее под ноги палачу.

Через час весть о смерти бывшего правителя достигла Самарканда.

Вечером узнал о ней и звездочет Али-Кушчи — ближайший помощник, ученик и друг Улугбека.

Известие о смерти Улугбека поразило его. Он понимал, что смертный приговор хану — это смертный приговор и его ученикам и всем трудам и книгам Улугбека.

Али-Кушчи надел поверх кольчуги халат и спрятал кинжал в широком поясе. Конь пронес его по глухим переулкам к холму, с вершины которого был виден весь Самарканд...

С вершины холма был виден весь Самарканд. Над низкими глинобитными домиками тонко росли пики минаретов.

Вяткин еще раз обошел горбистую вершину холма, который едва слышно отдавался глухим гулом под ногами, словно сквозь выжженную шершавую землю пробивалось эхо потаенной пещеры. Вяткин поднял обломок голубоватого мрамора — освещенный солнцем, он нежно светился в его ладони, как маленькая звезда.

И снова уверенность вошла в его сердце.

ДЖАНТАР-МАНТАР

Для измерения движения светил астрономы Джайсингха построили комплекс массивных приборов — для каждой

Вяткин не случайно пришел на этот холм. Долгие месяцы в поисках следов обсерватории он исследовал окрестности Самарканда, изучал архивы, расспрашивал стариков — хранителей преданий. И когда, казалось, поиски уже зашли в тупик, он решил исследовать архивы Земельной управы.

После окончания рабочего дня, когда изнуренные жарой и пылью чиновники покидали Земельную управу, археолог забирался в архив и методично просматривал документы многолетней давности. Документы пахли птичьим пометом и едкой самаркандской пылью. Вечерами на свет керосиновой лампы залетали летучие мыши и чиркали крыльями об облезлые стены...

Через несколько месяцев работы Вяткин отыскал документ XVII века. В нем говорилось о продаже участка под названием «Тал-и-расад» — «Холм обсерватории». Находился он на холме, известном теперь под названием Кухак, по соседству с мазаром Сорока девственниц.

...У подножья холма Вяткина поджидали дехкане. Они уже час стояли под полуденным солнцем и следили за странным русским. Вяткин сказал, что ему нужны землекопы — он хорошо заплатит, и сам губернатор дал ему разрешение производить раскопки.

— Здесь нельзя копать, — ответил старый узбек, — святое место. Здесь был мазар...

— Но ведь мазар не мог занимать весь холм.

— Не знаем, не знаем...

— Я не буду трогать мазара. Но здесь была обсерватория, и я буду искать ее, хотя это, — Вяткин протянул старику мраморный обломок, — может быть, все, что осталось от Звезды Улугбека...

...Звезда Улугбека — так Али-Кушчи, преклоняясь перед учителем, называл про себя самую красивую и нежную звезду в небе Самарканда — висела над огромным круглым зданием. Черные деревья вокруг него шуршали и позванивали под ветром, как чешуйки кольчуги.

Сторож выглянул испуганно из темного проема двери, узнал Али-Кушчи и помог ему сойти с коня.

— Страшны сны мои, — сказал сторож. — Сейчас прибежал Юсуф из кишлака.

— Все правда, — ответил Али-Кушчи. — Повелителя нет...

На сером, пропыленном лице глаза его казались застывшими ледяными озерами.

— Где звездочеты? — спросил он.

— Кто прячется в домах за арыком, кто убежал еще ночью.

Али-Кушчи взбежал по широкой лестнице. Со стен глядели знакомые картины небес и созвездий. Еще недавно Али-Кушчи долгими часами вместе с Улугбеком размышлял, как лучше украсить дом науки. Подковки сапог выстукивали неровную дробь по мраморным плитам. Сквозняк вытянул из кельи листок рисовой бумаги с вязью цифр и бросил под ноги Али-Кушчи. Тот не остановился. Он спешил наверх, в комнату Улугбека.

...Через полчаса Али-Кушчи спустился вниз. Сторож тащил за ним туго набитый бумагами мешок.

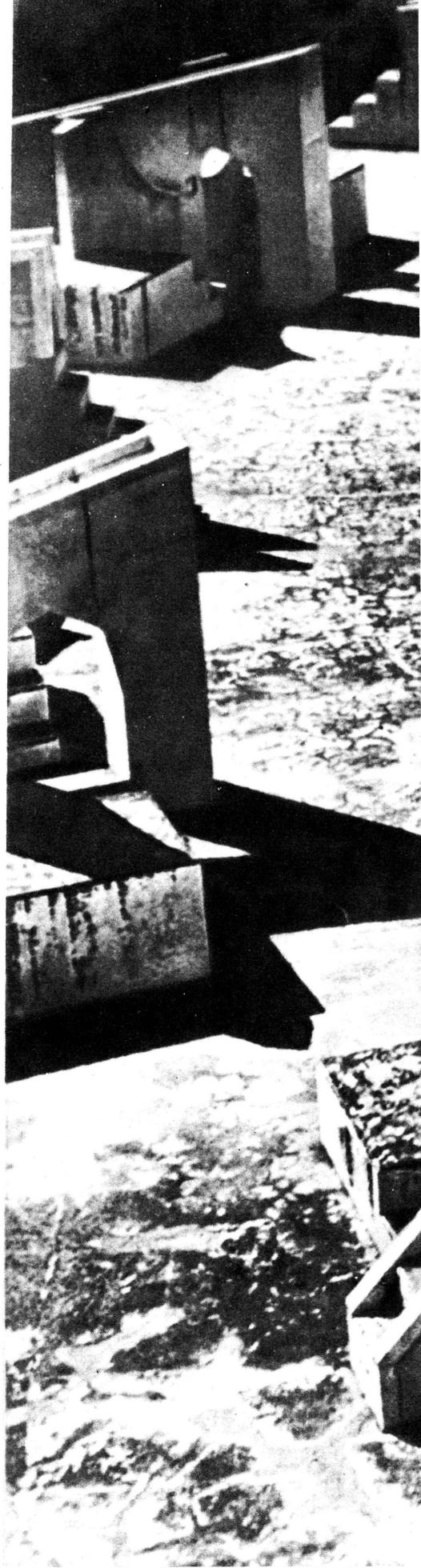
— Дай лепешек на дорогу, — сказал звездочет, приторачивая мешок к седлу. — Я не успел взять из дому.

И стук копыт растаял в пустынном воздухе.

...Больше никто уже не подходил к зданию, не поднимался на его плоскую крышу, чтобы следить за бегом светил в черном небе. Покрывались серой пылью хитроумные приборы, и пустыни были внутренними помещениями, расписанные картинами и схемами, изображавшими планеты, звезды и земной шар, разделенный на климатические пояса, — люди и близко не смели подходить к этому холму, о котором ходило столько страшных слухов...

Шейхи добились своего... Но они не знали, что в это время Али-Кушчи готовит в Константинополе издание последней книги своего учителя — «Новые астрономические таблицы».

Вскоре эта книга вышла. Ее сразу же перепечатали в Дамаске и Каире. В XVII веке ее трижды издавали в Лондоне, печатали в Париже, Флоренции, Женеве... Точность таблиц была столь поразительна, что многие ученые даже сомневались в их подлинности, — казалось невероятным, что в XV веке, до изобретения телескопа, возможно было такое...

ДЖАНТАР-МАНТАР

В Джайпуре Джайсингх поставил солнечные часы для проверки расчетов своей обсерватории в Дели. Основание этих солнечных часов выложено циклопической кладкой, чтобы ничто не смогло поколебать их циферблат, установленный параллельно плоскости экватора.

Книга разошлась по всему свету, и однажды ее увидел индийский магараджа Джайсингх II. Магараджа любил книги, и Аурангзеб, Великий Могол, суровый фанатик, испепеляемый жаждой власти и страхом потерять империю, порой презрительно посмеивался над причудами мальчишки — Джайсингху было всего пятнадцать лет. Но мальчишка был храбр, и отряды его верны. После одной из битв Аурангзеб обнял пятнадцатилетнего командующего джайпурскими конниками и назвал его храбрейшим из храбрых.

А храбрейший из храбрых улизнул потом с шумных победных торжеств и скрылся в своем шатре. Он читал книгу хана Улугбека о звездах, и это было куда интереснее и важнее пира и славы.

...Шли годы. Джайсингх много воевал, но как только наступал перерыв в бесконечной цепи войн и походов, магараджа покидал армию и возвращался домой — в один из своих домов — в Дели или Джайпур. Там он в который раз открывал растрепанную книгу Улугбека. Полководец учился.

При дворе Джайсингха жили и работали крупнейшие индийские ученые: Уддамбри Гуджарати — автор первых индийских таблиц логарифмов и переводчик Улугбека, Пундарик Ратнакар, Джаганнатх — великие астрономы и математики того времени. Зная об образованности молодого раджи, мудрецы со всех концов опустошенной войнами страны стекались в его дворец, и для каждого находилась там комната для работы.

И в 1724 году Джайсингх начал строительство первой своей обсерватории, которую потом назовут восьмым чудом света...

Книга, повествующая о чудесах Индии, лежала на рабочем столе Вяткина вместе с работами Али-Кушчи и Улугбека. В этой книге под фотографиями, изображавшими странные, словно неземные, геометрически правильные здания, стояли слова: «загадочные», «таинственные». Автор книги, немецкий путешественник, говорил об этих, казалось бы, лишенных смысла сооружениях — огромных каменных кольцах и треугольниках, величественных лестницах, не ведущих никуда, как о порождении мистических увлечений давно умершего магараджи Джайпура Джайсингха II.

Вяткина не интересовали соображения несведущего в астроно-

мии путешественника. Он знал, что Джайсинх был великим астрономом и неоднократно в своих работах подчеркивал, что он ученик Улугбека, хотя между ними лежала пропасть в триста лет.

И глядя на пятидесятиметровую лестницу и каменные, диаметром по пятнадцать метров концентрические круги — приборы для определения азимута светил, Вяткин понимал, что никакой фанатизм разрушения, никакие стенобитные машины не могли бесследно стереть с лица земли подобные грандиозные сооружения. А Джайсинх неоднократно подчеркивал, что многие его инструменты, по которым были проверены звездные таблицы Улугбека, — копия инструментов великого самаркандского астронома...

И когда однажды в одной из траншей заступ землекопа открыл каменные ступеньки, ведущие в глубину холма, Вяткин понял, что это остатки Вертикального круга — секстанта, а может быть, даже квадранта, предназначенного для определения высоты светил.

...Траншея с каждым днем обнаруживала все новые ступеньки, что все глубже вводили под землю. Копать было трудно. Мусор спрессовался, кетмени и лопаты ломались об обломки кирпичей. Слухи о сказочном подземелье, в котором вот-вот обнаружат клад самого Тимура, разнеслись по кишлакам, и люди с рассвета окружали раскоп.

По обе стороны ступеней тянулись облицованные мрамором барьеры. На мраморе были вырезаны цифры и обозначения градусов. Чем глубже уходила лестница в землю, тем становилась все более пологой — и у Вяткина исчезли последние сомнения...

Уже можно было установить размеры обсерватории — дуга квадранта достигала 63 метров в длину, радиус окружности ее — 40 метров. И стало ясно, что часть дуги когда-то была подземная, а часть выходила на поверхность и опиралась на четырехугольную тридцатиметровую башню обсерватории, которую — у Вяткина уже не оставалось сомнения в этом — уничтожили сознательно, варварски, жестоко, так, что не осталось даже ни одного кирпича от здания, которое когда-то было видно с любого конца Самарканда.

...И стояла обсерватория, видная с любого конца Самарканда. И тогда шейхи решили уничто-

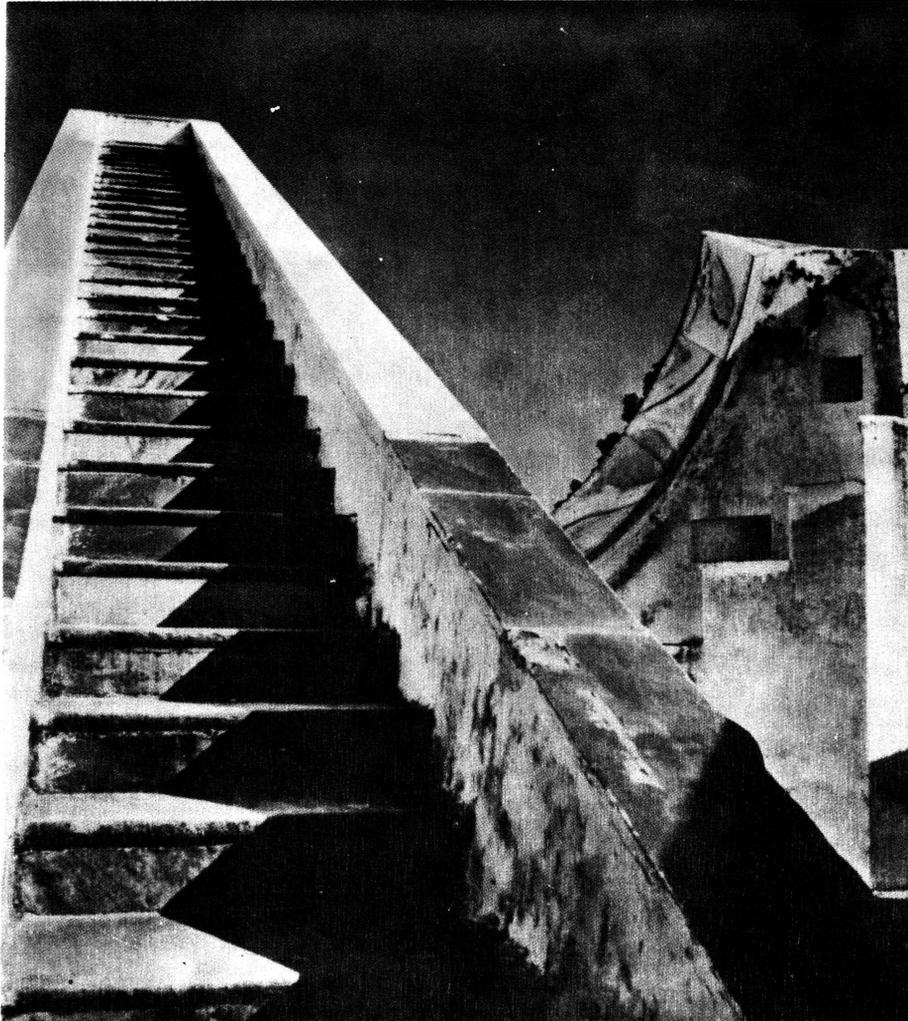
жить ее, чтобы навсегда исчезла память о великом звездочете.

...Первыми пришли к подножью холма дервиши, получившие тайный приказ, за ними потянулись верующие и любопытные. Дервиши бесновались. Они руками и тяжелыми кетменями выламывали изразцы и украшения обсерватории, разбивали приборы. Вскоре на холм втащили привезенные из города стенобитные машины. Некоторое время крепкие стены сопротивлялись ударам, но все больше кирпичей и плит отлетало от

основания, и, наконец, стена рухнула, подняв к раскаленному небу тучи желтой пыли.

...Но потом пришла ночь, пыль улеглась — и в небе снова тонко засветилась Звезда Улугбека...

...Несколько лет назад самаркандские исследователи начали поиски пропавшей в тот месяц рамазана, когда попытались погасить Звезду Улугбека, библиотеки Великого Самаркандца, которой, как говорят древние рукописи не было цены...

ДЖАНТАР-МАНТАР

...Но Джайсинх не учел, что невозможно предотвратить внутренние сдвиги и осадку огромных неподвижных инструментов — и спустя некоторое время приборами Джайсинга пользоваться уже было нельзя.

И вот многотонный Самрат Джантра — самый большой инструмент Джайсинга, поставленный некогда параллельно земной оси, — теперь только памятник, как и другие инструменты обсерватории.

КАЮТ-КОМПАНИЯ «Вокруг света»

Сегодня в нашей «Кают-компании» — авторы «Вокруг света»; вернувшись из очередных путешествий, они рассказывают о своих недавних исследованиях, наблюдениях, открытиях:

кандидат исторических наук Людмила Васильевна Шапошникова

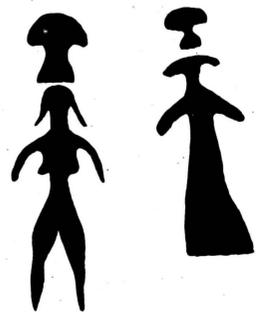
— О ПЛЕМЕНИ «КОЛДУНОВ» — КУРУМБА, что живет у подножья Голубых гор;

кандидат геолого-минералогических наук Александр Михайлович Портнов

— О ЛУННОМ КРАТЕРЕ... В ПАТОМСКОЙ ТАЙГЕ, одной из самых удивительных форм рельефа Земли;

археолог Николай Николаевич Диков

— О ПРИЗРАКАХ ПЕГТЫМЕЛЬСКИХ СКАЛ, галерее самых северных в мире наскальных рисунков.

КУРУМБА — ПЛЕМЯ «КОЛДУНОВ»

Л. ШАПОШНИКОВА: Перед людьми этого племени испытывают ужас все соседние племена, считая их колдунами, наделенными силой истреблять людей и животных. Я была в селениях этого племени, расположенных у подножья Голубых гор Индии, и разговаривала с одним из «колдунов».

...Узкая лесная тропинка вывела меня к нескольким хижинам, крытым черепицей. Буквально в то же мгновение меня окружила толпа курумба. Они были все небольшого роста, с очень темной кожей, широкими носами. Волосы некоторых буйно вились. Почти вплотную ко мне подошел старик курумба. Из-под нависших бровей на меня был устремлен мутный заволашевающий взгляд. Отвисшая нижняя губа со следами татуировки придавала его лицу неприятное и зловещее выражение.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Кала Манигар, — ответил человек.

— Колдуешь?

— Иногда.

— Ну, и как же ты колдуешь?

— Наши предки, — журчал бесцветный голос старика курумба, — могли делать многое. Мы владеем их искусством. Когда мы убиваем человека заклинаниями — он умирает в страшных мучениях. Курумба собирают в лесу ядовитые коренья, смешивают их с зерном и тайно посылают врагу. Мы имеем власть над тиграми и можем направивать их на врага. Мы можем превратить скалу в порошок и человека — в камень...

— Хорошо, — прервала я его. — Преврати меня в камень.

Глаза старика мгновенно расширились, они заволашевающе смотрели на меня, и в них была какая-то притягательная сила... Нижняя губа «колдуна» со следами татуировки отвисла еще больше, и он стал бормотать какие-то заклинания... Но вскоре глаза его потеряли первоначальное выражение — и я уловила в них проблески беспомощности, растерянности и какого-то страха передо мной...

— Заклинание забыл, — вышел он из положения... (А может быть, курумба знают, что их «волшебство» держится лишь на вере

окружающих в их могущество? И поэтому они сами всячески раздувают свою мрачную славу?)

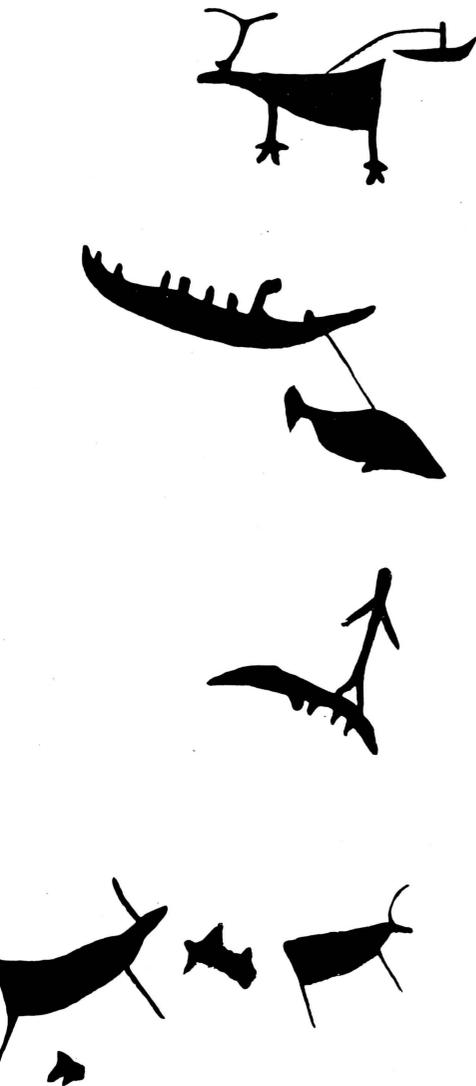
И когда спустя некоторое время я встретила с доктором Нарасимхой, который довольно долго жил среди курумба, изучая их, я попросила его подробно рассказать об этом племени «колдунов». Меня интересовало: есть ли хоть какие-либо основания для того ужаса, какой испытывают к курумба окружающие племена?

— Видите ли... — доктор чуть помедлил. — Я атеист, так же как и вы. Всю жизнь занимаюсь естественными науками и уверен, что ничего сверхъестественного в «колдовстве» курумба нет. Но они, по видимому, научились использовать в своих целях некоторые пока необъясненные нами свойства человеческого природы.

...Как правило, люди, о которых говорят, что их «околдовали» курумба, умирали от гангрены кишечника, и спасти их было невозможно. И самое поразительное: все умирающие — я это свидетельствую как врач — за несколько часов до смерти кричали от страха и заслоняли рукой глаза. Представляете, какой ужас испытывают окрестные жители перед курумба.

Или, например, вот еще одна история. Однажды курумба захотел жениться на девушке из племени тогда. Но тогда никогда бы не отдала ее замуж за ненавистного им курумба. И девушка вдруг умирает. Вот так, ни с того ни с сего. Вечером была совсем здоровая, а утром ее нашли мертвой. Состоялась погребальная церемония. Как предписывает обычай тогда, тело умершей сожгли на костре, а останки сохранили для окончания церемонии, завернув в ритуальное покрывало. Через несколько месяцев останки вынесли, чтобы соблюсти вторую, так называемую «сухую», погребальную церемонию. И что же вы думаете? В покрывале, где хранились останки, оказались... куски полусгнившего бананового дерева. А девушку потом видели живой и невредимой в одной из деревень курумба...

— Мы с вами знаем о сеансах массового гипноза, — продолжает Людмила Васильевна. — И наверняка — Нарасимха тоже так счи-

тает — здесь произошло то же самое. По-видимому, предки курумба завоевывали место под солнцем, как соседние племена оружием, способностью к гипнотическому внушению. (А может быть, здесь требуется и какое-то другое объяснение?) И развили в течение столетий эти навыки до действительно поразительных способностей, которые в сочетании с удивительным знанием окружающего их мира джунглей и придают курумба такую зловещую славу.

МЫ БЫЛИ В ЛУННОМ КРАТЕРЕ

А. ПОРТНОВ: Наш отряд вел геологическую съемку в труднодоступных районах Витимо-Патомского нагорья. Однажды мы до поздней ночи засиделись у костра. Внезапно в черном небе появился большой голубоватый шар. Он бесшумно проплыл над нашими головами и скрылся за гребнем горы. Мы переглянулись.

— Что это такое?..

Загорелся спор. Один утверждал, что это шаровая молния. Другой говорил, что пролетавшее тело — крупный метеорит.

— Метеорит летит быстрее, — заметил я, — а падение его на землю иногда сопровождается таким взрывом, что образуется глубокая воронка с кольцевым валом. В лунных кратерах есть еще и горка посередине.

— Что такое лунный кратер? — спросил наш каюр Михаил.

Один из коллекторов соорудил из песка подобие лунного цирка.

— На Земле таких нет, — сказал я.

— А я видел, — вдруг сказал каюр. — Видел такую воронку, словно от бомбы, только огромную; смотрел я с другого гольца — точный круг, а в середине — холм, как большая копка.

— Ты, наверно, ошибся, Михаил... Не может быть...

Михаил обиделся. Стукнув недокруенной трубкой по бревну, он отрезал:

— Не веришь — сходи на Явольдин...

— Явольдин? Это в двух днях ходьбы отсюда?

Ведь если даже мы с вами не можем до конца объяснить загадки курумба, то что же говорить об их соседях, в представлении которых мир заселен богами, дьяволами, душами умерших и прочей чертовщиной?

Ответа на многие загадки курумба пока нет. Но как бы там ни было, ученые когда-нибудь сумеют объяснить «колдовство» курумба и даже, может быть, понимание его секретов поможет в чем-то и науке...

Выбрав подходящий день, я тронулся в путь вместе с Валерием — студентом геолого-разведочного института.

Хрустел игольчатый лед в лужах, картоном прогибался под сапогами замерзший мох, глухо шумела в тумане река.

Как в обычном геологическом маршруте нам пришлось пробыть без тропы через густой стлажник-кедрач, гибкий и цепкий, как лианы.

Наконец, мы подошли к гребню очередного гольца. Шаг, еще шаг... И вдруг перед нами, как крепостная стена древнего города, возник огромный вал, сложенный глыбами известняка! Мы влезли вверх по крутому склону и замерли, пораженные открывшейся картиной.

Михаил был прав. Кратер действительно существовал. И он на самом деле был совершенно необычным. Перед нами была не воронка, а насыпной усеченный конус. Склоны кратера были крутыми и высокими, узкий гребень кольцевого вала описывал круг, в середине которого возвышалась горка.

Лунный ландшафт в Патомской тайге!

Размеры кратера оказались немалыми. Основание его имело форму эллипса с осями длиной 220 и 140 метров, диаметр верхнего края кольцевого вала составлял 86 метров, высота кратера достигала 40 метров на юго-западе и 4 метра на северо-востоке, центральная горка была шестиметро-

вой высоты. Следов поваленного и обожженного леса вокруг кратера мы не заметили.

Закончив описание, мы уселись на огромной глыбе известняка. Перед нами была уникальная форма земного рельефа. Как же она возникла? Какая чудовищная сила раздробила пласты горных пород и насыпала этот кратер? Какая катастрофа оставила этот удивительный памятник?..

На Земле известны кратеры двух типов — вулканические и метеоритные. Кратеры вулканов всегда содержат лаву и пепел, в них хорошо заметны следы воздействия горячих растворов и газов на горные породы. Мы же сидели на абсолютно свежих неизмененных известняках. Отсутствовали в этом районе и разломы земной коры, с которыми обычно связаны вулканы.

Метеоритные кратеры встречаются гораздо реже. Хорошо известен, например, Каньон Дьявола в Аризоне — воронка от взрыва чудовищного метеорита, имеющая диаметр 1200 и глубину 170 метров. В СССР самый крупный метеоритный кратер, размером с небольшой стадион, расположен на острове Саарема в Балтийском море. Предполагают, что величественный кратер Ашанти в Гане диаметром в 10 километров тоже образован ударом гигантского метеорита.

Но ни один из этих кратеров не имеет столь удивительного рельефа, как тот, что открылся нам в сибирской тайге... Словно кто-то взял и перенес с Луны один из ее цирков...

Глядя на хаотическое нагромождение каменных глыб, мы представляли, как огромный метеорит, пробив земную атмосферу, на космической скорости врезался в склон горы, ушел в толщу известняка метров на двести и там взорвался. Содрогнулась земля. Столб пламени, черные клубы дыма, грохот падающих скал... Взрыв на большой глубине не выбросил горные породы, а только раздробил их, приподнял и образовал кратер.

Мы так и не нашли ни одного кусочка метеорита. Где он? Может быть, он исчез бесследно, расплывшись при взрыве, подобно Тунгусскому метеориту? Или же осколки Патомского метеорита, как и Аризонского, лежат где-то там, на глубине?

Под косыми лучами заходящего

солнца известняк порозовел, словно на него снова упали отблески страшного небесного огня...

Уже в Москве я прочитал заметку геолога В. В. Колпакова в журнале «Природа», в которой указывались местоположение и приблизительные размеры кратера на Явольдине. Автор предполагал,

что кратер имеет метеоритное происхождение. В комментарии к заметке профессор С. В. Обручев сделал вывод о вулканической природе этого образования. Но у меня, так же как и у В. В. Колпакова, видевшего кратер своими глазами, нет сомнения в его метеоритной природе...

ПРИЗРАКИ ПЕГТЫМЕЛЬСКИХ СКАЛ

Н. ДИКОВ: Когда я получил от геолога Саморукова письмо, где он писал, что во время одной из экспедиций в верховьях реки Пегтымель видел на скальных изображениях, признаться, я поразились: в столь высоких широтах на скальных рисунки не видел еще ни один археолог мира. Может быть, думалось мне, то, что Саморуков принял за высеченные на скалах фигуры, — это причудливо переплетенные естественные трещины, выбоины, выветрелости. Но слишком уверенно писал Саморуков о фигурах оленей, об изображениях лодок с людьми, и слишком четкими были его фотографии, и мы решили рискнуть.

Была организована специальная археологическая экспедиция — и 8 июня 1967 года, в самый разгар полярного дня, наш вертолет взял курс из Магадана на Пегтымельские обрывы.

Мы нашли их сразу же...

Сотни оленей, высоко подняв свои великопные головы, устремлялись в ледяные воды реки. Они плыли на ту сторону — туда, где пастбища и другие олени. Из засады выскакивали легкие охотничьи байдары — и вот уже олени трупы плывут вниз по течению...

Изображений оказалось значительно больше, чем указывал Саморуков. Странные фигуры плывущих обнаженных женщин, легкие охотничьи лодки, олени, то уже настигнутые гарпуном, то спокойно пасущиеся, не подозревающие о приближающейся опасности, морские исполины — киты и косатки, окруженные байдарками древних китобоев... Мы потеряли

счет времени, мы фотографировали, эстампировали, снимали на киноплёнку все новые и новые рисунки...

И поверите — трудно было оторваться от ощущения, что все это — олени, гарпунеры, гребцы, байдары — недвижно застыло на красноватых скалах, нависших над чукотской рекой Пегтымель, — настолько динамично, остро, лаконично и всеохватно изобразил древний художник сцены охоты.

С какой-то поразительной точностью переданы характерные движения плывущего оленя: голова вытянута вперед, легкое, как поплавок, раздутое туловище с опущенными в воду ногами как бы парит в состоянии невесомости, копыта растопырены, как гусиные лапы, и хотя вода ничем не обозначена, вы чувствуете, что животное именно плывет... И здесь же древнейший художник Чукотки изображает и совсем другие сцены охоты — уже на морской зверя: кита, косатку, калана... Не всегда охота на властелинов ледовых морей кончается удачно. И вот мы видим рисунок, на котором опрокинутую лодку с охотником топчет недобрый морской дух в человеческом облике.

Кто же оставил эти великолепные изображения?

Судя по всему, у Пегтымельских скал жили предки чукчей. Иначе трудно объяснить столь тесное соседство таких, казалось бы, несоместимых сюжетов — морской охоты и охоты на диких оленей. Но мы знаем, что у чукчей издавна существовало разделение общественного хозяйства на тундровое и морское. И тут можно сделать

еще одно предположение — Пегтымельские скалы были для древних чукчей священным местом, родовым святилищем. У скал Пегтымеля собирались на общие празднества в честь успешной охоты и племена морских охотников, и ловцы диких оленей.

И, очевидно, поэтому на Пегтымельских скалах рядом с удивительно реалистическими сценами охоты мы увидели фантастические изображения женщин и мужчин с чудовищными грибами на голове — это опьяненный обильной едой, гордясь своей удачливостью, ловкостью, смелостью, охотник высекал образы своих покровителей, «грибных духов».

И недаром всемогущий и веселый «грибной дух» предстал перед взором художника в виде женской фигуры: Пегтымельская галерея создавалась в то далекое время, когда еще сильны были пережитки матриархата...

Реальность и фантастика, вечное человеческое стремление изобразить виденное и вера в магическую силу рисунка, чувство собственной силы и страх перед силами природы переплелись в этих уникальных на скальных картинах.

Такое образное восприятие мира отражало ту форму общественного сознания, в которой еще были слиты воедино и религиозные представления и реальные — я бы сказал, даже научные — наблюдения. В подавляющем большинстве пегтымельских картин отражено не только стремление магическим путем овладеть зверем, но и объективное представление об окружающем мире.

Пегтымельская галерея создавалась в начале нашей эры, когда у чукчей еще не было домашнего оленеводства, но уже был развит морской промысел. И она, несомненно, еще расскажет нам много нового об одном из наименее изученных периодов прошлого чукчей.

Сейчас мы подробно исследуем эти самые северные в мире на скальные изображения, сопоставляем их с уже известными памятниками первобытного искусства, ищем отражение сюжетов пегтымельских рисунков в чукотских сказаниях и легендах. Но уже сейчас можно сказать, что пегтымельские петроглифы — это бесценный памятник истории и культуры не только древнего коренного населения Чукотки, но и всего неолитического мира полярных охотников Евразии и Америки.

ПРИМО ЛЕВИ,
итальянский писатель

Патент Симпсона

Фантастический рассказ

Точно как в 1929 году, — сказал мне Симпсон. — Вы еще молоды и не можете этого помнить, но все, как тогда: инертность, неверие, отсутствие инициативы. В Америке, правда, дела фирмы идут неплохо, но думаете, они хотят мне помочь? Ничего подобного: именно сейчас, когда нужно пустить в продажу что-либо принципиально новое, знаете что предложило мне Проектное бюро «Натки»? Вот посмотрите.

Он вынул из кармана металлическую коробку и с досадой положил ее на стол.

— Можно ли с любовью рекламировать эту чепуху?

— Каково назначение прибора? — поинтересовался я.

— В этом вся загвоздка; он умеет делать все и ничего. Обычно приборы и машины имеют узкую специализацию: трактор пашет, пила пилит, версификатор сочиняет стихи. А этот прибор может все или почти все. Его назвали Минибрен. Даже имя, и то, на мой взгляд, подобрали неудачно — оно претенциозно и непонятно. И в нем нет никакой привлекательности для покупателей. Это селектор с четырьмя дорожками. Вы хотите узнать, скольким сицилийским женщинам по имени Элеонора сделали операцию в 1940 году? Сколько самоубийц с 1900 года по сегодняшний день были левшами и одновременно блондинами? Достаточно нажать вот на эту клавишу — и вы мгновенно получите ответ. Но сначала надо будет ввести определенные данные, а это порядочное неудобство. Фирма упирает на то, что прибор карманный и очень дешевый. Всего двадцать

четыре тысячи лир, дешевле, чем японский транзистор. Но этого недостаточно. Если в течение года фирма не предложит ничего пооригинальнее, я все брошу и уйду на пенсию. Нет, нет, уверяю вас, я не шушу. К счастью, у меня на руках отличные карты, и пусть это не покажется вам хвастовством, я способен на большее, чем рекламировать дурацкие селекторы.

Разговор этот состоялся на банкете, который «Натка» ежегодно устраивает для своих постоянных клиентов.

Я с любопытством наблюдал за моим другом. Несмотря на горечь, звучавшую в рассказе, Симпсон не выглядел подавленным и мрачным; наоборот, он был необычно оживлен и весел. За толстыми линзами очков лукаво поблескивали маленькие глазки; я решил поощрить его к еще большей откровенности.

— Я убежден, что при вашем опыте вы не обязаны вечно рекламировать пишущие машинки и селекторы. Продавать трудно и подчас неприятно, но торговый агент встречается со множеством людей, и каждый день приносит ему что-либо новое. Разумеется, на «Натке» свет клином не сошелся...

Симпсон охотно поддержал беседу.

— В этом суть проблемы. Руководители фирмы слишком самоуверенные люди. Понятно, машины и приборы — вещи крайне нужные, от них во многом зависит наше благополучие, но они одни не в состоянии разрешить все сложности.

Слова Симпсона показались мне довольно туманными, неопределенными, и я решил предпринять новый зондаж.

Прогрессивный итальянский писатель *Примо Леви* — участник Сопротивления, рассказавший в книге «Человек ли это» об ужасах Освенцима. Эта книга принесла ему широкую известность. Инженер-химик по специальности, *Примо Леви* в 1966 году написал книгу научно-фантастических рассказов «Естественные истории», за которую ему была присуждена одна из литературных премий Италии. Из этой книги и взят рассказ «Патент Симпсона», публикуемый в журнале.

Герой этого фантастического рассказа предприимчивый торговый агент фирмы «Натка» Симпсон заключил своего рода «контракт» с пчелами, муравьями и стрекозами, по которому они в обмен за еду будут выполнять для него, а впоследствии и для фирмы «Натка», всевозможную микроработу. Преимущество этих довольно-таки необычных рабочих очевидно. С ними нет никакой нужды заключать коллективный договор, и они не станут объединяться в профсоюзы.

В своем рассказе писатель остроумно высмеивает модные у буржуазных социологов лживые теории о «партнерстве рабочих и предпринимателей», о «всеобщем процветании», которое якобы наступит, как только в распоряжение фирм поступят усовершенствованные роботы...

И если во времена *Карела Чапека* предприниматели думали избавиться от проблем рабочей силы с помощью автоматки, то теперь, в «век бионики», иные из них готовы уповать, как мы видим из сатирического рассказа *Примо Леви*, на использование «ресурсов» живой природы.

С творчеством *Примо Леви* советский читатель знакомится впервые.

Рисунки **К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА**

— Конечно, человеческий мозг незаменим. Изобретатели электронного мозга часто об этом забывают.

— Нет, нет, не говорите мне о человеческом мозге, — необычно резко ответил Симпсон. — Прежде всего он слишком сложно устроен; и потом еще далеко не доказано, способен ли он понять самого себя. О человеческом мозге написаны горы книг, и тысячи фирм, как две капли воды похожих на «Натку», всю рекламу своих подлинных и мнимых достижений в этой области. Фрейд, Туринг, кибернетики, социологи буквально препарировали его, а машины тщетно стараются в точности воспроизвести. Нет, у меня возникла другая идея. — Он помолчал, явно заколебавшись, затем наклонился ко мне и тихо сказал: — Впрочем, это уже не только идея. Приходите ко мне в воскресенье.

Симпсон жил на старой вилле, которую за гроши купил сразу после войны.

Он встретил меня и мою жену любезно и радушно. Нам было приятно познакомиться с его женой, худенькой женщиной с уже начавшими седеть волосами, добродушной, скромной и очень милой в обращении.

Хозяйка провела нас в садовую беседку, стоявшую у самого пруда. Завязалась дружеская беседа, но она то и дело прерывалась по вине Симпсона. Он вертелся, вскидывал глаза к небу, нервно раскуривал трубку и тут же ее тушил. Было заметно, что ему не терпится поскорее перейти от любезной прерамбулы к сути дела.

Должен признать, что обставил он этот переход весьма эффектно. Когда хозяйка стала разливать чай, Симпсон спросил у моей жены:

— Синьора, не хотите ли немного брусники? По-ниже холма в долине ее тьма-тьмушая.

— Мне не хотелось бы вас затруднять... — начала было моя жена.

— Что вы, что вы! — прервал ее Симпсон. Он вынул из кармана маленький инструмент, похожий на миниатюрную флейту, и сыграл три ноты. Послышался легкий шум, по воде пруда пробежала рябь, и над нашими головами пролетели стрекозы.

— Срок — две минуты! — с гордостью воскликнул Симпсон, засекая время по ручному хронометру.

Синьора Симпсон смущенно улыбнулась и ушла в дом. Вскоре она появилась с пустой хрустальной вазой и бережно поставила ее на стол. На исходе второй минуты стрекозы, сотни стрекоз возвратились. Они показались мне эскадрой крохотных бомбардировщиков. Повиснув прямо над нами, они одна за другой стремительно пикировали вниз, бросали в вазу ягоду и мгновенно улетали. За несколько секунд

ваза наполнилась до краев спелой, влажной от росы брусникой. При этом ни одна ягода не упала на землю.

— Впечатляющее зрелище, не правда ли? — сказал Симпсон. — Конечно, опыту не хватает научной строгости и законченности, зато вы и ваша супруга все видели сами. Вот и скажите мне теперь, если можно прибегнуть к помощи стрекоз, какой смысл проектировать специальную машину по сбору брусники? И потом, вы уверены, что можно создать машину, которая собрала бы всю бруснику с двух гектаров леса за две минуты? При этом бесшумно, не расходуя ни грамма горячего и не портя леса? А стоимость, вы подумали о стоимости? Во сколько, по-вашему, обойдется стая стрекоз, этих грациозных, изящных насекомых?

— Это... искусственные стрекозы? — неосторожно спросил я и, не удержавшись, испуганно взглянул на жену. Лицо жены оставалось бесстрастным, но я чувствовал, что ей явно не по себе.

— Нет, натуральные. Они находятся у меня на службе. Вернее, мы заключили джентльменское соглашение.

Симпсон откинулся на спинку стула, наслаждаясь эффектом.

— Пожалуй, расскажу вам все по порядку. Вы, очевидно, читали гениальные работы фон Фриша о языке пчел, о танце «восьмерки» насекомых, указывающих расстояние до источника питания и направление полета? Я познакомился с работами фон Фриша двенадцать лет назад и был потрясен. С тех пор все свободное время я посвятил изучению пчел. Вначале я хотел лишь научиться разговаривать с пчелами на их языке. Странно, но до меня никто об этом не подумал. Идемте, я вам покажу.

Он продемонстрировал пчелиные соты, внешние стенки которых были сделаны из отшлифованного стекла. Затем пальцем вывел на стекле наклонную восьмерку, и сразу же из дверцы улья с жужжанием вылетел пчелиный рой.

— Мне жаль было их обманывать. Сейчас на юго-востоке, в двухстах метрах отсюда, для них нет никакой пищи. Но теперь вы еще раз убедились, что мне удалось сломать стену непонимания между человеком и насекомыми. Труднее всего было в первые дни. Мне самому приходилось выделять на лугу замысловатые восьмерки. Пчелы не сразу поняли меня, и потом это выглядело смешно и нелепо. Позже я убедился, что можно обойтись обычным прутом. Ну, а затем я научился вычерчивать восьмерки и другие знаки их кода просто пальцем.

— А со стрекозами?

— Со стрекозами я пока поддерживаю лишь косвенную связь. Очень скоро я понял, что пчелы умеют исполнять не только танец «восьмерки». Они знают и другие танцы — вернее, фигуры танца. Пока мне не удалось расшифровать смысл каждой фигуры, но я уже составил пчелиный глоссарий на не-

сколько сот слов. Вот смотрите, эти фигуры соответствуют нашим понятиям солнца, ветра, холода, жары и так далее. А это — названия растений. Я обнаружил, что они выписывают двенадцать различных фигур, чтобы передать информацию о яблоке другим пчелам — в зависимости от того, висит ли оно на старой, молодой, большой, здоровой, культурной или дикой яблоне. Они знают глаголы «собирать, жалить, упасть, летать». У «летать» в их языке есть огромное число синонимов. А вот между такими видами передвижения, как «ходить, бежать, плавать, ездить» пчелы различия не делают.

— А вы сами хорошо говорите на языке пчел? — спросил я.

— Пока еще плохо. Но зато вполне прилично их понимаю. Я воспользовался этим, чтобы уговорить их раскрыть секреты жизни пчелиного улья. Пчелы поведали мне, как и в какой день они решают уничтожить всех самцов, когда матки вступают между собой в смертельный поединок, каким образом они определяют необходимое числовое соотношение между трутнями и рабочими пчелами. Впрочем, некоторых секретов они так и не открыли: у пчел очень развито чувство собственного достоинства.

— А со стрекозами они тоже объясняются на языке танца?

— Нет, пчелы переговариваются с помощью танцев только между собой и, простите за нескромность, со мной. Что же до других насекомых, то пчелы поддерживают отношения только с теми видами, которые претерпели сильную эволюцию; прежде всего с насекомыми, живущими коллективно. К примеру, они поддерживают довольно тесные связи, хотя и не всегда дружеские, с муравьями, осами и стрекозами. В отношении же саранчи и вообще всех прямокрылых они ограничиваются короткими приказами. Так или иначе, но с другими насекомыми пчелы переговариваются с помощью своих антенн. Это весьма рудиментарный код, но зато обмен сообщениями происходит столь быстро, что я просто не успеваю за ним уследить. Боюсь, что человеку это вообще не под силу. Впрочем, я не собираюсь вступать в контакт с другими насекомыми без посредничества пчел. Это было бы непорядочно, и потом пчелы выступают в роли посредников весьма охотно; для них это своеобразное развлечение. Но вернемся к «межнасекомовому», если так можно выразиться, коду.

У меня сложилось впечатление, что это не подлинный язык с определенными строгими нормами, а способ общения, во многом зависящий от интуиции и фантазии «собеседников». Он чем-то напоминает сложный и одновременно четкий способ общения человека с собакой. Как вы, конечно, сами заметили, человеко-собачьего языка не существует; между тем обе стороны достаточно хорошо понимают друг друга. Однако код насекомых значительно более богат и разнообразен, в чем вы вскоре сами убедитесь.

Симпсон провел нас по саду и виноградной аллее, и мы не увидели ни одного муравья. Между тем Симпсон не прибегал к дезинсекционным средствам. Его жена, объяснил Симпсон, не выносит муравьев (при этом синьора Симпсон густо покраснела), и вот он предложил им такое соглашение: он позаботится о питании всех муравьиных гнезд (это обходится ему ежегодно в две-три тысячи лир), а те обязуются не строить новые муравейники в радиусе пятидесяти метров от дома и перенести подалее все старые. Кроме того, муравьи должны были в течение двух часов, с пяти до семи утра, выполнять всю работу по микроборке сада и комнат. Муравья согласились. Однако вскоре, через посредство пчел, они подали жалобу на неких муравьев-львов, которые заполонили песчаную полосу возле леса. Симпсон признался мне, что в то время он даже не подозревал, что муравьи-львы были на самом деле личинками стрекоз. Он отправился на «место преступления» и убедился, что личинки занимают кровожадным разбоем. Песок был усеян коническими отверстиями. Стоило муравью подползти к краю отверстия, как осыпающийся песок увлекал его вниз. Из глубины высывались кривые челюсти, и бедняге муравью приходил конец.

Симпсону пришлось признать, что жалоба муравьев была вполне оправданна. Он почувствовал гордость и одновременно растерянность оттого, что его избрали «третьим судьей», — ведь от его решения зависела добрая слава всего рода человеческого.

В сентябре он собрал небольшую ассамблею.

— Это была памятная встреча, — рассказывал Симпсон. — В ней приняли участие муравьи, пчелы и стрекозы. Взрослые стрекозы вежливо, но с упорством защищали права своих личинок. Они заметили мне, что личинки не виноваты в том, что вынуждены таким путем добывать себе пищу. Передвигаться они не могли, и беднякам ничего другого не оставалось: либо устраивать засаду муравьям, либо погибнуть с голоду.

Тогда я предложил выделить личинкам соответствующую дневную порцию кормовой смеси, которую мы даем цыплятам. Стрекозы потребовали провести сначала опытное кормление. Личинкам смесь пришла по вкусу, и они обязались не устраивать больше засад муравьям. На том же заседании я предложил стрекозам особое вознаграждение за каждый вылет за брусничкой. Вообще же стрекозы самые крепкие и умные среди насекомых, и я многого жду от них.

Симпсон объяснил также, что он не стал предлагать специальный контракт пчелам, которые и так очень заняты. Сейчас он ведет сложные переговоры с мухами и муравьями.

Мухи на редкость глупы, и ничего особенно полезного от них не добьешься. Все же в обмен на единичную порцию в четыре миллиграмма молока в день, мухи согласились не залетать осенью в дом и в конюшню. Кроме того, он рассчитывает приспособить мух для передачи срочных сообщений, по крайней мере до тех пор, пока на вилле не установят телефон. Переговоры с комарами протекают не менее сложно, хотя и по другим причинам. Эти паразиты не только ничего не умеют делать, но вдобавок не хотят и не могут отказаться от человеческой крови или по крайней мере от крови млекопитающих. А поскольку возле самой виллы есть пруд, комары доставляют изрядное беспокойство. Он, Симпсон, посоветовался с местным ветеринаром и теперь

намеревается предложить комарам пол-литра коровьего молока на каждые два месяца. Путем добавления цитрата можно будет избежать свертывания молока. Конечно, это не слишком выгодная сделка, но все же это лучше, чем опыление ДДТ. А главное — не нарушится биологическое равновесие данной зоны. К тому же новый метод может быть запатентован и затем с успехом применен в любой малярийной местности.

Симпсон считал, что комары вскоре сами убедятся, что им выгоднее пить коровье молоко, не рискуя заразиться от плазмодиев. Я спросил у Симпсона, нельзя ли заключить договор о ненападении с другими паразитарными насекомыми, этим бичом людей и животных. Симпсон ответил, что дело это нелегкое, но он уже подготовил проект договора с саранчой, одобренный FAO¹, и намерен обсудить его условия с представителями саранчи сразу же после периода миграции.

Солнце уже закатилось, и мы вернулись в гостиную. Мы испытывали чувство восхищения и одновременно какой-то неловкости. Наконец, жена решила и, с трудом подбирая слова, сказала Симпсону, что он сделал крупное научное открытие и что во всем этом есть много поэтического...

— Синьора, не забывайте, я прежде всего деловой человек, — прервал ее Симпсон. — Кстати, о самом важном я вам еще не рассказал. Прошу вас пока никому об этом не говорить, но моими опытами крайне заинтересовались руководители центра научных исследований фирмы «Натка» в Форт Киддивэни. Я подробно информировал их о своих работах, не забыв, разумеется, получить соответствующие патенты, и, кажется, вырисовывается возможность соглашения. Посмотрите, что тут внутри.

Симпсон протянул мне картонную коробочку размером с наперсток. Я открыл ее.

— Там ничего нет, она пустая.

— Почти ничего, — поправил меня Симпсон.

Он дал мне лупу. На белом дне коробки я увидел крохотную, тоньше волоса, нить длиной примерно в сантиметр. Посредине можно было различить небольшое утолщение.

— Это резисторное устройство, — объяснил Симпсон. — Нить толщиной в две тысячных сантиметра, соединительная муфта — в пять тысячных. Стоимость устройства — четыре тысячи лир, но вскоре она снизится до двух тысяч. Нить сплетена из коры пиний отборными муравьями. Летом я обучил этому десять муравьев, а они передали свой опыт собратьям. Поверьте мне на слово — это редкостное зрелище. Два муравья хватают челюстями два электрода, третий зачищает их и скрепляет каплей смолы. Затем все три муравья погружают деталь на транспортер. Втроем они собирают резисторное устройство за четырнадцать секунд, включая сюда неизбежные заминки в работе. Их рабочий день длится ровно двадцать часов. Само собой разумеется, возникли трения с рабочими профсоюзами, но все уладится. Ведь сами-то муравьи вполне довольны. Они получают вознаграждение в натуре. Всего пятнадцать граммов еды на отряд из двухсот муравьев. Это

¹ Организация ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства.

втрое превышает количество еды, которое муравьи собирают за день в лесу.

Но это лишь начало. Сейчас я обучаю новые отряды муравьев другим «непосильным работам». К примеру, созданию сети дифракции в спектрометре, а это тысяча восьмимиллиметровых полос. Другому отряду я поручил ремонтировать миниатюрные штампованные электросхемы: раньше их в случае поломки выбрасывали на свалку. Третий отряд муравьев учится ретушировать негативы, и, наконец, четвертый — оказывать помощь врачу при операциях мозга. Кстати, уже сейчас можно сказать, что муравьи показали себя незаменимыми при остановке кровотечений в капиллярах. Достаточно подумать немного, и на ум приходят десятки несложных работ, требующих минимальных затрат энергии, но которые мы, люди, не можем выполнить без чрезмерных расходов, ибо наши пальцы слишком велики и неуклюжи, а микроманипулятор стоит слишком дорого.

Я уже установил контакт с одной опытной сельскохозяйственной станцией с целью проведения совместных опытов. Хочу обучить муравьев разносить удобрения «по месту жительства» — иными словами, по крупнице удобрения каждому семени. Второй муравейник я натренирую санитировать рисовые посевы, уничтожая еще в зародыше сорные травы, третий — очищать зерно, четвертый — производить микроклеточные впрыскивания... Жизнь так коротка. Я проклинаю себя, что поздно начал. В одиночку мало чего добьешься.

— Почему бы вам не взять компаньона?

— Думаєте, я не пытался... И чуть было не угодил в тюрьму. Как говорится: «Лучше миллион, чем компаньон». С тех пор я предпочитаю работать сам.

— Вас хотели арестовать?

— Да, шесть месяцев тому назад, из-за этого О'Толле. Молодой, умный, энергичный, неутомимый, он был вечно одержим какой-нибудь идеей. Но однажды я нашел у него на столе странный предмет — пластиковый шарик величиной с виноградину, наполненный желтой пылью. Только я поднес его к глазам, как в дверь постучали. Я открыл — и в комнату ворвались восемь агентов Международной полиции. Мне пришлось нанять лучших адвокатов, и они с большим трудом доказали, что я ничего не знал.

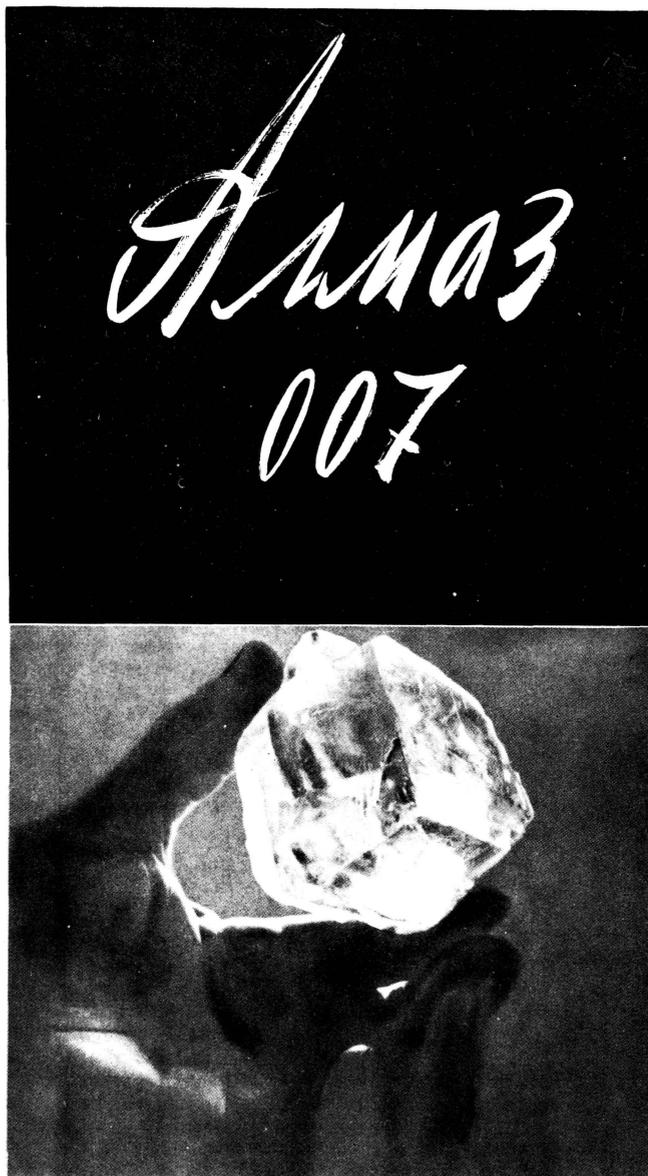
— А что вы могли знать?

— Об этой истории с угрями. Конечно, они рыбы, а не насекомые, но тоже каждый год мигрируют огромными стаями. Так вот, этот чудак О'Толле сговорился с ними, хотя я платил ему очень прилично. Он подкупил угрей жирными мертвыми мухами. Каждая рыба, прежде чем пуститься в долгий путь к Саргассову морю, подплывала к берегу. О'Толле привязывал ей к спине шарик с двумя граммами героина. А в море их уже ждала яхта Рика Папалео. Теперь, как я уже говорил, все подозрения на мой счет отпали. Но о моих опытах стало известно агентам финансового управления, и с тех пор они преследуют меня буквально по пятам.

Старая история, не правда ли? Изобретаешь огонь и даришь его людям, а потом коршун всю жизнь клюет вам печень...

Перевел с итальянского ЛЕВ ВЕРШИННИН

Эта история разыгралась в Бразилии в наши дни. Известна хронология событий, известны имена доброго десятка людей, так или иначе замешанных в этом деле. Среди них — генерал бразильской полиции, пронырливые сыскные агенты, депутат парламента, несколько субъектов с весьма сомнительным прошлым и не менее сомнительным настоящим, уважаемые адвокаты и полуграмотные старатели. И еще есть (или, скажем осторожнее, как будто есть) АЛМАЗ. Редких размеров и достоинств, величиной с добрый персик, бесценный камень, переливающийся колючими огоньками. Впрочем, нет, отнюдь не «бесценный», примерная цена его установлена — два миллиона долларов. Его называют «алмазом 007». Порядковый номер тот же, что и у шпиона-супермена Джеймса Бонда. Два нуля перед семеркой показывают, что агент может убивать по своему усмотрению, может совершать любые преступления. Алмазу этот номер присвоили не случайно.

Над Бразильским нагорьем занялось мглистое октябрьское утро. Лес еще не проснулся, молча стояли заросшие мхом, захлестнутые лианами зеленые великаны, спали птицы и звери. Но люди уже работали, слышался перестук двух молотков — возле свежего шурфа, вырытого в красноземной почве, копались два старателя-гаримпейро. Чтобы не пропустить драгоценной добычи, они били по каждому камню молотком: простые камни разбиваются, алмазы — нет. Жоан Собриньо, матерый старатель, уже больше тридцати лет осваивавший джунгли, выбрал наугад крупный серый камень и ударил по нему. Камень отлетел в сторону, не расколовшись. Старатель ударил сильнее — тот же эффект. Дрожа от возбуждения и кося глазами на работавшего рядом напарника, Собриньо быстрым движением опустил камень в карман. Улучив минутку, он повнимательнее рассмотрел добычу. Чудо, чудо! Невиданный, гигантский алмаз!

По закону алмаз надлежало немедленно зарегистрировать в государственной конторе. Половина продажной стоимости камня пошла бы государству, четверть — владельцу земли, на которой он был найден, и оставшаяся четверть — пополам Собриньо и напарнику Антонио Родригесу. Но это для несмышленных новичков. Он-то, Жоан Собриньо, знает другие пути. Нужно только найти человека, которому можно сплавить такой алмаз из-под полы. Дело нелегкое, но чертовски соблазнительное. У него, Жоана Собриньо, есть два сына, мальчики двадцати двух и двадцати трех лет, давно уже взявшие в привычку носить на поясе по паре револьверов. Они, конечно же, не откажутся прогуляться с ним в столицу...

В шестистах милях от Рио-де-Жанейро и берега моря, посреди бесплодного плато штата Гойяс, на высоте тысячи метров над уровнем моря, лежит новая столица страны — город Бразилиа. Ультрасовременный центр опоясан сплошным кольцом жутких трущоб, не уступающих фавелам Рио-де-Жанейро. Здесь живут строительные рабочие и обслуживающий персонал центра, а в одном из кварталов этого кольца, который носит романтическое название «Сидади Либри» — «Вольный город», обитают воры, убийцы и скупщики краденого. Мало кто в здравом рассудке отважится бродить с наступлением сумерек по закоулкам «Вольного города». Жоан Собриньо с сыновьями пришел именно сюда.

После многодневных поисков и осторожных расспросов все трое оказались в грязной задней комнате не менее грязной закуской, принадлежавшей Гиппократосу Базилису Такапулосу, бывшему агенту секретной службы короля Греции. Сей скромный трактирщик по совместительству занимался всевозможными операциями по купле-продаже алмазов и к тридцати четырем годам снискал репутацию крупного специалиста по части подпольной торговли драгоценностями. Едва лишь увидев сказочно огромный, огнем игравший камень, грек понял все. Такапулос даже не сдержался и тихо прошептал по-гречески: «Несравненный!» Вслух же он небрежно бросил: «Миллиард крузейро» (450 тысяч долларов). Собриньо обиженно заворчал, мальчики потянулись к поясам... Такапулос быстро оценил обстановку и поспешно произнес: «Ну что ж, давайте призовем опытного оценщика». Призвали. Тощий лукавый сириец Рашид Аббул внимательно обследовал камень и назвал цену, вдвое превышавшую ту, что предложил Такапулос (прием этот успешно используется всеми махинаторами

Нового и Старого Света). Но торги, правда, длились еще не один день. Еще не раз обиженно стонал Собриньо и молитвенно складывал руки на груди робкий Такапулос. Наконец, сошлись в цене. Ошалевший от счастья гаримпейро увидел перед собой кучу чеков на сумму в 4 миллиарда крузейро. Был вечер пятницы 29 октября 1965 года. Банки уже закрылись до понедельника. Папа с детьми провел блаженный уикэнд в недрах «Вольного города», не обойдя там вниманием ни одного питейного заведения.

А в понедельник утром банковский служащий долго и терпеливо объяснял ничего не понимающему нарушителю государственной монополии на торговлю алмазами и его не совсем проспавшимся сыновьям, что чеки фальшивые... В тот же понедельник за полторы тысячи миль от банка, в уругвайской столице Монтевидео, радостно возбужденные грек и сириец вместе со своими постоянными помощниками Козлидисом и Панайотисом держали совет: что же делать дальше? «Конференция» протекала бурно — в конце концов их было четверо, а камень-то один! Такапулос оказался расторопнее других; к тому же он, не расставаясь, носил на шее алмаз в специально сшитом мешочке. Опыт службы в тайной полиции пригодились как нельзя лучше. Усыпив бдительность коллег, он, удрал в Париж, а оттуда в Афины. Но троица быстро разгадала его планы и двинулась следом.

Власти Бразилии, получив заявление адвокатов старателя Собриньо, поручили расследовать дело агенту федеральной полиции Эгберту Ассумпсио. В недавнем прошлом бывалый уголовник, он вполне ладил с властями. Ему выдали мундир, свисток и оружие, приказали пораскинуть мозгами (в свое время Ассумпсио окончил школу и впоследствии, вероятно, не раз благословлял за эту судьбу) и велели расшибиться в лепешку, но найти похитителей.

Сыщик задал себе простейший вопрос: «Кто больше всех заинтересован во встрече с исчезнувшим Такапулосом?» — и после недолгих раздумий ответил: «Жена». Сеньора Такапулос как раз собиралась ехать к мужу в Афины; ее задержали и пояснили, что только супруг в состоянии помочь ей выбраться на родину. Беглец не мог не откликнуться на призыв горячо любимой жены. В конце декабря 1965 года он прилетел в Рио и был тут же схвачен. Алмаза, естественно, при нем не нашли. «О каком алмазе идет речь? — осведомился удивленный Такапулос. — Вы имеете в виду тот красивый кристалл? Но ведь это же сплошное недоразумение!» Он, Такапулос, случайно уронил его в афинском аэропорту, и камень тут же раскололся на мелкие куски. Какой же это алмаз! Нет, никакого преступления он не совершал. Велик ли грех выдать поддельные чеки в обмен на поддельный алмаз?

Новогоднюю ночь Такапулос провел в камере предварительного заключения, но уже 2 января детектив-уголовник извлек его оттуда под тем предлогом, что грек якобы должен опознать своих сообщников. По дороге на полицейскую машину напали «неизвестные» (читай: сообщники Ассумпсио), и сыщик вернулся в столицу, где грустно доложил начальству, что «проклятый грек сбежал». «Нет, почему же, — ответило начальство, — он никуда не сбежал, он здесь». Оказывается, Такапулос ухитрился улизнуть с ранчо, куда его привезли подручные Ассумпсио, прошел пешком сорок миль и явился в штаб-квартиру бразильской полиции, умоляя немедленно отправить его в тюрьму и поплотнее запереть дверь его камеры. Грек уже догадывался, что Ассумпсио готовится приступить к интенсивным допросам, преследуя при этом отнюдь не государственные интересы...

Прошло несколько дней, и Такапулоса снова похитили из камеры. Последующие пять месяцев жизни Такапулоса получили в бразильской прессе свое название: «Путь Такапулоса на Голгофу».

Его привезли на уединенное ранчо в Красных горах. Здесь состоялся предварительный разговор, во время которого Ассумпсио дважды ударил грека ногой в живот. Но грек молчал, и наутро квартет в составе Ассумпсио, его жены и двух полицейских погрузился в автомобиль, туда же бросили жертву, и передвижная «камера пыток» двинулась в трехтысячемильный путь (оставаться на месте было рискованно, власти могли помешать «допросу»). Мелькали названия городов, и все они ассоциировались у Такапулоса лишь с разными видами мучений: Франка... Сан-Паулу... Сантус... В окрестностях Пелотаса Такапулоса посадили на огромный муравейник... В промежутках между пытками мучители грозились кастрировать его. Грек рыдал, терял сознание от боли, молил о пощаде, дважды пытался покончить с собой, но на все вопросы об алмазе отвечал одно: «Никакого алмаза нет. Был самый обыкновенный камень, он раскололся, и я выбросил обломки». Тогда Ассумпсио уготовил ему «новинку»: он воткнул в тело жертвы клубень маниоки, шишковатый, грубый и твердый, напоминавший скорее рапшиль, чем обыкновенное земное растение. Теряя сознание, Такапулос прохрипел: «Алмаз в Афинах у Козлидиса».

Уже на следующий день Ассумпсио вылетел в Афины. (Любопытно, что официальным мотивом командировки было найти Такапулоса — ведь он, как вы помните, был «похищен неизвестными») Он не нашел ни Козлидиса, ни алмаза...

Последовала новая серия допросов, и грек набросал схему тайника, в котором якобы хранился камень. Вторично испрашивать командировку в Европу было неловко, и в Афины отправился депутат парламента, который — ну кто бы мог подумать?! — одновременно являлся владельцем «ранчо пыток» в Красных горах... На борт самолета, летевшего в Грецию, поднялся сорокадвухлетний красавец с изысканными манерами, член палаты депутатов бразильского парламента Луис Бронсеадо. В его кармане лежало удостоверение агента международной уголовной полиции — Интерпола. В этом качестве он и приступил к действиям в греческой столице. Вместе с двумя помощниками он попытался проникнуть в дом родителей Такапулоса, но получил отпор. Тогда троица сняла дом по соседству и начала рыть подземный ход в сад Такапулосов, где, судя по схе-

ме, находился желанный тайник. Они прорыли уже метров пятнадцать, когда их «засекли», и депутату пришлось ретироваться.

Тем временем события в Бразилии разворачивались своим чередом. В полиции каким-то образом пронюхали, что сыщик Ассумпсио ведет двойную игру. Ему наемкнули, что не худо бы было пошарить по окрестным ранчо, заглянуть, в частности, к Луису Бронсеадо. Возражать против таких рекомендаций детективу было нечем, и вот вскоре он появился возле ранчо депутата во главе целой армии полицейских. Прежде чем приступить к активным действиям, Ассумпсио объявил, что самолично отправляется на разведку. Вернувшись, он доложил обстановку: «Они здесь. Только их много. Нужно подождать, пока не придет подкрепление». Подождали час. Потом еще час. Через два часа ранчо было взято без боя — двух часов сообщникам Ассумпсио вполне хватило, чтобы увезти и надежно спрятать полумертвого от пыток узника. В тот же день скрылся и сам Ассумпсио, но его скоро удалось арестовать. Клубок, казалось, начал распутываться. Но это только казалось.

8 июня 1966 года Такапулос был обнаружен на ранчо Аква-Фриа, принадлежавшем... двум адвокатам хорошо знакомого нам старателя Жоана Собриньо. Здесь же были и оба увешанных револьверами мальчика, а также один из подчиненных Ассумпсио. Всю компанию препроводили в тюрьму, а израненного Такапулоса отправили в больницу, где врачи установили, что сорок процентов поверхности его тела покрыто ожогами.

Вскоре была назначена специальная парламентская комиссия, призванная расследовать поведение депутата Луиса Бронсеадо, замешанного в деле. На первом же заседании депутат назвал имя человека, ответственного, по его мнению, за «все эти тяжкие преступления». Он назвал имя шефа бразильской полиции генерала Риограндино Круэла! Потрясенный генерал покаялся под присягой, что он невиновен. Однако в его показаниях нашли уязвимые места. Мало того, из-за тюремных решеток до ушей следователей донесся не очень громкий, но решительный голос Ассумпсио, заявившего, будто он действовал под давлением своего прямого начальника — все того же генерала Круэла. Взбешенный «первый полицейский» страны с пеной у рта продолжал доказывать, что все это гнусные наветы. Его вежливо выслушали, а во время первой же политической перетасовки отставили от должности. Депутата Луиса Бронсеадо оправдали.

Такапулосу не дали даже как следует прийти в себя. Прямо в больнице начались томительные допросы. Грек упрямо твердил свое: «Не знаю», «Не было», «Не виновен». Однако на вопрос о местонахождении сообщников — сирийца Абула и грека Козлидиса — ответить не пожелал. Дело передали в суд, и, как полагают, Такапулоса ожидают семь лет тюрьмы за мошенничество...

Подведем некоторые итоги. Депутат оправдан. Оба адвоката, на ранчо которых нашли истерзанного узника, выпущены под залог. Вслед за ними вышел на свободу и сам Ассумпсио. Вот когда пригодилась справка об образовании! Оказывается, согласно бразильским законам, лица, окончившие школу, должны содержаться в тюрьме в особых условиях, а в столичной тюрьме этого обеспечить невозможно, поэтому куда проще отпустить «образованного» домой! Зато «необразованным» — худо. Жена незадачливого сыщика, несколько помогавших

ему полицейских, а также оба мальчика Собриньо продолжают оставаться в тюрьме в ожидании суда. Вот там-то все и прояснится, думают многие. Кто знает, может, так оно и случится. Правда, кое-что выяснить будет нелегко. В частности, такую деталь — где алмаз?

В самом деле, где он? Может, все-таки у Такапулоса? Ведь слышали же люди, как он сказал жене во время свидания: «Эти семь лет (видимо, он уже свыкся с мыслью о семилетнем заключении) нужно продержаться, а потом мы заживем в достатке и без забот». Или это сказано лишь для того, чтобы успокоить страдавшую женщину? В предположениях можно пойти даже чуточку дальше. А не Антонио ли Родригес, напарник старателя Собриньо,

владеет сейчас фантастическим алмазом? Ведь он, как нарочно, тоже где-то прячется, и адвокат Такапулоса дорого дал бы за то, чтобы узнать, где именно. А может, алмаз у самого Собриньо, где бесследно исчезнувшего вскоре после того, как началось все это дело?

Возможно, очень возможно. Оказалось же возможным в течение пяти месяцев зверски пытаться человека с ведома и одобрения полицейских боссов страны. Оказалось очень даже просто выпустить из тюрьмы главного истязателя. Возможно даже, что мы когда-нибудь узнаем всю правду об алмазе весом почти в тысячу каратов...

З. КАНЕВСКИЙ

В ШИНОНЕ, НА БОЛЬШОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Февраль 1429 года выдался волглый. Набухшая земля сочилась стылой водой, горожане ежились, шлепая деревянными подошвами сабо по деревянным мосткам. Останавливались лишь на минуту — узнать новости. Верно ли, что та крестьянка из Домреми приехала к ним в Шинон? Подумать только, простолюдника, а добилась аудиенции у короля! Да и то верно, если деву послал сам господь, может, и наступит конец всем этим напастям...

Франция стонала. Герцог Бургундский в стоворе с англичанами вторгся в Шампань, Орлеан пух от голода в осаде, крестьяне разбегались. На дорогах бродили разбойники — из города в город рискованно было отправиться в одиночку или без оружия. Бароны на своих землях беззастенчиво освобождали от кошелька странника, даже если тот шел на молитву. А если он начинал звать к правосудию, злодеи смеялись: «Иди, иди, жалуйся своему королю!»

Неужели и впрямь дева Дарк сумеет вселить бодрость в унылого дофина? Значит, правда на ее стороне?

Двадцать третьего февраля дофин Карл назначил девице Жанне встречу в Шиноне, в своем замке. А пока Жанна поселилась у одноглазого Роже, что держал постоянный двор на Большом перекрестке.

Этот дом вы видите на снимке. Он сохранился в том самом виде, как и при Жанне, жалованной дворянством и ставшей Жанной д'Арк. Естественно, тогда он выглядел лучше. С тех пор дом пришел в ветхость и вот-вот грозит рухнуть. Особенно пострадали деревянные балки и перекрытия.

Недавно дому на Большом перекрестке повезло вторично. Дело в том, что акционерное общество «Ксилошими», филиал могущественного химического концерна «Пешине», объявило конкурс: оно вызвалось обработать выпускаемыми ею химикатами любую деревянную постройку, являющуюся памятником старины, а жюри должно было назвать кандидатов на спасение. И домик на Большом перекрестке выиграл конкурс: он будет спасен.

Теперь небольшая бронзовая табличка у входа будет указывать два исторических события, случившихся с домом: в 1429 году здесь остановилась Жанна д'Арк, а в 1968 году его отремонтировала фирма «Ксилошими».

Рожс Фризон-Рош (род. в 1906 году) вырос в Альпах. Выдающийся альпинист, гид-профессионал, он совершил немало восхождений и путешествий в разных странах мира, талантливо описав их в своих книгах. Он побывал в малодоступных горных областях Сахары и в Северной Скандинавии, в Канаде и на Аляске. Во время войны Фризон-Рош сражался в родных Альпах в рядах французского Сопротивления.

РОЖЕ ФРИЗОН-РОШ

МОНБЛАН

И СЕМЬ ЕГО ДОЛИН

О Монблане, кажется, написано все. Одних книг насчитывается несколько тысяч. Поэтому надо быть очень самонадеянным, чтобы решиться писать на эту тему. Но ведь каждый говорит по-своему, видит своими глазами, чувствует своим сердцем и, чтобы воспеть свой край, находит какие-то новые слова. Попытаемся!

Монблан — опорный столп Европы. Какова его высота — 4807 или 4810 метров? Где его вершина — во Франции или в Италии?

Но какое это имеет значение! Монблан выше всяких споров. Его пирамидальная вершина вознеслась над семью долинами. Впрочем, педанты могут сказать, что я упустил то или иное ущелье или какую-нибудь долину. Все это вполне возможно, но тогда исчезнет мудрое число семь. А ведь

мы хотим показать, что Монблан — опора мудрости в старой Европе, разделенной границами, языками и традициями. Монблан — страна людей одного языка. И если вы обойдете всю гору, держась навстречу ветру, чтобы узнать, откуда он все-таки дует, вы встретите людей одной горной расы. Их лица и сердца выдублены холодом и жарой, ветрами и бурями, тяготами и работой — тем, что роднит всех жителей гор на земле.

Весной 1958 года в итальянской долине Ферре я разговорился со старым пастухом, перегонявшим своих коров к Греттазу. Я спросил, что он думает о знаменитом туннеле¹. «Можно будет чаще ви-

¹ Туннель под Монбланом протяженностью в 11,8 километра был открыт в июле 1965 года. — *Прим. пер.*

дется», — ответил мне пастух, и этим все было сказано. Ему не показалась слишком большой сумма в несколько миллиардов франков, затраченная только для того, чтобы «чаще видеться». Для него не имело значения строительство автомобильной дороги, увеличение потока туристов и как результат — экономический бум. Нет! Он не смотрел так далеко — вернее, он видел дальше и правильнее всех экономистов. Для него туннель — символ братства, и он совершенно справедливо считал, что это важнее всех остальных соображений.

Так поспешим же рассказать о Монблане, о его долинах — таких разных и таких схожих, пока еще не поздно. Пока еще осталось что-то общее для всего этого района. Я говорю о его старых традициях, связанных с горным хозяйством, постепенно меняющимся под влиянием туризма, альпинизма и зимнего спорта.

Но будем откровенны. В долине, к примеру, Шамони, туризм одержал победу над размеренной сельской жизнью, и звон колокольчиков, сопровождавший медленное передвижение стада, навсегда умолк. И лишь в нескольких долинах еще можно найти то, что не менялось в течение десяти веков: характер горцев.

Мы не будем смотреть на Монблан, как на самую высокую вершину в Европе, созданную для установления рекордов, Мекку альпинистов или провидение для торговцев природой.

Монблан — это прежде всего господин и повелитель. Он командует и распределяет погоду для всех своих семи долин и семи десятков других, разбегающихся от него на все четыре стороны света. Длительное время люди вынуждены были подчиняться ему, приспосабливаться к его климату, к его короткому лету и бесконечной зиме. Раньше они жили охотой, потом занялись разведением скота, но постепенно оставляли эти здоровые занятия, не приносявшие им богатства. Чтобы выжить, горцы были вынуждены спускаться в долины. Теперь же происходит обратная миграция — жители долин поднимаются в горы...

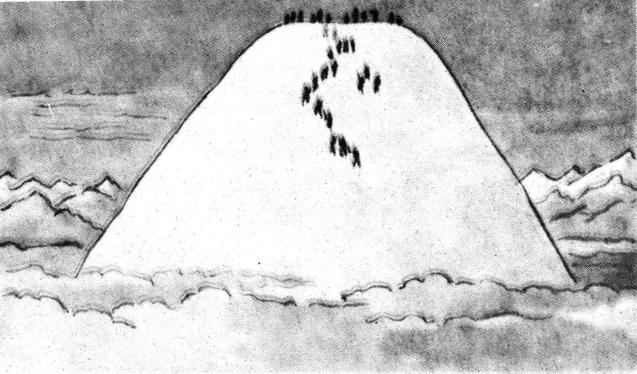
Давайте сначала посмотрим на Монблан сверху. Самолет рождает чудо. Однажды на высоте 12 километров над Овернью мне удалось увидеть одновременно и Пиренеи и Альпы, над которыми возвышался Монблан. Но чаще всего на расстоянии в 50 или 100 километров можно различить лишь чудовищной величины айсберг, как бы плывущий по бесконечным волнам моря облаков. Большинство самолетов, бороздящих небо над Европой, пересекают Альпы над его вершиной. Иногда при очень хорошей погоде пилоты воздушных лайнеров делают круг над вершиной. Прикинув к иллюминаторам пассажиры открывают для себя невиданную доселе картину, а если посчастливилось, могут увидеть связки альпинистов, ползущих с медлительностью паралитиков по гребню Босс. К несчастью, случалось, что самолет, направлявшийся в Женеву, из-за облачности или ошибок приборов, наталкивался на покрытый снегом пик, подобно кораблю, брошенному на скалы штормовой волной.

То порозовевший от восходящего солнца, то словно воспламеняемый закатом, Монблан встречает солнце первым и провожает его последним. Издали Монблан предстает перед вами как нереальное, воздушное и мимолетное видение. Со всем другим видом открывается с борта маленького туристского самолета, пролетающего на неболь-

ВЫБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ПРАВДИВОЙ ИСТОРИИ О ДОСТОСЛАВНЫХ ПОКОРИТЕЛЯХ МОНБЛАНА

Много веков назад люди познакомились с Белой горой, что возвышалась над временем своей недвижимой вершиной (рис. вверху слева).

Таким вот зловещим и неприступным видели в начале XVII века Монблан охотники за сернами и горцы, добывавшие в скалах горный хрусталь.

История покорения Монблана началась в 1786 году, когда двое французов — Жак Бальма и доктор Паккар — поднялись на вершину одного из монблановских отрогов. Но только со следующего, 1787 года Монблан стал «обитаем». Летом того года французский ученый «господин Соссюр проделал по пути на Монблан многочисленные физические опыты. Для этой работы ему требовались тяжелые инструменты. Он преодолел все затруднения, проявив замечательную твердость и настойчивость» (рис. вверху).

Люди покоряли гору и навечно покорялись ей. Первыми это поняли на себе англичане и... организовали альпинистский клуб в Шамони. Этот рисунок, сделанный в середине прошлого века англичанином Брауном, живописует экспедицию на гребень Босс.

В историю покорения Монблана вошли и отважные женщины-альпинистки. Первыми здесь следует назвать крестьянку Мари Пароди (1808 год) и графиню Анриет д'Анжевилль, во главе отряда из шести гидов и шести носильщиков поднимающуюся на вершину. По их стопам на тропу сильнейших вышли многие представительницы слабого пола. Вот, приставив лесенку к Монблану, элегантно и грациозно восходит на вершину в 1902 году искательница приключений из Цюриха (фото внизу).

шой высоте над ледниками и горными пиками. Вы чувствуете, как самолет скользит по ущелью, поднимается над ледяными полями, танцует под порывами ветра, дующего с гребней гор. И перед вами одна за другой открываются тайны загадочной горы и ее закрытых со всех сторон долин, в глубине которых жмутся друг к другу маленькие домики.

Так возникает перед вами странный и неожиданный даже для альпинистов пейзаж. Тонкие гранитные пики кажутся живыми и в каком-то безумном движении то наклоняются, то удлиняются, то вдруг падают на легкое как пух одинокое облачко. Глубокие трещины, как бы дыша, то открываются, то закрываются под пиками. Неподвижная гора оживает. Вы слышите гул внутри этих ледников и скал, тихую жалобу снега, сдуваемого ветром с карнизов. Внезапно налетает шквал, раздается канонада падающих вдоль ущелий камней. И этот грохот порой перекрывает все другие звуки, даже монотонный гул мотора вашего самолета. Этот гул привычен, он убаюкивает и не мешает слушать великое молчание гор...

Если летчик хорошо знает свое дело, вы сможете легко проникнуть в этот мир, доступный раньше только альпинистам. Весь Монблан с его семью долинами, семьдесят одним ледником и четырьмястами вершинами предстанет перед вами во всем своем несравненном великолепии. Вам повезло — вы увидели его спящим и почувствовали его дыхание. Но дорога, по которой можно добраться до его вершины, длинна. Она станет еще длиннее, если вы будете взбираться и на многочисленные побочные вершины, образующие корону Монблана. Внизу, на земле, каждая из них в отдаленности покажется вам высочайшей горой, но на самом деле они его спутники, лежащие на шее гиганта, подобно снежному воротнику.

А может быть, оставив все транспортные средства, опираясь на альпеншток, как паломник на посох, вы предпримете нескончаемое восхождение — нескончаемое потому, что каждый раз оно будет для вас новым, и вашей жизни не хватит на то, чтобы подняться на все вершины Монблана.

Но и всего этого будет мало. Вы так и останетесь туристом без багажа и без будущего, даже обойдя все горы снизу доверху, вокруг и внутри, если не побываете в расположенных внизу долинах. Надо погостить у горцев, послушать их лаконичную речь, их неспешные истории, похожие на мудрые философские сказки. Надо познакомиться с их трудом, узнать, как они пасут свои стада, посмотреть, как сеют и убирают урожай. Вы услышите о борьбе со снегом и льдами, об охоте на неуловимую высокогорную дичь, на легкую, как ветер, серну и тяжеловесного каменного барана — необыкновенного прыгуна, похожего на черта, на больших и маленьких тетеревов, куропаток и лесных рябчиков, на беспокройных оленей и трудолюбивых вездесущих сурков черного цвета — в сланцах, ярко-рыжих — в гранитных скалах и серых — в известняках, оповещающих свистом своих собратьев о восхождениях альпинистов в ледяной перламутровой заре.

Но осторожнее, гость Монблана! С горами не шутят. Многие приходят сюда со скептической улыбкой бывалых людей. Они снисходят до того, чтобы полюбоваться горами, а потом происходит нечто неожиданное: они удивляются и испытывают

Обойдите Монблан кругом — и повсюду в его долинах, разделенных границами и языками, встретите похожие улочки черепичных городков.

попытка уйти человек вновь возвращается к горе с раскаянием в душе.

А поскольку изо всех гор мира Монблан и весь его массив — самая прекрасная гора, самая разнообразная, самая привлекательная и самая таинственная, то берегитесь!..

Многие писатели и путешественники, и среди них самые знаменитые — от Гёте до Дюма и Виктора Гюго, — были одного мнения: путешествие к Монблану надо начинать из долины Арв.

Долина Арв подготавливает вас к восприятию самого главного. Великая Белая гора прячется за высокими облаками и изгибами предальпийского пейзажа. Ее не видно, однако все говорит о ее присутствии. И эти ущелья в центре скал, и вертикально вздымающиеся стены, на которых видны следы старых ледников, — это дело рук гиганта. Он протянул одно из своих шупалец и в эту пропасть, где ревет поток. Бешеный, неукротимый, полный прозрачной воды в теплые дни и ночи июля, но почти совсем пересыхающий зимой, когда лед сковывает всю жизнь гор.

Милые домики рассеяны среди фруктовых садов и полей пшеницы. И вдруг поворот ущелья — и вы попадаете в храм: прямо перед вами, в центре созданной самой природой сцены, над Арв выгнулся старый горбатый мост Сен-Мартен, похожий на лошадь, прыгающую через барьер.

То, что раньше было лишь смутно угадываемой тайной мечтой, становится реальной, ослепительной и в то же время подавляющей картиной. Тут-то и рождается трагедия.

Только что познанный вами мир оказывается недоступным. Путь к нему преграждают невысокие, округленные и отполированные временем горные цепи, покрытые льдом и скрывающие за собой долины.

влечение к горам, пытаются сопротивляться этому влечению, но постепенно оно завладевает ими. И вот они побеждены. Они чувствуют, что не могут обойтись без гор. Все кончено: они в плену. Свершилось...

На самом же деле мы в плену не у гор, а у самих себя. Сопротивляться бесполезно. Каждый наш шаг, каждый жест, любой поступок только усиливают это очарование и подтверждают власть гор над нами. После очередного побега, после любой

Долина Монжуа. Изю всех семи долин Монблана только одна выходит на равнину. У нее красивое название: Монжуа, Гора радости. Вдоль всей долины идет древняя Римская дорога, проложенная два тысячелетия тому назад. Некогда этот путь соединял столицу цезарей с заальпийскими странами.

Жизнь местных горцев сурова. Полевые работы тяжелее, чем в любой другой долине, пастбища меньше по размерам. Изрытые осыпями сланца, склоны настолько круты, что крестьяне только скашивают с них траву, хотя и это само по себе — чудо акробатики. При первых зимних заморозках, есть снег или нет, они спускают сено на санях в деревни. Иначе оно бы пропало, потому что никакое животное, каким бы ловким и сильным оно ни было, не сможет взобраться на эти склоны без риска сорваться.

Когда-то почти все жители этой долины занимались контрабандой, что было особенно удобно потому, что они жили фактически в свободном районе между Францией и Италией. Еще в начале века, совсем молодым человеком, мне довелось сопровождать старших товарищей в одном из таких предприятий. Закон запрещал их, но люди, жившие тогда у самой границы, смотрели на это занятие как на богом данное им преимущество. Меня, помню, поставили тогда наблюдателем на скалистом выступе. По возвращении контрабандистов я получил в качестве вознаграждения колоду карт и коробочку спичек.

Если контрабандиста сограждане всегда уважали (да простят мне защиту этого опасного ремесла прошлых времен!), то на охотника крестьяне-горцы смотрели с некоторым пренебрежением, как на человека, ведущего богомный образ жизни. Тяжелая, полная труда жизнь горцев не позволяет им празднично проводить время. И потому крестьянин никогда не понимал, как это можно бросить стадо или косьбу в разгар сенокоса ради серны, в погоне за которой можно запросто сломать себе шею.

Курмайер. Монблан можно увидеть из многих мест Пьемонтской равнины и долины реки По, но пока вы не попадете к его подножию, вы мало что узнаете о горе.

У самого входа в долину лежит старая деревня с приземистыми каменными домами, прижавшимися к ним сараями и сеновалами из потемневшего от времени дерева. Пересечем ее — и выйдем на поля. Там между рядами каменных изгородей, разделяющих террасы с посаженными на них рожью, ячменем или картофелем, поищем тенистый уголок под вишневым деревом, остролистным кленом или огромным итальянским тополем — истинным деревом Курмайера, благодаря которому это альпийское местечко накрепко связано с Италией наших грез, такой близкой и вместе с тем такой далекой.

Крестьяне Курмайера живут в некотором отдалении от тех гор, которые так любят альпинисты. Они издавна трудились на полях. Лишь в последние сто лет в самом Курмайере и в каждой из деревень долины: Долон, Ла Сакс, Ле Виллер, Верран, Антрав — начали появляться энергичные люди, которые порывали со своим крестьянским прошлым. Они вступили в единоборство с горами, хотя остальные по-прежнему пребывают лишь терпеливыми наблюдателями. Эти отважные одиночки дали начало целым поколениям замечательных гидов: Гривель в Долоне, Проман в Верране, Рей в Ла Саксе — альпинистской аристократии этих деревень с кривыми улицами и черепичными крышами. По всей округе распространилась слава об их необычайной судьбе и приобретенная порой ценою жизни известность. Они привыкли к тому, что с наступлением лета их приглашают участвовать

в охоте, в географических исследованиях или восхождениях. Их имена связаны с завоеванием самых высоких вершин мира. Жителей Курмайера можно было увидеть на Северном полюсе и в Антарктике, в Кении — на Рувензори, в Андах Патагонии и на великих ледниках Аляски.

Благодаря своему характеру и уму гиды Курмайера сумели сохранить ведущее место в жизни общества. Достаточно посмотреть на их недавно отреставрированный, покрытый деревянными резными украшениями дом, стоящий перед церковью, и походить по его комнатам, превращенным в горный музей, чтобы убедиться в уважении, которое питают к ним приезжие, и в гордости, которую испытывают за них жители городка.

Где бы они ни жили — во Франции или в Италии, горцы Монблана никогда не переставали помогать друг другу. Конечно, общая профессия способствовала этому. Во всяком случае, они не ждали появления канатной дороги или туннеля, чтобы частенько перебираться через разделяющие их горные перевалы и гостить друг у друга. Вероятно, поэтому меня так взволновал визит к двум ветеранам итальянского альпинизма.

Адольф и Анри Рей — крепкие 80-летние старики из деревни Сакс, сыновья великого Эмиля Рея, погибшего на Дан дю Жеан. В первой половине XX века эти старики считались одними из лучших гидов своего времени. Братья отложили свои дела и целых два часа говорили со мной, вспоминая великое прошлое. Они были очевидцами многих событий и знали большинство знаменитых гидов. Один за другим оживали в их памяти труднейшие маршруты, самые смелые первовосхождения. Эти замечательные старики, казалось мне, ходили на высокие и абсолютно прямые тополя Курмайера. Адольф Рей немного похитрее, меньше ростом. На подъемах он всегда выходил вперед. Анри — тот полон спокойной силы, которая характерна для большинства гидов долины. Он и говорил медленно, уверенно.

Более тридцати лет тому назад, будучи носильщиком у Раванеля Красного, я побывал у смертного ложа знаменитого гида Петига, спутника герцога Аbruццкого. Он лежал как настоящий патриарх посреди охотничьих трофеев, медвежьих шкур и фотографий далеких гор. Мне показалось тогда, что этот человек сошел со страниц сказочных легенд. Сегодня такими передо мной предстали братья Рей. А еще через тридцать лет, наверное, легендой для наших внуков будет Вальтер Бонатти¹.

Долина Вени. Горы живут. Об этом слишком легко забывают. Они рождаются, живут и умирают. Иногда они дрожат. И как бы ни было слабо это движение, оно вызывает катастрофы.

Так случилось здесь лет сорок тому назад. С гребня Петерей сорвался огромный оползень. Он отшлифовал нагромождения льдов и покрыл их языки толстым слоем камней. Долина была перегорожена. В ее верховьях образовалось озеро. Воды вырыли себе подземное ложе и, пройдя преграды, вырвались наружу. Каким-то чудом никто особенно не пострадал.

Поднимемся к перевалу Шекру, на высоту 2300 метров. Это идеальная высота для того, что-

¹ Вальтер Бонатти — итальянский журналист, путешественник и альпинист. В 1955 году он в одиночку за пять дней взобрался на юго-западную опору Монблана, которая теперь названа его именем. — *Прим. автора.*

бы любоваться Монбланом. Мелкие детали не мешают видеть общую картину. Гора сидит, как владыка на троне богов. Гребень Петерей кажется расчлененным, изломанным. Подобные тонким пальцам, торчат из него пики, получившие забавное имя «Английских дам».

Если смотреть из долины Вени, то отроги, скрывавшие всю горную цепь, обретают свой настоящий размер: они лишь скромно подпирают гору. Из этой долины можно увидеть, где проходят опасные маршруты «Груша», «Часовой» или «Путь майора», который ведет к самому высокому перевалу Европы. Эти маршруты впервые были пройдены знаменитыми английскими альпинистами. А затем их прошли все лучшие альпинисты мира. Они получили печальную репутацию из-за ставших широко известными несчастных случаев.

Долина Ферре настолько прекрасна, что порой сомневаешься, действительно ли она существует. В ней гармонически уживаются пастушеское и грандиозное, идиллия и драма. Здесь серны и каменные бараны спускаются пить к горным потокам, смешиваясь с домашними козами и овцами. Как в долине Вени, в итальянской долине Ферре оба склона резко отличаются друг от друга. Правая сторона — владения девственной, невозделанной природы. Левая — это луга, альпийские пастбища, легкодоступные леса. Одним словом — владения человека.

На альпийских лугах пасутся огромные стада коров. Здесь на месте приготавливают превосходный сыр «грюйер». Готовят его следующим образом: молоко после вечернего удоя сливают в большие плоские тазы и охлаждают проточной водой. Сливки частично снимают и снятое молоко смешивают на другой день с утренним удоем, после чего выливают для брожения в большой медный чан.

Долина Шампе. В оправе из густого леса, похожего на канадские леса, лишь изредка прерываемого светлыми пятнами редких лугов, озеро Шампе как бы вправлено в гору. В противоположность долине Ферре Шампе — настоящее творение торжествующего туризма.

Вдоль берегов озера, на зеленых холмах старых морен, на редких лугах, прислонившись друг к другу, стоят большие гостиницы стиля «доброе старое время». Но все здесь уж очень красиво, слишком «отлакировано», слишком спокойно и умиротворяюще.

Однако в свое время Жавелль, великий альпинист Жавелль, набирал здесь своих товарищей. Большой известностью пользовались гиды из семьи Креттекс. Затем наступил закат. И не потому что гиды перестали пользоваться уважением, а просто сам альпинизм перестал здесь существовать. Стремление альпинистов к трудным горам в ущерб прекрасному пейзажу постепенно привело к полному исчезновению из Шампе скалолазов. Гидов стало мало. Гораздо легче да и более выгодно стало сдавать шале, продавать сувениры или напитки. Шампе стал похож на альпийский луг, покрытый защитным лаком, его естественность исчезла.

Я встретил братьев Креттекс, переживших взлет альпинизма в прошлом. Теперь они буржуа, одетые в строгие костюмы хорошего покроя, в фетровых шляпах и с сигаретами во рту.

Онезим Креттекс в свои 87 лет выглядит на шестьдесят пять. Прямой, как трость, с правильной речью, учтивый. Онезим Креттекс — первый альпинист, поднявшийся на пик Жавелль со своим

юным братом. Они сделали это тайком, мечтая о славе. Знаменитый Жавелль, думая, что он первый, нашел на вершине жестяную коробку — доказательство первовосхождения. Долго искали виновного. Опасаясь гнева великого гйда, Онезим сознался в том, что поднялся на вершину, только спустя несколько месяцев.

Все это происходило в конце XIX века. Этот человек рассказывал мне о своем подвиге, который он совершил, будучи совсем еще юным, с лукавым удовлетворением мальчишки, гордого тем, что смог «стибнуть» вершину у знаменитого покорителя гор. «Меня просили, — сказал он, — оставить имя мсье Жавелля за этим пиком, и я охотно согласился».

Мы выспрыснули старую удачу бутылкой «дазале», а затем сыграли партию в «жаза»¹. Точно в десять часов Онезим Креттекс встал, простился со мной и вышел, держась совершенно прямо. Он ушел в ночь, и вместе с ним растаяли в темноте тени Жавелля и других великих...

Седьмая долина — это долина Шамони. Мы открыли ее с высоты перевала Балм. Только этим несравненным зрелищем можно закончить обход Монблана.

Кстати, где же он, этот Монблан? Ведь с тех пор как мы отправились к Шамони, мы его больше не видели: вершина горы упрямо скрывалась. Ее можно увидеть, только поднявшись выше деревни Боссон, но вид ее оттуда столь скромнен и незаметен, что никто не поверит тому, что Монблан — гигант, высшая точка Европы.

Но что это? Машины на дороге, ведущей в Шамони, внезапно и без всякой видимой причины замедляют ход, а затем без предупреждения вдруг останавливаются. Порой они даже наталкиваются одна на другую. Но даже самые осторожные водители теряют самообладание и ведут машину одной рукой, крутя головой во все стороны, вглядываясь в вершины и переговариваясь друг с другом. «Это он?» — «Да нет, его здесь не видно». — «Конечно, он. Я вас уверяю!» Каждый ищет, где же тот самый Монблан, ради которого он отправился в путь. А когда, наконец, истина установлена, наступает разочарование: «Как! Этот незаметный белый бугор и есть Монблан?!»

Монблан вводит в заблуждение новичков: у него добродушный вид. У него нет ничего общего с Гималаями. Он скорее похож на кошку с выгнутой спиной, большую белую кошку с висающим хвостом и втянутыми когтями. Но, внимание! Берегитесь ее гнева и отнеситесь к ней со всей серьезностью. Все спокойно, небо голубое, но вот облака над гребнем распушили «хвост» и превратились в тучи. Над вершиной закружило легкое облачко. Пронесся западный ветер. Снежная буря! В долине все прекрасно, а там, наверху, может быть, начинается трагедия. От этого крохотного облачка, возможно, гибнут люди. Таков Монблан из Шамони, подобный театральной декорации, на фоне которой разыгрывается драма.

Канатные дороги позволили ближе познакомиться с горой. Благодаря им люди, не имевшие абсолютно никакого представления о горах, могли сразу же, без всякой подготовки, очутиться в таинственном мире. И очень часто, увидев его, они не могли не почувствовать откровения.

¹ «Ж а з а» — местная карточная игра. — *Прим. пер.*

Вы будете ошеломлены головокружительным нашествием людей, непрерывным движением туда и обратно: гора пропускает ускоренным темпом в день по 5 тысяч человек в разгар сезона. Вертолеты, подобно стрекозам, стали садиться повсюду — на скалистые площадки, на крошечные платформы то со спасателями, то со строителями убежищ. Зимняя глухомань была разбужена каждодневным нашествием многих тысяч лыжников, летящих с вершины в деревню Тин. А перепад уровней — 2850 метров! Я знаю людей, которые трижды за один день проделали этот путь. И ничего не увидели.

Уже в 1957 году на Южный пик поднялось 200 тысяч человек. 200 тысяч! Отнимите от этого числа 1—2 тысячи настоящих альпинистов — и вы получите нужное число. Значит, практически любой человек может теперь сказать, что он видел ледники, нагромождения льдов, Монблан и Валле Бланш и может претендовать на знание горных тайн. Широкая публика допущена в первые ряды горного драматического театра. Впрочем, она действительно рассматривает горы лишь с точки зрения зрителя, побывавшего на одном спектакле. Заинтересованная большой прессой, которая привлекает ее внимание описаниями потерявшегося в горах каравана, эта публика лишь сожалеет о том, что тучи мешают ей следить за движением спасательных отрядов, отправившихся на поиски заблудившихся. Она безжалостна и непримирима

в своих суждениях. Однако в этой беспощадной коммерции есть какая-то попытка ознакомить массы людей с горами. Это приятно и позволяет забыть об остальном.

Негодование и грусть заставили «чистых» альпинистов добровольно покинуть любимые горы. Они не пожелали больше видеть места, оскверненные консервными банками и промасленной бумагой, оставшимися после пикников.

Массовое нашествие не так задевало нас, сроднившихся с Монбланом. Ибо, что бы ни говорили эти «тартарены», они не видели ни одного из наших любимых пейзажей. Раньше можно было смеяться над ними и презирать их. Но теперь их даже невозможно удивить. Они обсуждают путь на Мажор как знатоки. Их компетенция в альпинизме похожа на компетенцию болельщиков, обсуждающих достоинства знаменитостей велогонки Тур де Франс. У них есть свои «звезды» с первых страниц газет. Увы! Многие из этих «звезд» прославились после своей гибели. Такова жизнь... Здесь мы ничем не можем помочь. Оттого, что 200 тысяч человек ежегодно посещают вершину, пейзаж не стал менее красивым.

Но все, кто приходит сюда, должны почтительно склонить голову перед Монбланом, который диктует здесь свои законы и непреодолимо тянет людей равнин вверх, в горы.

Перевели с французского
М. МАКАРОВСКАЯ и А. ИГНАТОВ

РОБЕРТ ХЕЙНЛЕЙН

КОЛУМБУ НЕ СИДЕЛОСЬ ДОМА

Рассказ-шутка

Долгие хождения не могут иначе,
яко на пользу быты!

Марко Поло

— Дело сделано, надо вспрыснуть, — сказал толстяк. — Что будете пить, профессор?

Дверь лифта распахнулась, и в бар вошел еще один посетитель. Толстяк окликнул его:

— Хэлло, Фред, иди к нам!

Он повернулся к гостю и представил:

— Фред, это профессор Эплби, главный инженер космолетов «Пегас». Я только что продал ему партни спецстали. Ваше здоровье!

— Не зовите меня все время профессором. Тем более что я нигде не преподавал. Титулы, знаете, здорово старят.

— Что вы, у вас вид как у новенькой монеты! Тем более в такой дыре...

— А где еще строить «Пегас», не посреди же Нью-Йорка!

— Э-э, мне вас не понять. Я знаю свое дело — торговать сталью. Но теперь, когда дело сделано, могу я вас спросить?

— Спрашивайте.

— На кой черт вам все это случилось? Чего вас несет на эту Проксиму Центавра или как там ее?

Эплби усмехнулся:

— Это трудно объяснить. Зачем людей несет на Эверест? Или на Северный полюс? И зачем Христо-

фору Колумбу понадобилось умолять королеву заложить свои бриллианты и купить каравеллы? Никто еще не был на Проксиме Центавра. Вот мы и летим туда.

— Слышь, Фред?

— Я этого тоже не понимаю. Мое дело продавать измерительные приборы. Другие торгуют хризантемами. Третьи лепят космолетов. А я вот продаю измерительные приборы.

Бармен Пит налил по второму разу.

— Эй, Пит, — сказал толстяк. — Ты бы пошел на «Пегас»?

— Ни в жизнь.

— Почему?

— А мне и здесь хорошо.

Эплби мягко сказал:

— В одних живет Колумбов дух, в других нет.

Он откланялся.

Вслед за ним, шатаясь, ушел и толстяк.

— Все это выдумки и враки — прогресс и все такое, — сказал Фред.

— Не совсем, мистер Фред. Я вот верю в прогресс. Мой отец, помню, подписывал петицию за запрещение летательных аппаратов.

— Значит, ты за «Пегас»?

— Прогресс, я так думаю, — это когда все пробуешь сам. Но гонять по чем зря за приключениями — это уж нет, увольте.

— А сам ты куда-нибудь ездил?

— Десять лет уж, почитай как на одном месте.

— И не тянет глотнуть воздуха посвежее?

— В Нью-Йорке, в Бронксе, не было свежего воздуха. Здесь его тоже нет. Но зато в Нью-Йорке у меня все время болели ноги, а здесь, на Луне, все в шесть раз легче...

Перевел с английского М. МАРИКОВ

Лодки-долбленки айнов — точная копия пирог народов Южных морей. Костюм же заимствован у соседних народов; единственное айновское слово, обозначающее одежду, переводится как «набедренная повязка».

Г. НАВЛИЦКАЯ,
кандидат исторических наук

АЙНЫ

ТАНЕЦ ТРЕПЕЩУЩЕЙ СОСНЫ

...Южное побережье Хоккайдо. Длинная, уходящая к горизонту песчаная коса. Белые невысокие дюны и синее-синее море. Если встать к нему спиной, то увидишь дымящийся вулкан, а у его подножья будет угадываться озеро, окаймленное картинными соснами. На крутой дуге берега между городом Мурораном и мысом Эримо лежат поселения айнов.

Теперь, в сумерках, все выглядело здесь иначе: ночь приглушила открыточный сине-белый цвет, ревматические ветви сосен словно начерчены прихотливым движением кисточки прямо на светящемся блюде месяца.

От близкого поселка, светящегося в темноте шифером крыш, доносились ноющие звуки струнной музыки. Когда глаза привыкли к темноте, можно было различить темную воду озера Акан с дрожащей лунной полоской, плоский берег, черную массу деревьев. Какие-то тени пронеслись по берегу.

Внезапно вспыхнул костер, подоженный с разных сторон. Его пламя отняло у темноты центр утоптанной площадки, бородатые лица мужчин, лицо старухи, рот которой был, как мне показалось, вымазан чем-то темным.

Ноющие звуки стали громче, стройнее, превратились в тревожную ритмичную мелодию.

По углам площадки вспыхнули еще четыре костра. Мелодия на мгновение прервалась, и дальше ее повели женские голоса.

Из темноты вышли несколько девушек, они пересекли по диагонали площадку и встали полукругом у центрального костра.

Высокие голоса женщин продолжали рассказывать что-то непонятное мне, но хорошо понятное девушкам, потому что, повинувшись речитативу, они закружились вокруг костра.

— Масао-сан, посмотри-ка, пожалуйста, что за танец? — услышала я шепот.

Рядом со мной стояла молодая пара: он — в европейском костюме, она — в кимоно.

— «Танец журавлей», Тосико-тян, — отвечал, взглянув в цветной проспект, молодой человек тоже шепотом.

Несколько мужчин в длинных белых рубахах, расшитых широкими красными полосами, с мечами в руках пошли вокруг костра в затылок один другому. Быстрее, быстрее, еще быстрее! Резко остановились, взмахнули — все разом — мечами. И снова побежали вокруг пламени.

— Тосико-тян, — шепнул мой сосед, — помнишь танцы, что мы видели в храме Футара-сан в Никко? Правда, похоже?

На Хоккайдо пришла зима.

В ожидании туристов.

«Бывший вождь» у своего очага.

— Да, похоже. Зато такого ты нигде не видел, Масао-сан. Я говорю про ту старую женщину, что стоит на другой стороне круга. Видишь, у нее вокруг рта татуировка?

— Могу себе представить, как ее было больно делать.

— Да уж наверное. Но ведь раньше на девушку ни один парень бы не взглянул, если бы у нее не было татуировки.

У костра опять появились девушки. Волосы их распущены по плечам. Раскачиваясь под музыку, девушки с силой откидывают головы назад, потом резко вперед — волосы падают на лицо. Медленные, плавные движения сменяются взрывными, неожиданными.

— «Танец трепещущей сосны», — объясняет Масао жене, еще раз справившись по брошюрке.

Уже было за полночь, когда погас последний костер...

СОШЕДШИЕ С НЕБА

На острове Хоккайдо над рекой Сару высится деревянный столб. В этом месте, по преданию, спустились на землю первые айны, покинув Страну облаков.

Раньше, говорят старики, айнов было куда больше. Весь Хоккайдо был населен ими, да и не только Хоккайдо — все японские острова.

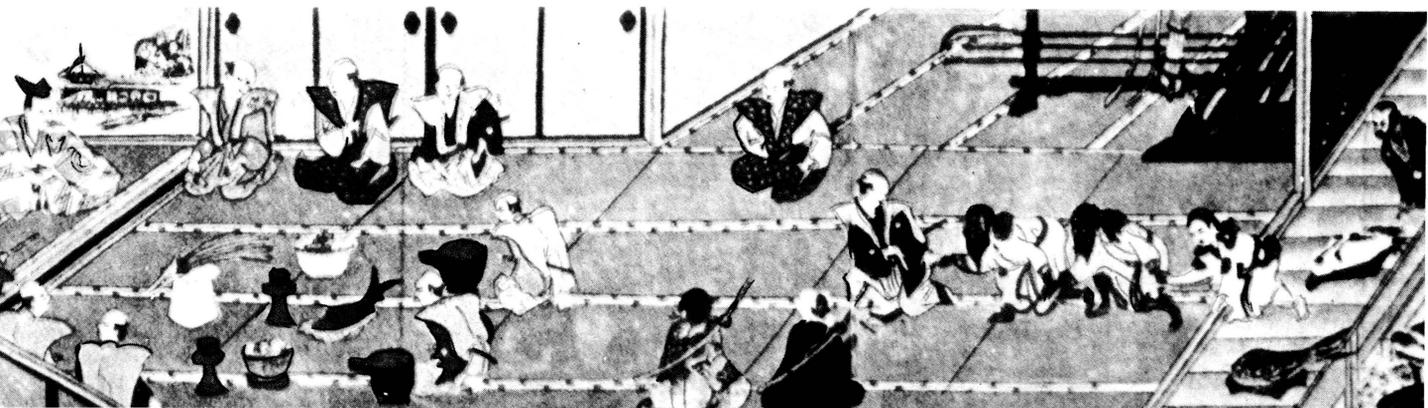
Айны резко отличаются своим обликом от японцев и других народов монголоидной расы, населяющих Восточную Азию. У айнов слегка удлинённые лица с белой матовой кожей, округлые темнокоричневые глаза, нависающие брови, густые волнистые волосы, длинные бороды и усы, обильный волосатый покров на теле.

Нигде, на многие километры от Хоккайдо, нет такого народа, как айны. Несколько похожи на айнов папуасы Новой Гвинеи и аборигены Австралии — такие же волнистые волосы, нависшие брови, густые бороды. Но у папуасов темно-коричневая кожа, а айны не смуглее иного европейца. Да и расстояние между заснеженными холмами Хоккайдо и Австралией слишком велико...

Существует множество теорий и гипотез о происхождении айнов: одни исследователи утверждают, что айны вышли из Азии, другие говорят — что из Северной Америки, третьи — что с Филиппин или Новой Гвинеи.

Японский профессор Ватасэ высказал предположение, что айны родственны южноиндийскому племени тода¹. Среди общих черт есть и такая: ни тода, ни айны не говорят о тех районах, где они живут, как о своей родине. Айны говорят, что они спустились с неба, тогда считают, что они вы-

¹ См. очерк Л. Шапошниковой «Иду к тода» («Вокруг света» № 10 за 1966 год).

шли из подземного царства, держась за хвост буйвола.

Некоторые же ученые считают айнов коренными обитателями Японских островов.

Любая из этих гипотез подкреплена довольно солидными доказательствами. Посудите сами: айны поклонялись медведю, что свойственно многим индейским племенам. К тому же айны подпиливали пойманному зверю зубы, а затем чернили их — обычай этот распространен у некоторых народов Юго-Восточной Азии.

Айны сидят по-турецки, а японцы на пятках. Но у погребальных фигурок — ханива (обязательной принадлежности древней японской могилы) ноги скрещены именно по-турецки.

Загадка айнов усложняется и тем, что их осталось совсем немного — тысяч четырнадцать-шестнадцать. К тому же они сильно смешались с японцами, и лишь около трехсот человек могут претендовать на чисто айновское происхождение.

ПУСТЬ ПОМОЖЕТ АЙНАМ ИНАУ

Ранним утром выходят айны всей деревней — от мала до велика — на берег моря. За ночь прибой оставил на берегу мелких рыбешек, водоросли, морских ежей. Эти скудные дары моря айны складывают в мешки. Морских ежей — оранжевый студень — зачастую съедают тут же, разбив скорлупу камнем.

Клейкие водоросли — ламинарии — режут на куски метра по полтора, потом сушат на рисовых циновках.

...Когда-то море и реки были щедрее к айнам. Двенадцать кораблей, груженных сушеной и вяленой рыбой, — таков был оброк, который айны выплачивали японским купцам, устраивавшим периодические разбойничьи набеги на айновские селения. Это был почти весь улов.

Средневековый оброк айны нынче не платят. Да и нечем теперь его платить...

В центре селения стоит дом «бывшего вождя». Таким несколько странным именем он сам украсил свою визитную карточку. В свое время в Японии, как известно, были отменены титулы, причем отмена распространилась и на айнов. Так что новая карточка — маленькая хитрость «бывшего».

У порога гостя всегда встречает хозяйка: жалобно завывая (в знак почтения к гостю), она опускается на колени, касаясь головой пола.

Вы входите в дом — нормальный, теплый дом под шиферной крышей. И вещи вы поначалу там видите обычные: вот кран и раковина, на которой стоят высокие стаканы с зубными щетками. Вот радио и телевизор. Но над телевизором висит ог-

«Айны, приносящие дань японскому князю» — рисунок XVIII века.

ромная корзина с сушеной рыбой. Посредине комнаты — очаг. Против двери (обязательно против) — окно. Простое с виду, но вовсе не обычное окно — самое почетное место, «вход богов». Очень редко, лишь по особо торжественному случаю, около него могут сидеть хозяин с почетными гостями.

Раньше айны жили в чизеи — шалаше с земляным полом и крышей из коры или тростника. Но по мере того как предки нынешних японцев оттесняли предков айнов все дальше на север, айны стали переселяться в дома — жить в шалаше было просто-напросто холодно.

Несколько высоких шестов с пучками стружек, словно стражи, высятся около айновских поселков. В каждом доме у очага и по углам дома стоят тонкие и длинные палочки. Снизу они гладко оструганы, а сверху нарезаны столь тонкими стружками, что закручиваются, как папиросная бумага. Это — инау.

По представлению айнов, таинственный утес, мрачно нависший над долиной, море — бушующее и затихшее, журчащий ручеек, молния и гром — все это не только живые разумные существа, но и божества — «камуи». Они населяют весь мир. Для того чтобы их умиротворить, приносят жертвы. Когда-то в давние времена жертвы были человеческие, потом их стали заменять выструганными из дерева фигурками. Постепенно предметы, заменяющие жертвоприношения, становились все более абстрактными. Так появились инау — заструганные деревяшки. Правда, и сейчас старые айны, разбирая длинные вьющиеся стружки, могут показать, где находится туловище, голова, руки, ноги. В длинный желобок, прорезанный в палочке, вставляется уголек — это сердце.

В айновской легенде рассказывается, почему айны делают инау из ивы. Как-то один из богов — Котан кара Камуи — спустился на землю, а когда через некоторое время вернулся на небо, обнаружил, что забыл на земле палочки для еды — хаси. Он взглянул на землю и увидел, что они валяются на песке.

— Ай, как нехорошо! Хаси не должны валяться на песке и гнить без дела. Пусть-ка они превратятся в иву.

И хаси — наверное, это было любимое дерево Котан кара Камуи — превратились в иву. С этого времени инау всегда делают из ивы.

Дело это ответственное, и поручается оно самым уважаемым старикам.

Острым ножом старик осторожно снимает кору. Еще надрез. Еще... Легкие стружки начинают завиваться, как струйки дыма. Пахнет терпкой свежестью ивы.

Когда инау было готово, я спросила старика, почему айны делают инау.

Ответил он кратко:

— Инау — посланник айнов, он передает наши просьбы камуи. Один инау к хозяину огня идет, другой к хозяину моря, третий к горному хозяину. Все они айнам помогают.

Я вспомнила, как знаменитый русский ученый Л. Я. Штернберг, изучавший быт сахалинских айнов, описывал свои путешествия на утлых лодках-долбленках по бурному Охотскому морю. В самые критические моменты айны не теряли присутствия духа. Почувствовав опасность, айн-рулевой доставал заранее припасенную палочку и быстро ее застругивал. Потом бросал ее в волны с наказом:

— Иди к хозяину моря и скажи, чтобы он хорошо посмотрел — хорошо ли будет, если мы и этот русский господин погибнем?

— Но почему именно стружки наделяются такой магической силой? — спрашиваю я.

«Бывший вождь» вытягивает из инау длинную стружку. Она словно живая вырывается и закручивается в спираль.

— А как ты думаешь?

Как я думаю? Переплетения колеблющихся легких завитков напоминают мне костер. А огонь и у айнов, и у нивхов, и у народов Европы был посредником между богами и людьми. Своими огненными языками священное и всемогущее пламя толковало богам о людских просьбах. Может, и с инау так же?

Но вслух я говорю:

— Не знаю, объясни.

— У человека один язык, — начинает айн. — Очень много может язык: может петь, кричать. Но людей много и много языков. Подумай сама, как они смогут донести до камуи просьбу айнов.

Инау — не единственный жертвенный предмет у айнов. Кто не видел японских кукол? Смешных и грустных, забавных человечков с печальными глазами. По их виду, костюму, лицам всегда можно определить, в каком месте Японии они родились. Но ведь впервые они появились на Японских островах именно у айнов. У деревянных кокеси была добрая душа: они заботились о здоровье детей айнов; а если ребенок заболел, куклы, сгорая в пламени, жертвовали собой и приносили ему выздоровление. И айны отвечали кокеси такой же добротой: в буквальном смысле молились на них и даже мазали им пищей губы.

ДОРОГА К ДЕРЕВУ ЖЕЛАНИЙ

У разных народов были разные звери-покровители. В лесах Западной Европы — благородный олень. У народностей уссурийской тайги — свирепый тигр. На северном побережье Тихого океана — морской хищник косатка. У множества племен Западной Сибири — величавый орел. Культ медведя был, пожалуй, самым распространенным: в Скандинавии, на всей территории таежной Сибири, на Амуре, в лесах Северной Америки.

Медвежий праздник похож на грандиозное театральное представление, на котором лежит отпечаток истории. С одной стороны, принося в жертву медведя, отправляя его душу к прародителям, айны добивались милости богов и духов. С другой — они оказывали высшие почести медведю, который, по их легендам, был создан богами, чтобы кормить и одевать людей.

Айны не устраивали охоту на медведя, а каждую весну, когда звери просыпаются от спячки, ловили в лесу детеныша. Несколько месяцев медвежонка выкармливали женской грудью. Потом подпиливали ему передние зубы и чернили их углем.

Так проходило два года. Наконец, наступал праздник жертвоприношения — иоманда. Медведя освобождали из клетки, с шутками и плясками водили из дома в дом. По медвежьим стопам, говорили айны, придут потом в каждый дом благополучие и удача. Так, не торопясь, медведь добирался до особой жертвенной площадки, обсаженной молодыми елочками, у которых все ветки, кроме самых верхних, были обрезаны.

— О медведь, — говорил старейшина, — ты так добр к нам, людям! Ты даришь нам свой мех, чтобы мы могли спать на нем и шить из него одежды. Ты даришь нам мясо, чтобы мы были сыты. В твою честь мы устроим сейчас танцы, а потом отправим тебя обратно на твою родину,

на небо. И пошлем множество подарков для твоих собратьев — медведей.

(Тут стоит, наверно, сказать, что обычай обращаться с речью к медведю — живому или мертвому — существовал у всех народов, отправлявших этот культ. Сибирские орочи, убив медведя, обнимали его и говорили: «Пришел — здравствуй — спасибо!» Многие из племен Сибири обращались к живому медведю так: «Ты не сердись, дедушка. Пойдем к нам в гости». Был и такой обычай. Убив медведя, охотники водили вокруг него хоровод, приговаривая: «Не мы тебя убили. Сам умер. Черед приди, указанный богом день подойдет. Плохо не думай и наших детей не трогай».)

Конечно, принесение в жертву медведя — не единственный обряд айнов, который они совершали, чтобы умиротворить грозные силы природы. Их религия являет собой причудливое смешение синтоизма — древней религии японцев, обожествлявших предков с примитивным культом сил природы.

Когда-то в давние времена каждый гость выбирал себе своего особого бога — один мог молиться медведю, другой — орлу, третий — огню. Хозяин дома против такого обилия богов под одной крышей не возражал. Теперь же куда более популярным стал обряд общего моления, которым руководит старейшина — экаси. Вероятно, это связано с тем, что не каждый уже помнит священный текст. Уходят люди — уносят песни, как говорят айны.

Экаси поднимает ладони к небу. Берет чашку с сакэ. Опускает в нее резную деревянную лопатку. Капли сакэ старик стряхивает на самый главный инау — тот, что стоит у очага. Затем, приподняв лопаткой длинные вислые усы, экаси делает глоток и отправляет чашку по кругу. И говорит слова молитвы. Все повторяют...

До сих пор сохранились у айнов и сложные, замысловатые обряды изгнания духов, вызывающих болезни.

В длинной белой рубашке, расшитой красными широкими полосами, в венке, сплетенном из полосок бересты, с укрепленным на лбу изображением медведя, с длинным мечом в руке, экаси внушительен и торжествен. Во главе вереницы людей он идет к дереву. Обходит его, мечом рассекая воздух, тихо и ритмично повторяет слова молитвы. А женщины в это время легонько стегают заболешшего березовыми прутиками.

— И как, помогает? — спрашиваю я.

«Бывший вождь» улыбается:

— Когда как. Не поможет, поедет в город к врачу.

Ну, а если не поможет и врач, айны переселяются в страну усопших.

Считается, что и там потребуется все, что окружает айнов в жизни. В далекие времена, утверждают старые айны, вместе с умершей замужней женщиной сжигали и ее дом — ведь все имущество должно пригодиться в загробном мире. Теперь для сожжения специально строят крошечный дешевенький домик.

В том, другом мире, мире душ, все проще. Гораздо сложнее жить в мире живых. И если айны не в силах дожидаться счастья, они идут к священному дереву, благо оно есть в каждой деревне. К его ветвям айны привязывают маленькие разноцветные лоскутки материи. Это их «желания».

Их не так уж много, этих цветных, трепещущих на ветру лоскутков. Всего триста. Сколько и айнов...

БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ ПРАЗДНОЙ ПОЕЗДКЕ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

И так, мы с Преподобным прибыли, наконец, в Гамильтон, главный город Бермудских островов. Изумительно белый город. Белый как снег. Белый как мрамор. Белый как мука. Впрочем, нет, все это не точно, он выглядит иначе. Но, сказали мы, не беда, как-нибудь найдем постепенно верное слово, дающее представление об этом неповторимом белом цвете.

Это город, теснящийся на склонах и вершинах кучки невысоких холмов. Его края расходятся бах-

ромой и теряются в кедровых лесах. Перед нашими глазами не было ни дуги уходящего вдаль лесистого берега, ни сверкающего зеленью островка на подернутом рябью, красиво окрашенном море, а были волнистые холмы, усеянные яркими белыми точками — наполовину скрытыми среди деревьев домами, проглядывающими сквозь листву. Архитектура города по большей части испанская, унаследованная от колонистов, поселившихся здесь двести пятьдесят лет назад. Кокосовые пальмы с мохнатыми верхушками, виднеющиеся тут и там, придают местности тропический облик.

В этих путевых заметках Марк Твен описывает поездку на Бермудские острова, которую он совершил вместе со своим другом, священником Дж. Твичелом (Твен называет его в тексте Преподобный). Первая часть очерка опубликована в № 9 за 1967 год.

На широкой пристани, сложенной из больших камней, стояли под навесом тысячи бочек с продуктом, который прославил Бермуды во многих странах, — картофелем. А изредка на глаза попадалась лукови-

ца. Но нет, это сказано в шутку: на каждую выращенную здесь картошку приходится не меньше двух луковиц. Лук — гордость и радость Бермуд. Это их жемчужина, прекраснейшая драгоценность. В разговорах, в церковных проповедях, в литературе это самый чистый, самый красноречивый образ. Среди бермудских метафор луковница — выражение совершенства, абсолютного совершенства.

Бермудец, оплакивая умершего и воздавая ему хвалу, говорит: «Он был луковкой!» Бермудец, прославляя живущего героя, сорвет аплодисменты словами: «Он луковка!» Бермудец, давая наставления своему сыну перед вступлением на жизненный путь, заканчивает свои советы, просьбы, увещания словами, выражающими все его желания: «Будь луковкой!»

Мы подошли к пристани и параллельно ей, в десяти-пятнадцати шагах, стали на якорь. Было воскресенье, ясное и солнечное. Люди, собравшиеся на пристани, — мужчины, юноши и мальчики — были белые и черные, почти в одинаковой пропорции. Все аккуратно и чисто одеты, многие хорошо, некоторые очень франтовато. Вам пришлось бы проделать большой путь, чтобы найти другой город, имеющий всего двенадцать тысяч жителей, который показал себя с такой выгодной стороны, если говорить об одежде, да еще на товарной пристани, непреднамеренно, без особых стараний. Женщины и девушки, черные и белые, иногда проходившие мимо, были одеты изящно, многие элегантно и модно. Мужчинам, видимо, не очень нравится летняя одежда, но девушки и женщины любят ее, и было приятно смотреть на их белые платья, мы долгие месяцы привыкли видеть только темные цвета.

У одной бочки с картошкой, лежавшей в стороне, стояло четверо хорошо одетых молодых людей, двое черных и двое белых. Каждый прижимал к зубам рукоятку тросточки, и каждый поставил ногу на бочку. Подошел еще один молодой джентльмен, с затаенной тоской посмотрел на бочку, но не нашел места для своей ноги и отошел в задумчивости искать другую. Он долго блуждал по пристани, поворачивая туда и сюда, но тщетно. Здесь никто, подобно праздным людям в других странах, не садился на бочки, но все они были заняты. Всякий ставил на бочку ногу, если находил свободное местечко, которым еще не успели завладеть. Привычки всех людей зависят от окружающей обстановки. На Бермудах опираются на бочки из-за недостатка фанерных столбов.

Многие местные жители поднимались на пароход и о чем-то жадно расспрашивали командиров. Они хотят, подумал я, узнать новости с фронта русско-турецкой войны. Прислушавшись, я понял, однако, что это не так. «Почем лук? — добивались они. — Как держится спрос на лук?» Конечно, это их интересовало прежде всего. Но, узнав, что нужно, они сразу переходили к войне.

Мы сошли на берег, и нас ждала там приятная неожиданность: ни на пристани, ни около нее не было ни носильщиков, ни извозчиков, ни омнибусов, никто не предлагал нам свои услуги, никто и ничем нам не досаждал.

— Все равно как в раю, — сказал я.

— Что ж, если так, наслаждайтесь этим раем, — довольно кисло и едко посоветовал мне Преподобный.

Мы знали адрес одного пансиона и нуждались только в одном — чтобы кто-нибудь показал нам дорогу. Мимо проходил босоногий цветной мальчишка, такой оборванный, что можно было сразу ска-

зать: он не бермудец. Его штаны были восхитительно изукрашены сзади разноцветными квадратами и треугольниками, ну совсем как страница из географического атласа! Он сверкал под лучами солнца и мог быть отличным проводником. Мы его наняли и двинулись следом за ним. Он провел нас по нескольким живописным улицам и благополучно доставил по принадлежности. Он ничего не взял за свою карту и назначил ничтожную плату за услуги. Преподобный дал ему вдвое больше. Мальчонка получил деньги с сияющими от радости глазами, в которых можно было ясно прочесть: «Этот человек — луковка!»

Мы не захватили с собой рекомендательных писем; наши фамилии в списке пассажиров были искажены; никто не знал, честные мы люди или нет. Поэтому мы думали, что нам придется долго ждать, если только в нашем облике нет ничего такого, что заставило бы сразу захлопнуть перед нами двери пансиона. Но все обошлось без осложнений. На Бермудах редко сталкивались с мошенниками, там не подозрительны. Мы получили большие, прохладные, светлые комнаты на втором этаже, за окнами открывалась красочная картина множества цветов и цветущих кустарников — там были лилии, гелиотропы, жасмин, розы, гвоздики, герань, олеандры, гранатовые деревья, большие синие ипомеи и много неизвестных мне растений.

Днем мы предприняли большую прогулку и вскоре убедились, что этот необычайно белый город построен из белого коралла. Бермуды — коралловые острова, покрытые шестидюймовой корочкой почвы, и здесь у каждого жителя около дома есть свой карьер. Всюду, куда бы вы ни пошли, вы увидите вырезанные в склонах холмов квадратные выемки с перпендикулярными стенками, на которых нет ни единой трещинки или щелки, и вам может показаться, что дом вырос в земле и его сразу целиком вынули из грунта. Если вы так подумаете, то ошибетесь. Но материал для постройки дома добыли тут же, на месте. Кораллы прорезают на любую нужную глубину — десять или двадцать футов — и вынимают большие квадратные блоки. Коралловый массив режут долотом, насаженным на ручку длиной футов двенадцать или пятнадцать. Этим орудием пользуются как ломом, когда долбят дыру, или как долотом при ударном бурении, настолько мягок этот камень. Потом обычной ручной пилой блоки распиливают на большие красивые брусья в два фута длиной и фут шириной, а толщиной примерно шесть дюймов. Их сваливают в кучу, они вылежатся месяц, твердеют, и тогда начинается стройка.

Дом строят из этих брусьев, его кроют широкими коралловыми плитами дюймовой толщины, накладывая их краями одна на другую, так что крыша состоит как бы из ряда низких ступенек или террас. Печные трубы сложены из коралловых плит, им придают с помощью пилы изящные и живописные формы. Нижняя веранда выложена коралловыми плитами, дорожка к воротам тоже. Ограда сложена из коралловых брусьев: сначала строят массивные стены с широкими козырьками и тяжелыми столбами для ворот, а потом всю ограду обрабатывают пилой, придают ей легкие очертания, красивую форму. Наконец, покрывают плотным слоем извести ограду и весь дом с его крышей, печными трубами и т. д. Встает солнце, освещает все это, и тут вам лучше закрыть свои непривыкшие глаза, как бы не заболели. Это белейший из белых цветов, какой только можно себе представить, и самый ослепительный. Бермудский дом не оставляет у вас впечатления,

что он построен из мрамора, его белизна гораздо ярче, в нем есть еще что-то тонкое, невыразимое, что отличает его от мраморного. Мы много об этом говорили и долго думали, пытаясь найти сравнение, которое передало бы неповторимый белый цвет бермудского дома, и нам удалось в конце концов натолкнуться на него. Он точно белая сахарная глазурь на торте, у него такой же едва заметный глянец. Белый цвет мрамора скромный и спокойный по сравнению с ним.

Когда дом покрыт твердой оболочкой извести, на нем нельзя заметить, начиная с фундамента до вершины трубы, ни одной трещины, никаких швов или следов каменной кладки. Как будто он высечен из цельной глыбы, а двери и окна пропилены потом. Белый мраморный дом кажется холодным, как могила, отчужденным, в нем человек чувствует себя подавленным, слова застревают в горле. Бермудский дом не такой. Есть что-то веселое, даже буйно веселое, в его яркой белизне, когда на нем играет солнце. Если дом живописен, если его линии красивы, — а многие бермудские здания таковы, — он очарует вас, вы от него не оторветесь, пока выдержат глаза. Резко очерченная, как бы нереальная печная труба — слишком чистая и белая для нашего мира, — ярко освещенная с одной стороны солнцем, а с другой подернутая мягкой тенью, пленяет ваш взор, вы можете любоваться ею часами. Я не знаю другой страны, где можно наслаждаться, глядя на печную трубу. А как приятно видеть белоснежный домик, если он наполовину спрятался в зелени, едва выглядывает из листвы. Если же он захватит вас врасплох, если неожиданно покажется за крутым поворотом сельской дороги, я уверен, вы вскрикнете от восторга.

Куда бы вы ни пошли, в городе или деревне, всюду вы находите эти белоснежные дома, и всегда вокруг них масса ярких цветов, но на стенах не видно ползучих растений, лоза не может удержаться на гладком, твердом слое извести. Где бы вы ни шли: в городе или по сельским дорогам, среди маленьких ферм с их картофельными полями или богатых поместий, — эти чистые белые дома, просвечивающие сквозь цветы и листву, встречаются вам за каждым поворотом. Самая маленькая лачужка такая же белая и свежая, как самый пышный особняк. Нигде нет грязи и вони, луж и барахтающихся в них свиней, запущенности, неопрятности, беспорядка. Чистота и аккуратность видны во всем, что падает на глаза, будь то дороги, улицы, дома, люди, одежда. Эта страна опрятнее всех в мире. И намного опрятнее!

В связи с этим у нас возник вопрос: где же живут бедняки? Никакого ответа мы не нашли и решили — пусть будущие государственные деятели бьются над этой головоломкой.

Каким ярким и необычайным зрелищем явился бы один из этих сверкающих белых загородных особняков с его коричневыми оконными наличниками и зелеными ставнями, облием ласкающих глаз цветов и листвы, в почерневшем от копоти Лондоне! И какой радостной неожиданностью явился бы он почти в любом американском городе!

Чтобы проложить дорогу, на Бермудах срезают твердый белый коралл на несколько дюймов — или, если на пути холм, на много футов, — и выравнивают поверхность. Это простой и легкий способ. Коралл крупнозернистый и пористый; дорога как бы сделана из твердого белого сахара. Ее исключительная чистота и белизна неудобны в одном отношении: отраженные ею солнечные лучи с такой силой бьют

в глаза, что постоянно хочется чихать. Старый капитан Том Боулинг столкнулся с другой трудностью. Выйдя вместе с нами на прогулку, он все время бред по обочине. В конце концов он объяснил нам, в чем дело. Он сказал: «Знаете, я жую табак, а тут на дорогах такая дьявольская чистота...»

Мы прошли в этот день несколько миль, ошеломленные ярким сиянием солнца, белых дорог и белых зданий. Наши глаза причиняли нам немалые муки. Но вот мы с облегчением почувствовали, как вокруг нас распространил свою целебную прохладу блаженный полумрак. В радостном изумлении мы подняли глаза и увидели, что он исходит от проходящего мимо очень черного негра. Он приветствовал нас по-военному, и мы ответили ему в приятном сумраке, создаваемом его близостью, а потом опять оказались во власти беспощадно яркого белого света.

Цветные женщины, которых мы встречали, обычно кланялись нам и здоровались. Дети тоже. Цветные мужчины отдавали честь по-военному. Несомненно, они переняли эту манеру у солдат. Англия держала здесь гарнизон на протяжении жизни многих поколений. Привычка молодых людей носить маленькие палочки тоже заимствована, я думаю, у солдат, которые всегда носят дубинки как на Бермудах, так и во всех других обширных британских доминионах.

Сельские дороги вьются самым восхитительным образом, поворачивают туда и сюда, открывая за каждым поворотом приятные неожиданности: волнистые массы олеандров плывут издалека, подобно грядам розовых облаков в лучах заходящего солнца; внезапно вы попадаете в самую гущу жизни и труда, вас окружают домики и сады, а потом так же внезапно погружаетесь в сумерки и тишину лесов; на минутку в небе вырисовываются очертания белых крепостей и маяков на вершинах далеких холмов; зеленое сверкающее море показывается на мгновение и снова исчезает; опять безлюдные леса; и вскоре за новым поворотом дороги неожиданно открывается вид на море между островами с мягкими красками отмелей, блуждающими парусами.

Выбирайте любую дорогу, и будьте уверены, вы не пройдете по ней даже полмили. На вашей дороге есть все, чего можно ждать от дороги: она обсажена деревьями и неизвестными вам растениями и цветами; она тенистая и приятная или солнечная и все же приятная; она ведет вас мимо прелестных, мирных и уютных домиков или через леса, которые иногда стоят в мертвой тишине, а иногда оживлены птичьим концертом; дорога все время вьется, постоянно обещает что-то впереди, не то что прямая дорога, которая показывает все с первого взгляда и этим убивает всякий к себе интерес. На вашей дороге все это есть, а все-таки вы не останетесь на ней даже полмили, потому что от нее всегда отворачиваются по обе стороны маленькие соблазнительные и таинственные дороги, а поскольку они тоже извиваются и прячут то, что кроется дальше, вы не можете устоять перед соблазном покинуть выбранную дорогу и обследовать их. И обычно вас ждет награда. Поэтому ваш путь в глубь острова всегда извилистый, запутанный, вы блуждаете без всякой цели, и это самое интересное, что можно себе представить. Дорога достаточно разнообразна. То вы идете по открытой равнине, где по одну сторону болота с густыми зарослями камыша вышиной в десять футов, а по другую — огороды, засаженные картофелем и луком. То поднимаетесь на вершину

на стр. 52 ►

Практически все явления, видимые невооруженным глазом в окружающей нас природе, уже не загадка. Дождь? Известно, почему он идет. Сверкнувший в ночном небе метеорит! Известно, почему он падает. Заря, град, мираж, иней, туман, огни святого Эльма! Понятно, понятно, понятно, — если не в деталях, то в общих чертах. Все явления, видимые на Земле простым глазом, понятны. Все, кроме...

СТРАННОСТИ ОГНЕННОГО ГОСТЯ

Троза загнала семерых человек внутрь дачи. Сверкали обычные молнии, гремел обычный гром, как вдруг в комнату влетел огненный шар размером с тарелку. Все обмерли. Шар, словно выбирая направление, заколебался; потом, как бы притянутый магнитом, устремился к девушке. Он коснулся ее ног, отпрянул, всплыл к потолку... Девушка упала на колени. Шар снова прикос-

нулся к девушке, всплыл, опять снизился... «Каждый раз у меня по ногам пробегали легкие судороги», — рассказывала впоследствии девушка. Внезапно шар пересек комнату и исчез, уйдя в замочную скважину...

Девушка, свидетельствует далее документ, попыталась встать, но не смогла. Две недели после этого она передвигалась лишь с посторонней помощью.

Из тех, кто находился с ней в комнате, никто больше не пострадал. Встреча с незагаданным феноменом природы — шаровой молнией — лишь заставила их пережить испуг.

БЕЗЗВУЧНАЯ МОЛНИЯ

Вопреки распространенному мнению шаровая молния отнюдь не редкое явление. Ежегодно на земном шаре бушует около 16 миллионов гроз. Подсчитано также, что на каждую тысячу разрядов обычной, линейной молнии приходится две-три шаровые. Следовательно, каждый год на земном шаре возникают по крайней мере сотни тысяч шаровых молний. Но в отличие от линейной молнии, которая отмечает свой «выход» громовым разрядом, шаровая молния появляется весьма скромно.

Иногда ее рождение сопровождается небольшим треском, иногда происходит совершенно бесшумно. Обычно ее замечают только лишь в непосредственной близости от себя. Вот почему встречи с «электрическим огненным клубком» редки и неожиданны.

Существует всего несколько достоверных фотографий этой молнии, как правило, случайно попавшей в кадр.

Когда ночью в августе 1957 года фотограф, снимавший обычную молнию, случайно сфотографировал шаровую, он был очень удивлен. Фотоаппарат при съемке был направлен в ту сторону неба, где время от времени сверкали линейные грозовые разряды. Он оставался с открытым затвором три-четыре минуты, до первой яркой вспышки. Однако на снимке обнаружили плавные белые линии, похожие на царапины, выписывающие замысловатые траектории. Родившись возле фермы строительного крана, шаровая молния описала плавную кривую на фоне строящегося дома, а затем, поднявшись на высоту четвертого этажа жилого дома, ткнулась в окно. В этом месте на снимке видна вспышка света. Столкновение молнии с переплетом окна не привело к серьезным повреждениям. Однако дерево рамы обуглилось и на оконном стекле появились радиальные полосы копоти.

Подобных снимков всего несколько... Вот почему при исследовании шаровой молнии ученым пришлось позаниматься опытом криминалистов. В криминалистике существует особый прием, называемый «словесным портретом». При отсутствии фотоснимков преступника его портрет, необходимый для розыска, составляют со слов очевидцев. Повторяющиеся в этих рассказах черты и ложатся в основу портрета. Точно так же пришлось поступить и с шаровой молнией.

МАСКИ СПАДАЮТ

Составление ее «словесного портрета» началось более ста лет назад. Первую сводку наблюдений «огненных шаров из грозовых туч» дал еще в 1838 году известный французский астроном и физик Франсуа Араго. «В Дижоне, — свидетельствовало одно из приведенных им сообщений, — аббат Ришар увидел в церкви довольно яркое красное пламя, державшееся в воздухе в трех футах от цер-

ковного помоста. Это пламя поднялось потом на высоту 15 футов и увеличилось в размерах. Затем последовал грохот, подобный выстрелу из пушки...»

Как же выглядит «словесный портрет» шаровой молнии в наши дни? Все свидетели сходятся прежде всего на том, что шаровая молния неуловима, своеобразна и разнообразна. Наблюдалась молнии величиной с горошину; однако на большой высоте, случалось, проплывали молнии диаметром в десятки метров... Но чаще шаровая молния имеет размеры апельсина. И не всегда она шаровидная! Встречались экземпляры грушевидной, яйцеобразной, миндалевидной формы.

Для описания окраски шаровой молнии потребовались все цвета радуги. Порой она бывает ослепительно белой, порой голубоватой, зеленоватой, желтой, ярко-красной или тускло-красной, как гаснущий уголь. Иногда ее свечение пульсирует, она искрится и трещит, оставляя за собой шлейф золотых и серебряных искр. Бывает, она выбрасывает снопы света, точно бенгальский фейерверк, а затем застывает, окруженная лиловым или сиреневым сиянием.

Но чаще всего — примерно в половине случаев — шаровая молния красного цвета. Реже всего возникают зеленые молнии или молнии смешанной окраски. Однажды наблюдалась даже черная молния! Она появилась в сентябре 1877 года в кухне одного дома. Это был черный шар, «словно из плотного дыма», диаметром в 25—30 сантиметров.

Свою окраску шаровые молнии меняют не часто, и то лишь, как правило, после так называемого «промежуточного взрыва». Так, однажды вначале желто-огненный, шар после взрыва стал красно-голубым.

Молнии, хотя и редко, могут соединяться или, наоборот, делиться. Соединяются они друг с другом примерно так, как сливаются капли жира в тарелке супа.

Статистика появления шаровой молнии в разное время суток показала, что она возникает в основном как следствие грозы, но предпочтительней во второй половине дня.

А все без грозы она может появиться? Как ни странно, может. Наблюдения, проведенные однажды в Средней Европе, дали вот какой результат: весной шаровая молния возникала 27 раз, летом — 91, осенью — 15, а зимой... 12 раз. Но ведь бывают и зимние грозы? Да, но статистика показала, что шаровая молния не всегда связана с ними по времени появления.

ПОВЕДЕНИЕ БЕЗ ПРАВИЛ

Шаровая молния может парить на одном месте, а может перемещаться со скоростью в сотни и тысячи километров в час по ветру и против ветра. Она способна «уклоняться» от раскрытых форточек и окон, а бывает, наоборот, проникает в замочные скважины, дымоходы, проскальзывает по проводам. Но не брезгает она и более крупными отверстиями, ведущими в закрытые помещения.

...Самолет стоял на взлетной площадке. Внезапно в пилотскую кабину вошла шаровая молния диаметром в 10—12 сантиметров. Из кабины она плавно проплыла в салон, не причинив вреда пассажирам. Взорвалась она в хвосте, произведя значительные разрушения.

Однако не всегда появление шаровой молнии столь безобидно. В 1901 году, сообщают газеты того времени, в Уральске во время грозы ослепительный огненный шар медленно опустился к земле и коснулся девушки, стоявшей на пороге дома. Тотчас она упала на землю. Девушка казалась уснувшей. В действительности она была мертва. Молния повредила ей затылок, спину, левое бедро, оставив черный след.

Наблюдения летчиков добавили к «словесному портрету» шаровой молнии еще несколько существенных деталей. Прежде всего обнаружилось, что на большой высоте существуют молнии гораздо более крупные, чем у земной поверхности. Кроме того, скорость полета, как оказалось, вовсе не избавляет самолет от визита «огненной гостьи».

...12 декабря 1956 года, в 12 часов 55 минут по местному времени, в 90 километрах от города Комсомольска в транспортный самолет ЛИ-2 попала шаровая молния. Самолет летел на высоте 3000 метров в сплошной облачности. По курсу самолета появился огненный шар диаметром 25—30 сантиметров мутно-красного цвета. В полуметре от носа самолета молния свернула в сторону и начала огибать фонарь летчика. Встретив лопасть левого винта, огненный шар взорвался: вдоль левой части фюзеляжа прошла огненная полоса. Взрыв сопровождался ослепительной белой вспышкой. Звук был настолько громким, что заглушил шум моторов. Самолет резко подбросило вверх. При посадке обнаружилось повреждение лопасти левого винта...

Однажды столкновение с самолетом произошло во время снегопада. Удар шаровой молнии оставил большую вмятину на фюзеляже, прожег обшивку и оплавил кромку руля поворота.

Остается добавить еще вот что: время жизни шаровой молнии — это очень важное обстоятельство! — укладывается в промежуток от нескольких мгновений до нескольких минут.

КЛАДБИЩЕ ГИПОТЕЗ

Энергию шаровой молнии прямо измерить еще никому не удалось. О ее концентрации приходится судить по косвенным признакам. Скажем, по таким: во время сильного ливня молния, взорвавшись, бисером рассыпалась по мокрой соломенной крыше. И крыша тотчас запылала под ливнем!

Вот по подобным разрушительным результатам действия шаровой молнии и судят об энергии, заключенной в ней.

Но выводы... Можно насчитать около пятидесяти гипотез, которые пытались или пытаются объяснить природу шаровой молнии. «Ее наполняет гремучий газ», — считали одни. Другие предполагали, что это клубок наэлектризованных газов — своеобразная газовая лейденская банка. Но нет: ни взрывчатые смеси, ни наэлектризованный газ, заключенный в объеме шаровой молнии, не способны вызвать те разрушения, которые производит взрыв шаровой молнии. Кроме того, такие образования, по всем расчетам, не должны существовать столько времени, сколько существует огненный шар.

Не так давно шаровую молнию попробовали представить в виде сгустка высокоионизированного газа — плазменного газа, в котором электроны сорваны со своих орбит. Такой сгусток обладает максимально возможной концентрацией химиче-

ской энергии. Но... Вот об это «но» и разбилась гипотеза. Ионизированное сгущение газа без подвода энергии должно сразу же начинать тускнеть — высветиваться. Так, например, ионизированное облако, возникающее после ядерного взрыва, высветивается самое большее за десяток секунд. Газовый же пузырь в размере шаровой молнии должен был потухнуть в доли секунды. А шаровая молния, случается, вовсе и не думает потухать в течение минут.

Это непреодолимое для подобных гипотез обстоятельство побудило академика П. Л. Капицу предположить, что шаровая молния непрерывно получает энергию извне за счет определенных электромагнитных колебаний, рождаемых грозами. Эта гипотеза могла бы стать разгадкой феномена, если бы... если бы исследования обнаружили во время гроз ожидаемые электромагнитные колебания. Но они их не обнаружили.

В последние годы все чаще появлялись сообщения, что в лабораториях наконец-то удалось получить искусственную шаровую молнию и что вроде бы удалось овладеть тайной огненного гостя. Надежду породило одно наблюдение: оказалось, что в фокусе параболических зеркал мощных радиолокаторов вдруг образуется пульсирующий огненный комочек! Подобные сгустки плазмы сходным путем удалось получить и в лаборатории. Увы, эти сгустки плазмы разительно отличались от шаровой молнии. Они оказались нестойкими, короткоживущими; они распались тотчас при удалении от фокуса радиолокатора.

Но эти эксперименты недавно вызвали к жизни гипотезу, которая пытается связать воедино два загадочных явления: шаровую молнию и так называемые неопознанные летающие объекты — НЛО (см. «Вокруг света» № 1 за 1968 год). Гипотеза утверждала, что НЛО — это либо сама шаровая молния, либо плазменные образования, ей подобные. Смелое предположение, если учесть, что истинная природа шаровой молнии для нас все еще тайна, а искусственные шаровые молнии столь не похожи на естественные. Как остроумно заметил один ученый, «объяснить шаровую молнию посредством НЛО все равно что меньшее незнание прикрывать большим».

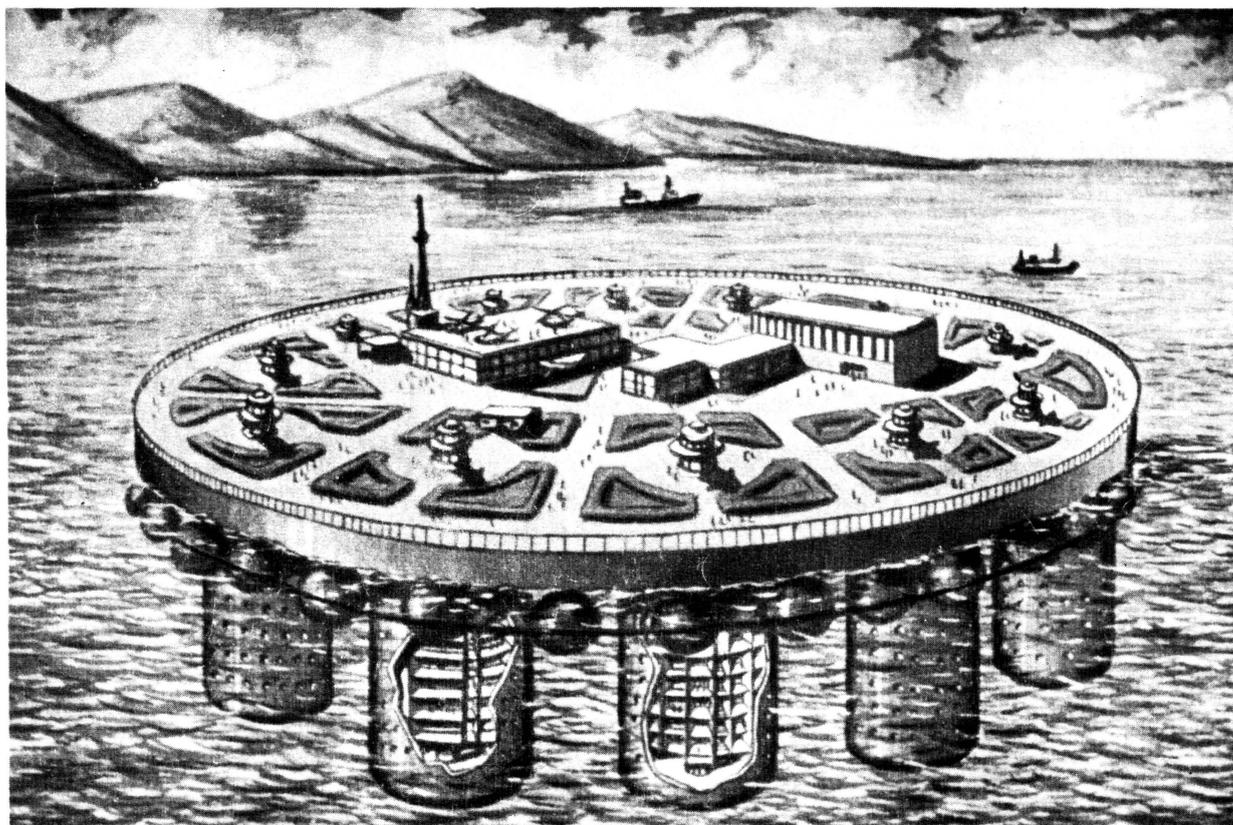
БЫТЬ МОЖЕТ...

А между тем интерес к шаровым молниям был и остается не праздным. Что, если изучение шаровой молнии подскажет новый путь к овладению тайной управляемой термоядерной реакции? Ведь там многое упирается в создание устойчивой высокотемпературной плазмы. А шаровая молния (если только это высокотемпературная плазма) как раз и обладает известной устойчивостью.

Но не исключено, что на самом деле шаровая молния еще более интересный феномен. Не исключено, что перед нами совершенно новые возможности концентрации или передачи энергии, овладение которыми сулит переворот в технике.

Так или иначе, но в окружающей нас природе, на виду у всех существует загадка, которую более чем столетние исследования разгадать пока не смогли. Надо надеяться, что новейшие исследования помогут узнать, что же скрывается за огненным плащом этого странного гостя из мира тайн.

С. ХАБАРОВ,
кандидат технических наук

ОСТРОВ, СТОЯЩИЙ НА ЯКОРЯХ, изображенный на этой фотографии, — один из проектов плавающих городов, которые сейчас разрабатываются учеными и инженерами многих стран. По мнению японских конструкторов, авторов этого проекта, реализация идеи плавающего города, в котором будет все, что необходимо для автономного от материка существования сотен людей в течение многих месяцев, создаст наилучшие условия для разработки полезных ископаемых морского дна.

Загадки Проекты Открытия

ВОЛЧИЦА С КАПИТОЛИЙСКОГО ХОЛМА ВО ДВОРЦЕ БУНДЖИГАТЫ. Эта фреска, с удивительной точностью воспроизводящая легенду о Ромуле и Реме — основателях Рима, вскормленных дикой волчицей, — найдена в прошлом году... в Таджикистане, во время раскопок царского дворца в древней столице государства Устухана — Бунджигаты.

Это изображение не имеет никаких аналогий во всем среднеазиатском искусстве того времени. И пока еще нельзя ответить на вопросы: что же заставило устуханского правителя украсить свой дворец фреской, сюжет которой родился за тысячи километров от Таджикистана? Кто автор фрески — местный ли художник или приглашенный из Италии живописец?

▼ со стр. 47

холма: кругом простирается океан, усеянный островами. Но вот дорога поворачивает в глубокую выемку, зажата между отвесными стенами в тридцать или сорок футов, которые покрыты причудливыми, разорванными линиями — следами внезапных и непонятных смещений пластов в древние времена, — а кое-где украшены цветком, дерзко цепляющимся за камни, или висящей лозой. А скоро вы идете уже над морем, можете смотреть на сажень или две сквозь прозрачную воду, где иногда что-то блеснет в глубине, подобно алмазу, можете следить за игрой света под водой на скалах и песке, пока вам это не наскучит, если вы так устроены, что это может вам наскучить.

Вы можете спокойно и безмятежно ходить по сельским дорогам, бродить среди полей и ферм, — нигде из-под ворот не выскочит собака, не кинется на вас с захватывающим дух свирепым лаем, хотя вы находитесь в христианской и цивилизованной стране. Мы видели на Бермудах свыше миллиона кошек, но что касается собак, то их заводят с большой неохотой. За два или три вечера мы исходили вдоль и поперек окрестности города, и ни разу к нам не прицепилась собака. Быть в такой стране — истинное наслаждение. Кошки нам не досаждали, если были равномерно распределены, но когда сбивались в кучу, то мешали езде.

К вечеру в это воскресенье мы остановились на окраине города у одного домика, чтобы напиться воды. Хозяин, мужчина средних лет, с симпатичным лицом, предложил нам присесть и отдохнуть. Его жена принесла стулья, и мы расположились у входа в тени деревьев. Мистер Смит — его фамилия была другая, но назовем его так — расспрашивал нас о нашей стране и нас самих. Мы отвечали ему в общем правдиво и, в свою очередь, задавали вопросы. Была простая, приятная, дружелюбная обстановка. И сельская: рядом с нами на площадке, считавшейся, видимо, травянистой, были привязаны за ноги свинья, маленький ослик и курица.

Немного погодя мимо нас прошла какая-то женщина, которая держалась очень холодно и не обмолвилась с нами ни словом, но тем не менее дала новое направление нашему разговору.

— Вы заметили, она даже не взглянула на нас, — сказал Смит. — А ведь она наша ближайшая соседка вот с этой стороны. Там рядом живет еще одна семья. Сейчас у всех у нас отношения холодные, мы не разговариваем. А знаете, наши три семьи, одно поколение за другим, жили здесь рядом целых полтора десятка лет и дружили так, что водой не разольешь. С год назад все изменилось.

— Боже мой, какое же страшное происшествие могло сломить такую давнюю дружбу?

— Да, скверное дело, но ничего не поделаешь. А случилось это так. С год назад или больше у меня на участке развелось множество крыс, и я поставил на заднем дворе железный капкан. Оба моих

соседа — страшные кошатники, и я предупредил их насчет капкана, потому что их кошки водили здесь компанию по ночам и могли попасть в беду против моей воли. Ну, значит, некоторое время они запирали своих кошек, да знаете, как бывает с людьми, начали забывать, и вот однажды ночью лучший кот миссис Джонс напоролся на капкан, и тот прикончил его. Утром миссис Джонс приходит сюда сдохлым котом на руках, уж она и плачет и горюет, точно это ее ребенок. Кот этот, звали его Йелвертон — Гектор Дж. Йелвертон, — был этаким неугомонный старый распутник, ничуть не порядочнее бродяги индейца, хотя миссис Джонс никак этому не соглашалась поверить. Я говорил ей все, что человек может сказать в утешение, но нет, она ничего и слышать не хотела — заплати ей, да и только! Наконец я ей сказал, что найду лучший способ поместить деньги, чем скупать дохлых кошек, и тут она взорвалась, повернулась и вышла вон со своей дохлятиной. На этом и прервались у нас всякие отношения с Джонсами. Миссис Джонс перешла в другую церковь и всю семью перетянула. Не хочу, говорит, водиться с убийцами. Ну, а вскоре настала очередь миссис Браун, той самой, что прошла здесь минуту назад. У нее был омерзительный старый желтый кот, и она так им дорожила, будто он ей родной брат. Так вот, этот самый кот однажды ночью примерил к своей шее капкан, и тот подошел ему настолько хорошо, таким оказался удобным, что кот улегся, свернулся калачиком и уже с ним не расставался. Таков был конец сэра Джона Болдуина.

— Так звали кота?

— Да. Здесь у кошек бывают клички, которые вас удивят. Мария, — обратился Смит к жене, —

как звали ту кошку, что сожрала по ошибке у Хупера банку крысиного яда, побежала домой, и тут ее ударила молния, она ошаледа, свалилась в колодец и чуть не утонула, прежде чем ее вытащили?

— Это была кошка негритянского дьякона Джексона. Я помню только конец ее клички: Держитесь Крепче - Иду-На - Выручку - Джексон.

— Что ты, это другая. Это та, что съела коробку зейдлицкого порошка, а потом умудрилась напиться воды. Она подохла, и это считали большой потерей, но я никогда с этим не соглашался. Ну, хорошо, оставим клички. Так, значит, миссис Браун сначала хотела вести себя разумно, да только миссис Джонс не позволила. Подговаривала ее обратиться в суд, добиваться возмещения убытков. Та послушалась да еще набралась наглости потребовать семь шиллингов семь пенсов. Что тут началось! Все соседи собрались в суде. Разгорелись страсти, на триста ярдов кругом все пе-

рессорились, а ведь дружили много поколений.

Так вот, я доказал, выставив одиннадцать свидетелей, что кошка эта была самого низкого и подлого нрава и что стоит она никак не больше погашенной почтовой марки, если взять здешнюю среднюю цену кошек. Но я проиграл дело. Да и на что я мог надеяться? Вся система здесь прогнила, нам не миновать революции и кровопролития. Понимаете, судье дают скудное, нищенское жалование, хоть с голоду помирай, а потом спускают с цепи на публику, пусть выколачивает всякие судебные издержки и сборы и живет на них. Ясно, что из этого получается. Судья никогда не смотрит, на чьей стороне право, — никогда! Его интересует только одно — у какого клиента есть деньги. Так этот судья взвалил сборы, издержки и все остальное на меня. Потому что я мог заплатить звонкой монетой, понимаете? А он прекрасно знал, что если возложит ответственность на миссис Браун, как и следовало, то получит свою добычу в местной валюте.

— Валюте? Как, разве на Бермудах есть своя валюта?

— Да, есть — это лук. А цена на него упала тогда на сорок процентов, сезон уже три месяца как миновал. Значит, я проиграл дело. Пришлось уплатить за кошку. Да это что, хуже другого — сколько у всех из-за этого дела неприятностей! Порвано столько добрых отношений. Соседи друг с другом не говорят. Миссис Браун, когда у нее недавно родился ребенок, дала ему мое имя. Теперь она сразу решила его переменить. Она баптистка. И надо же, ребенок утонул, когда его второй раз крестили. А я еще надеялся, авось когда-нибудь мы опять подружимся. Теперь уж, конеч-

но, этот потонувший ребенок раз и навсегда покончил с подобными надеждами. Сколько горя и неприятностей можно было избежать, если бы она крестила его сухим!

Я видел, что он говорит правдиво и искренне. Какие волнения, как подорвана вера в справедливость суда — и все из-за семи шиллингов в уплату за кошку! Это помогало как-то оценить здешние масштабы.

В этот момент мы увидели, что над домом в сотне ярдов от нас подняли приспущенный британский флаг. «Кто же умер, какой важной персоне воздаются такие почести?» — подумали мы. Нас сразу пронзила одна мысль: «Губернатора нет на острове, он уехал в Англию. Значит, умер британский адмирал».

Тут мистер Смит тоже заметил флаг. Он сказал возбужденно:

— Это над меблированными комнатами. Наверное, умер постоялец.

Кругом подняли еще с десяток флагов.

— Да, наверняка постоялец, — сказал Смит.

— Но разве здесь будут вывешивать приспущенные флаги из-за постояльца, мистер Смит?

— Конечно, будут, если он умер.

Это опять позволяло оценить здешние масштабы.

Ранние вечерние сумерки в воскресный день — очаровательное время в Гамильтоне на Бермудах. Здесь вполне достаточно мягкого бриза, благоухания цветов и покоя, чтобы человек вознесся мыслями к небу, и вполне достаточно дилетантской игры на пианино, чтобы он все время помнил о другом месте. В Гамильтоне есть много почтенных пианино, и все они играют, когда наступают сумерки. Возраст увеличивает и обогащает силы некоторых музыкальных инструментов, особенно скрипки, но, видимо, отвратительно влияет на пианино. Здесь увлекаются сейчас той же музыкой, какую эти пианино лепетали в младенчестве. Трогательно слышать, как они повторяют ее теперь, в дни своей астматической второй молодости, пропуская иногда ноту там, где выпал зуб.

Мы присутствовали на вечерней службе в величественной епископальной церкви, стоящей на холме, где собралось сотен пять или шесть людей, белые и черные пополам, согласно обычной бермудской пропорции, и все хорошо одетые, — тоже обычная вещь на Бермудах, ничего другого мы и не ждали. Была хорошая музыка, которую мы слушали, и проповедь тоже, несомненно, была хорошая, но в церкви стоял удивительно густой кашель, до нас доносились лишь призывы на самых высоких нотах. Когда после службы мы выходили из церкви, я случайно услышал, как одна девушка говорила другой:

— Неужели ты платишь пошлину за перчатки и кружева? Я оплачиваю только почтовую марку. Мне их посылают в бостонском «Адвертайзере».

Некоторые считают, что труднее всего на свете было бы создать женщину, способную понять, что нехорошо заниматься контрабандой. И абсолютно невозможно создать женщину, которая, понимает ли она это или нет, отказалась бы обойти таможеню при первом удобном случае. Может быть, такое мнение ошибочно.

Мы вышли из города и скоро оказались на темной пустынной дороге, над которой нависли густые ветви двойного ряда высоких кедров. Не было слышно ни звука, стояла полная тишина. И была такая темь, что нельзя было различить ничего,

кроме смутных очертаний. Мы шли все дальше по этому туннелю, скрашивая путь беседой.

Наш разговор мало-помалу принял такое направление: как незаметно характер народа и его властей оказывает влияние на чужестранца, создает у него чувство безопасности или страха, хотя он над этим и не задумывался и никого ни о чем не спрашивал. Мы пробыли на этом острове полдня, нам встречались только честные лица, мы видели британский флаг, символ умелого управления и порядка. И вот, никого не спрашивая, мы доверчиво пришли, не имея оружия, в этот мрачный уголок, который в любой другой стране кишел бы душителями и убийцами...

Чу! Что это? Крадущиеся шаги! Приглушенные голоса! С замиранием сердца мы жмемся теснее друг к другу, ждем. Неясная фигура выскользнула из темноты. Раздается голос — требует денег!

— Шиллинг, джентльмены, будьте добры, на постройку методистской церкви.

Блаженные слова! Святые слова! Мы жертвуем с благодарной горячностью на новую методистскую церковь и радостно думаем: какое счастье, что эти маленькие негритянские ученики воскресной школы не отняли силой все, что у нас есть, пока мы не оправались от охватившей нас беспомощности! При свете сигар мы заносим на карточки имена филантропов, оказавшихся на этот раз куда щедрее, чем обычно бываем мы, и идем дальше, говоря: «Что же это за правительство, позволяющее маленьким черным святошам накидываться в темноте с подписными листами на мирных прохожих и смертельно их пугать!»

Мы бродили еще несколько часов, то берегом моря, то удаляясь от него, и умудрились, наконец, заблудиться, что представляет собой на Бермудах подвиг, требующий большого таланта. Я надел в этот день новые ботинки. Они были 7-го номера, когда я вышел из дома, а сейчас не больше 5-го и продолжали сжиматься. Я шел в этих ботинках еще два часа, прежде чем попал домой. Несомненно, каждый читатель посочувствует мне с первого слова. Есть много людей, никогда не знавших зубной боли, у многих никогда не болела голова. Я сам принадлежу к их числу. Но каждому случалось два-три часа ходить в тесных ботинках, и каждый знает, какая роскошь снять их в укромном уголке и смотреть, как ваши ноги пухнут и затмевают небеса. Когда я был неоперившимся робким юнцом, однажды вечером я пригласил простую наивную деревенскую девушку пойти со мной на комедию. Я знал ее всего один день; она казалась мне восхитительной; на мне были новые ботинки. В конце первого полу часа она спросила: «Что это вы все время двигаете ногами?» — «Разве?» — сказал я, но стал следить за собой и сидел смирно. Еще через полчаса она сказала: «Почему вы на все отвечаете: «Да, да, конечно», или: «О, разумеется, ха, ха, совершенно верно». Часто получается невпопад». Я покраснел и объяснил это некоторой рассеянностью. Прошло еще полчаса, и она спросила: «Скажите, почему вы так напряженно улыбаетесь, а вид у вас очень унылый?» Я ответил, что я всегда такой, когда о чем-нибудь думаю. Час спустя она повернулась, участливо посмотрела на меня и спросила: «Почему вы все время плачете?» Я сказал, что очень смешные комедии всегда вызывают у меня слезы. Наконец человеческая природа не выдержала, и я незаметно скинул ботинки. Это было ошибкой. Я не смог снова надеть их. Стоял дождливый вечер; омнибусы не шли в нашем на-

правлении; и когда я шагал домой, стоящая от стыда, поддерживая одной рукой девушку и засунув под другую башмаки, меня можно было пожалеть, особенно в те мучительные моменты, когда я проходил под светом уличных фонарей. Наконец шедшее со мной дитя лесов спросило: «Где ваши ботинки?», и, будучи застигнут врасплох, я достойно завершил этот нелепый вечер глупым ответом: «В высшем обществе не принято носить обувь в театре».

Преподобный, который во время войны служил в армии капелланом, рассказал нам, пока мы искали дорогу в Гамильтон, историю о двух умирающих солдатах, и я слушал ее с интересом, несмотря на боль в ногах. Госпитали Потомака, сказал он, получали от властей грубые сосновые гробы, но поставки не всегда поспевали за требованиями. И если человек умирал, когда под рукой не было гроба, хоронили и без него. Случилось так, что поздно ночью в одной из палат умирали два солдата. И тут как раз входит в палату санитар с гробом на плече и останавливается в нерешительности, пытаясь сообразить, кому из двух бедняг гроб понадобится раньше. Оба просят его, каждый для себя, померкшими глазами, — языки у них уже не ворочались. Но вот один изловчился, высунул из-под одеяла изможденную руку и сделал пальцами едва заметный знак: «Будь другом, поставь под мою койку, пожалуйста». Санитар поставил гроб и ушел. Счастливец с великим трудом стал поворачиваться на койке, обернулся к другому вояке, приподнялся на локте и, видно, что-то хотел изобразить на своем лице, а что — непонятно. Долго тужился, старательно, нудно, все тужился, и тужился, и, глядишь, удалось — подмигнул, да так здорово получилось! И тут же повалился на подушку, обессиленный, но торжествующий. Скоро в палату зашел приятель второго, обиженного солдата, и тот устремил на него умоляющий, красноречивый взгляд, и приятель быстро понял, что ему надо, вытащил гроб и засунул под его койку. Солдат ему радостно закивал и опять стал делать какие-то знаки, и его друг снова его понял, подложил руку под плечо и слегка приподнял. Умирающий обернулся к первому солдату, уставился на него померкшими, но ликующими глазами и начал медленно, напряженно поднимать руку. Дотянулся было до лица, да рука ослабела и упала. Сделал новую попытку, и опять не вышло. Передохнул, собрал остатки сил и теперь уж кое-как дотянул руку до носа, растопырил с победным видом иссохшие пальцы и сразу же свалился и умер. Эта картина так и стоит перед моими глазами. Какая неповторимая ситуация!

Следующим утром, еще, казалось, очень рано, в моей комнате внезапно появился маленький белый мальчонка и выпалил одно единственное слово: — Завтрак!

Это был замечательный во многих отношениях мальчик. Лет одиннадцати, с живыми и внимательными глазенками, очень подвижной, он никогда и ни в чем не проявлял ни малейшей неуверенности или колебаний. В складках губ, в манере держать себя, в его словах была солдатская решимость, которую странно было видеть в таком мальчонке. Он не тратил лишних слов, его ответы были быстрыми и короткими, казались скорее продолжением заданного вопроса. Когда он стоял у обеденного стола со своей мухобойкой неподвижно и прямо, с чужунным, серьезным лицом, он был точно статуя, но, чуть заметит проблеск какого-то желания в чьих-

либо глазах, сразу кидается его выполнить и ментально опять превращается в статую. Пошлют его, скажем, на кухню, он идет до дверей вытянувшись, но чуть переступит порог — бежит кувырком.

— Завтрак!

Я решил сделать еще одну попытку втянуть его в разговор:

— Ты уже позвал Преподобного или...

— Да, сэр.

— Как будто еще рано или уже...

— Пять минут девятого.

— Ты сам делаешь всю работу или тебе помогает...

— Цветная девочка.

— На острове только один приход или...

— Восемь.

— Большая церковь на холме приходская или это...

— Собор.

— А какие здесь налоги — на избирателей, окружные, городские или...

— Не знаю.

Я еще ломал голову над другим вопросом, а он уже съехал вниз головой по перилам и кувыркался во дворе. Я оставил надежду затеять с ним разговор. Не было самого главного, что требуется для всякой беседы. Его ответы, всегда окончательные и точные, не оставляли места для сомнений, за которые мог бы зацепиться разговор. Думаю, из этого мальчика мог бы выйти очень большой человек или очень большой мошенник, смотря по обстоятельствам. Но его сделают плотником. Так мир использует свои возможности.

В течение этого и следующего дня мы катались в экипаже по острову, съездили миль за пятнадцать или двадцать в Сент-Джордж. Таких твердых, хороших дорог нет больше нигде, кроме Европы. Нас возил умный молодой негр, заменивший нам пилота. На краю города мы увидели пять или шесть гордых капустных пальм (жуткое название!), стоящих прямо в ряд на одинаковом расстоянии одна от другой. Это не самые толстые или высокие деревья, какие мне приходилось видеть, но самые величественные. Наверное, эти вытянувшиеся в один ряд пальмы — самая искусная подделка колоннады, какая удавалась природе. Все деревья одинаковой вышины, футов шестьдесят. Их стволы, серые, как гранит, постепенно сужаются, образуя очень совершенный конус. На них нет ни следа сучков, наростов, трухлявости, их поверхность не похожа на кору, она как отшлифованный, но не полированный гранит. Ствол становится все тоньше и тоньше, на высоте футов пятьдесят он как бы обмотан серой веревкой, потом утолщается, и выше тянется цилиндр яркого, свежзеленого цвета длиной футов шесть или больше, наподобие кукурузного початка. Наконец, большой пучок пальмовых листьев, тоже зеленых. Стволы других пальм всегда или кривые, или наклоняются. Но возьмите отвес и проверьте — вы не найдете в этом величественном ряду ни одного дерева, которое хоть чуточку отклонялось бы в сторону. Они стоят прямо, как колонны Баальбека, — такие же высокие, полные грации, величавые. При свете луны или в сумерках, если срезать их верхушки, они казались бы двойником этой колоннады.

Птицы, попадавшиеся нам за городом, были как бы ручные. Даже перепелка, эта пугливая тварь, спокойно клевала что-то в траве, пока мы неторопливо ее рассматривали и говорили о ней. Одна ма-

ленькая пташка, вроде канарейки, никак не хотела стронуться с места, ее пришлось пугнуть кнутовищем, да и то она отлетела в сторону всего на несколько футов. Говорят, даже трусливая блоха на Бермудах ручная и дружелюбная, ее можно взять и гладить, она не боится. Это надо принять со скидкой, тут, несомненно, есть некоторая доля хвастовства. В Сан-Франциско любители говорить, что тамошняя блоха может сбить с ног ребенка. Можно подумать, что это для блохи похвально и стоит подобному слуху распространиться в других странах, как усилится иммиграция. В девяти случаях из десяти это почти наверняка отобьет охоту у всякого разумного человека ехать в такое место.

Я почти не видел на Бермудах паразитов и рептилий и собирался заявить в печати, что их там нет, но однажды вечером, когда я уже лег в постель, в мою комнату вошел Преподобный с какой-то вещью в руках и спросил: «Это ваш башмак?» В самом деле, это был мой башмак, и Преподобный сказал, что увидел паука, который куда-то его тащил. А на следующее утро он утверждал, что тот же самый паук перед рассветом приоткрыл его окно и хотел пробраться в комнату, чтобы украсть рубашку, но увидел его и скрылся. Я спросил:

— Он схватил рубашку?

— Нет.

— Откуда вы знаете, что он хотел ее стянуть?

— Видел по глазам.

Сколько мы ни расспрашивали, так и не смогли ничего узнать о бермудском пауке, способном на такие проделки. Местные жители говорили, что их самые большие пауки поместятся, расставив лапки, на обычном блюде, что они всегда считались честными. Итак, с одной стороны было свидетельство духовного лица, а с другой — простых мирян, к тому же пристрастных. В общем же я почел за лучшее запираť свои вещи.

Нам попадались на сельских дорогах лимонные, апельсиновые и дынные деревья, липы и смоковницы, пальмы нескольких видов, среди них кокосовые, финиковые и карликовые. Встречался иногда бамбук вышиной в сорок футов, с толстыми, как рука, стеблями. Над трясинами поднимались заросли ризофор, их торчащие корни сплелись, они опирались на них, как на какие-то замысловатые ходули. В местах посуше благородный тамаринд отбрасывал свою благодатную тень. Кое-где у дороги красовался цветущий тамариск. Было еще странное черное дерево, сучковатое и кривое, не имеющее ни единого листа. Оно сошло бы за сухую яблоню, если бы не огненно-красные, похожие на звезды цветы, скупо разбросанные на нем. Дерево это пылало тусклым красным светом, точно созвездие, если смотреть на него сквозь закопченное стекло. Хотя, может быть, наши созвездия построены так, что не видны сквозь закопченное стекло. Если это верно, то была допущена большая ошибка.

Видели мы и дерево, на котором росли виноградные гроздья, спокойно и просто, как на лозе. Видели каучуковое дерево, но, вероятно, еще не наступил сезон, на нем не висело ни галош, ни подтяжек, вообще ничего, что человек рассчитывает найти на нем. Поэтому вид у него был явно мошеннический. На острове есть ровно одно махагониевое дерево. Я знаю, что эта цифра достоверна, так как видел человека, который пересчитывал его много раз и не мог ошибиться. У этого человека заячья губа и чистое сердце, и все говорят, что на него можно положиться, его слово твердо как сталь. Такие люди редкость.

Перед нашими глазами вставали то розовые облака олеандров, то багровое пламя цветущих гранатовых деревьев. На одном из участков девственного леса деревья до самых вершин обвивали ипомеи, разукрасили их сверху донизу большими колокольчиками, висящими иногда попарно, а иногда целыми гроздьями. Красивая, замечательная картина, когда смотришь на них вблизи! Но повсюду маячит унылый кедр, он занимает преобладающее место среди зелени. Как скучно выглядит кедр, замечаешь не сразу, это можно понять только по контрасту, когда изредка попадает лимонное дерево в его глянцево, ярко-зеленом наряде.

Одно резко выделяет Бермуды как тропическую страну, — так было по крайней мере в мае — это лишенный блеска, слегка увядший, но веселящий глаз ландшафт. Чтобы увидеть лес в свежем, великолепном убранстве сверкающей зеленой листвы, как бы охваченный бурной радостью жизни, лес, который может заставить вас кричать или плакать от восторга, надо побывать в странах, где люта зима.

Мы видели много цветных фермеров, которые вместе со своими женами и детьми убирали на полях картофель и лук, и все они, если судить по внешнему виду, живут в полном довольстве и достатке. Мы не встречали нигде на этом солнечном острове ни одного мужчину, женщину или ребенка, который казался бы необеспеченным, чем-то недовольным, огорченным. Такая монотонность скоро нам сильно наскучила, даже хуже. При виде целого народа, пресмыкающегося в довольстве, можно прийти в бешенство. Мы почувствовали, что в этой общине чего-то недостает — чего-то смутного, не-

определенного, неуловимого, а все же недостает. Мы довольно долго думали над этим и, наконец, доскались — недостает бродяг. Пусть они едут сюда, прямо сейчас, все, сколько есть. Это для них девственная земля. Проезд стоит дешево. Каждый истинный патриот в Америке поможет им купить билеты. Мы могли бы уступить целые полчища этих замечательных существ. Они найдут здесь восхитительный климат и доверчивых, добрых людей. Картошки и лука хватит на всех. Радужный прием ждет первую партию прибывших, уютные могилы — вторую.

В то время копали ранний розовый картофель. Позднее собирают еще один урожай другого сорта, его называют гарнет. Мы покупаем их картофель по пятнадцати долларов за бочку (в розницу), а эти цветные фермеры покупают наш за бесценок и питаются им. В Гаване могли бы так же выгодно обменяться сигарами с Коннектикутом, если бы догадались.

На бакалейной лавке у дороги вывешено: «Нужен картофель». Наверно, писал ничего не знающий чужеземец. В тридцати шагах он нашел бы его сколько влезет.

Остров совсем маленький. Однажды на сельской дороге впереди нас ехал какой-то человек, его лошадь едва тащилась. Я предложил его обогнать, но наш возница сказал, что ему осталось недалеко. Я не мог понять, откуда он это знает, и решил подождать и посмотреть. Скоро этот человек в самом деле свернул с дороги. Я спросил:

— Как вы догадались, что он свернет?

— Я знаю этого человека и где его дом.

▼ со стр. 9

Висят над водою пестрые крылатые рыболовы величиною со скворца — очень забавные птички. У них непропорционально большая голова с длинным черным клювом; и когда они, судорожно трепеща крылышками, останавливаются в воздухе над водою, высматривая рыбу, кажется, что опущенная голова перетягивает легкое туловище и птица вот-вот опрокинется. Так оно и случается: голова перетягивает, рыболов опрокидывается и гвоздем врезается в воду. Выныривает он тотчас и, если охота неудачна, вновь повисает в воздухе, вновь опрокидывается. При более счастливом стечении обстоятельств рыболов спешит на ветку ближайшего дерева и приступает к трапезе.

Перед домиками отеля озеро, наверное, постоянно расчищают от тростника. Во всяком случае, дальше по берегу висят целые заросли. Как и где-нибудь на Селлигере, он шуршит на ветру, а по длинным, узким листьям

его ползают крохотные бронзовые жучки, оставляя после себя тонкие желтые узоры.

...Мы отправились в плавание по Ньясе. Быть может, фраза эта звучит излишне торжественно, но ведь, насколько я знаю, никто из русских до нас не плавал по Ньясе. Не берусь говорить за своих товарищей, но я чувствовал себя первооткрывателем, чуть ли не португальцем Гашпаром Бокарру, который еще в 1616 году вышел на реку Шире, вытекающую из озера, к берегам Ньясы. Португальцы искали тогда удобный водный путь от среднего течения Замбези к Индийскому океану, и эту ответственную задачу поручили именно Бокарру, о котором мы даже не знаем, когда он родился и когда умер... На худой конец, я согласился бы оказаться и на месте Ливингстона, несколько раз побывавшего на Ньясе в прошлом веке и составившего первую карту озера.

Вот так. Оставалось лишь вздыхать по поводу исторической «несправедливости», но одно

то, что плыли мы в тот вечер вдоль берегов Ньясы, само по себе было великолепно.

Моторист Маруа обещал нам показать бегемотов, и мы отправились на поиски их — надо же иметь хоть какую-нибудь цель! Каждый из нас по очереди вел лодку, сменяя Маруа, и я тоже, не без внутреннего трепета, взялся за теплую рукоять руля.

Бегемотов мы не нашли, как ни старались. Видели лишь крупных белых орланов с угольно-черными крыльями, белых и черных цапель, бакланов и пестрых «опрокидывающихся» птиц-рыболовов.

Вода была сине-темной, совсем непрозрачной, и дно не проглядывалось даже на мелком месте. Лодку покачивало, и нас обдавало прохладными брызгами. Мы переплыли залив Обезьян, сфотографировали деревню, возле которой росли кокосовые пальмы (надо полагать, они завезены с берега океана), и повернули обратно.

Мы не стали вновь плутать у берега и пошли напрямик.

Тогда я спросил шутя, знает ли он каждого на острове, и наш возница очень просто ответил, что знает. Это дает реальное представление о размерах страны.

Говорят, что на Бермудах мягкий и ровный климат, что здесь никогда не бывает ни снега, ни льда, и круглый год чувствуешь себя хорошо в весенней одежде. При нас в мае стояла восхитительная, прямо-таки летняя погода с пылающим солнцем, так что можно было ходить в самой тонкой одежде, но при этом все время дул бриз, и мы никогда не страдали от жары. Часам к четырем или пяти ртуть начинала падать, приходилось одеваться плотнее. Я выехал в Сент-Джордж утром в тончайшем полотне, а когда вернулся домой к пяти вечера, на мне было два пальто. Говорят, по ночам температура здесь всегда прохладная, бодрящая. Мы захватили с собой комариные сетки, и Преподобный жаловался, что комары сильно ему досаждают. Я часто слышал, как он шумно хлопает по этим воображаемым тварям с таким рвением, будто они настоящие. В мае на Бермудах нет комаров.

Лет семьдесят с лишним назад на Бермудах жил несколько месяцев поэт Томас Мур. Его послали сюда служить регистратором адмиралтейства. Мне не совсем ясно, каковы функции регистратора адмиралтейства на Бермудах, но я думал, что на него возложена обязанность вести список всех родившихся здесь адмиралов. Я попытаюсь это выяснить. С адмиралами забот было мало, Муру здесь наскучило, и он уехал. Благоговейно хранимый сувенир, связанный с пребыванием Мура в здешних местах, все еще считается одним из сокровищ Бермудских

островов. У меня почему-то создалось смутное представление, что это кувшин, но мне неизменно что-то мешало при сделанных мною двадцати двух попытках осмотреть его. Но ничего, потом я узнал, что это всего лишь стул.

На Бермудах, конечно, есть несколько достопримечательностей, но их легко избежать. Это большое преимущество, в Европе им не воспользуешься. Бермуды — подходящее место для утомленного человека, желающего насладиться праздностью. Ничто его не потревожит. Глубокий мир и спокойствие проρίζают его до костей, дают ему душевный покой и усыпляют легионы чертенят, неустанно старающихся побелить его волосы. Многие американцы выезжают на Бермуды в начале марта и остаются там до тех пор, пока первые весенние недели не перестанут творить свои мерзости у них на родине.

Жители Бермуд надеются скоро иметь телеграфную связь с остальным миром. Но даже когда они дождутся этого проклятия, их край все равно будет хорошим местом для отдыха: на море кругом разбросано много очаровательных островков, где можно жить в безопасности от всякого вторжения. Почтальону с телеграммой пришлось бы плыть туда на лодке, и, когда он станет высаживаться на берег, его удобно убить.

Мы провели на Бермудах четыре дня — три ясных под открытым небом и один дождливый дома, отчаявшись найти яхту для морской прогулки. Но вот наш отдых закончился, мы опять сели на паром и поплыли на родину.

Перевел с английского Г. БАБЕНЬШЕВ

Я устроился на передней скамье, поставив ноги на якорь. Качало все сильнее, и все чаще веера брызг накрывали лодку. Голубеватая дымка над озером к вечеру сгустилась, и силуэты возвышенностей, окружающих залив, расплылись в ней, почти утратив свои очертания.

На западе солнце окрасило небо в розовый цвет, а голубой туман стал серебристо-желтым, и розовое постепенно смешалось с серебристо-желтым, и весь горизонт на западе засветился внутренним спокойно-нежным светом.

Чем ниже опускалось солнце, тем жарче опаляли его невидимые лучи кроны деревьев и тем больше угля становилось на земле. А по воде все еще бежала к нам золотистая дорожка, и вспугнутые птицы, словно нарочно маскируясь, улетали от нас, придерживаясь этой самой дорожки и сразу же, при взлете, скрывались из глаз...

Со вчерашнего вечера меня мучает ощущение чего-то невоспомненного. Мне кажется, что

минувший вечер был пережит мною дважды — не только вчера, но еще и несколько лет назад. Африканские впечатления — оглушающие, сквозь них трудно пробиться воспоминаниям, и только теперь, на заре, они достигают моего сознания.

Я вновь подумал о Байкале. Это происходило действительно давно, лет двадцать тому назад. После сезона, проведенного в Саянах, мы выехали к южной оконечности Байкала и остановились на ночь в поселке Култук. День простоял пасмурный, но без дождя. Над Байкалом висели тяжелые тучи, но на горизонте они не соприкасались с водой, и между озером и небом алел неширокий зазор. Алая полоса постепенно поблекла, перейдя через розовый цвет в фиолетово-серый, и тогда от черных туч отделилась огромная рдяная капля солнца и упала в озеро. Капля растворилась в воде, и Байкал потух, как потухла вчера Ньяса.

Култук и Палл-Бич... Ничего между ними нет общего, и со-

всем не похожи прибрежные африканские леса на сибирскую тайгу. Или просто на мгновение похожими показались закаты?

Нет, географические ассоциации оказались сложнее.

В 1922 году наш выдающийся географ, человек энциклопедических знаний Лев Семенович Берг опубликовал такую статью: «Сравнение озера Байкал и Танганьики».

Он сравнивал их прежде всего по происхождению — они «дети» тех мучений, которые незримо переживает земной шар, «дети» катаклизмов, землетрясений... А Ньяса — родная сестра Танганьики, и вполне возможно представить себе такое исследование: «Ньяса и Байкал» — и продолжить его через Танганьику, через весь «ковш» Великих Африканских озер до озер и впадин Азии. Можно увязать во едино сложную жизнь Земли, еще более сложную жизнь человека, которая то ли в Азии, то ли в Африке начала свой путь по земному шару...

ФОТОКОНКУРС

ВОКРУГ СВЕТА

Отковать якорь. Потом разбить его. И соединить снова. Но уже очень далеко, в Охотске...

Тысячи подвод! Они тащились через всю Сибирь, чтобы доставить русским колонистам на Алеутских островах и Аляске все необходимое, а у них забрать пушнину. Громоздкие вещи — якоря, канаты — приходилось разрубать на части.

Нужен был подвиг продолжительностью в три года и двенадцать дней, чтобы освоить морской путь. Русским морякам предстояло «обойти дышащий бурями Кап-Горн, претерпеть палящий зной равноденственной линии». И они «обошли» и «претерпели». В самом начале XIX века.

Вот почему в Ленинграде, на набережной Васильевского острова, стоит этот памятник: «Первому русскому мореплавателю вокруг света адмиралу Ивану Федоровичу Крузенштерну».

Фото В. ИВАНОВА
(Ленинград)

Ерда — бог скал, бог древних чеченцев и ингушей — хранит эти башни в горах. Их пытался разрушить яростный Села — бог грома и молнии. К ним прилетала Фурхи — богиня ветров. К их дикому или грубо отесанному камню, схваченному известью, подступали враги... Но они стоят, каменные долгожители гор, вот уже шесть веков! И вокруг них...

Все дико; нет нигде следов Минувших лет; рука веков Прилежно, долго их сметала...

Фото А. МАГДИЧА
(Киев)

Крымская пещера Ставриная манит молодых спелеологов...

Ступите на эту веревочную лестницу, ведущую в пещеру, — и через несколько минут узнаете о себе много нового. Например, чего вы боитесь в темноте... «Одним страшно оставаться в одиночестве, другие, наоборот, боятся, что во мраке кто-то может притаиться... Многие во тьме пещер испытывают страх перед духами, призраками, привидениями...» Так классифицировал подземные страхи знаменитый французский спелеолог Норбер Кастере. А ему можно верить. Он провел в темноте пещер в общей сложности не один год. И, как утверждал сам, ничего не боялся.

Может быть, и этот молодой спелеолог из таких же смельчаков?

Фото Г. ЗЕЛЕНИНА
(Ялта)

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

ЧАЙКА — НА КАРТЕ ВСЕЛЕННОЙ. Международный планетный центр утвердил наименования десяти новых малых планет (астероидов), открытых недавно советскими учеными.

В честь первой в мире женщины-космонавта Валентины Николаевой-Терешковой одна планета названа Чайкой.

Четыре других астероида получили имена крупных советских астрономов — Субботина, Яхонтовой, Дубяго и Боевой, названия остальных пяти малых планет — Украина, Волга, Дружба, Мирная, КРАО (Крымская астрофизическая обсерватория).

СОЛНЦЕ — «КОМПАС» ТРИТОНА? Этот вопрос был поставлен двумя биологами Миссисипского университета, Ландретом и Фергюсоном, после ряда опытов по проблеме ориентации земноводных.

Выловленных тритонов относили за несколько миль от пруда и отпускали. И все они безошибочно шли к своему пруду... если только была солнечная погода. В пасмурный же день тритоны совершенно теряли чувство ориентации.

Аналогичные опыты провели с ослепленными тритонами — и результаты были такими же.

Вполне возможно, полагают исследователи, что тритоны действительно ориентируются по солнечным лучам и у них имеются какие-то участки кожи, которые реагируют на солнечные лучи и «помогают» им находить направления на суше.

ЗЕМЛЯ ИСПЫТАЛА СТОЛКНОВЕНИЕ С «БОЛЬШОЙ ЛУНОЙ» — такое предположение выдвинул советский исследователь А. И. Шейко. Он считает, что некогда Земля испытала боковой удар при столкновении с планетой, чья масса втрое превышала массу теперешней Луны. Произошел колоссальный взрыв. Частич-

но «Большая Луна» слилась с нашей планетой. Другая ее часть была отброшена взрывом и рассеялась в космическом пространстве, а третья — дала начало Луне.

Ряд советских ученых отметил оригинальность и серьезность гипотезы А. И. Шейко, подчеркивая в то же время, что в ней содержится немало спорных утверждений.

ТЕМПЕРАТУРА ЗЕМНОЙ АТМОСФЕРЫ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 17 ЛЕТ ПОНИЗИЛАСЬ НА 0,3 ГРАДУСА. К такому выводу пришел сотрудник Национального центра атмосферных исследований США доктор Джеймс П. Лодж. Исследователь объясняет это похолодание в основном промышленным загрязнением воздуха, которое мешает солнечной радиации проникнуть в глубину атмосферы.

В США, ГДЕ, КАК ИЗВЕСТНО, ДЕЙСТВУЮЩИХ ВУЛКАНОВ НЕТ, МОЖЕТ ВОТ-ВОТ НАЧАТЬСЯ ИЗВЕРЖЕНИЕ...

На подозрении — гора Рейнир (штат Вашингтон). Это уснувший вулкан, последнее извержение которого происходило пятьсот лет назад. Американские геологи считают, что он может ожить в любое время.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПИРАМИДА НА СВЕТЕ? В ста километрах от мексиканской столицы Мехико, в местечке Чолула, экспедиция мексиканских ученых под руководством Мигуэля Мессмахера обнаружила гигантскую пирамиду, которую, судя по предварительным обмерам, можно назвать самой большой пирамидой в мире. В самом деле, высота пирамиды Чолула достигает 60 метров, каждая сторона ее основания равна 300 метрам.

Великая египетская пирамида в Гизе, вершина которой достигает 137 метров, у основания значительно меньше: длина ребра ее фундамента — 220 метров.

НЕПТУНИТ ВАХИДА ДУСМАТОВА. На высоте свыше трех тысяч метров над уровнем моря, на склонах Алайского хребта, молодой таджикский геолог Вахид Дусматов впервые в Средней

Азии обнаружил один из редчайших на Земле минералов — нептунит.

До сих пор в Советском Союзе нептунит изредка находили лишь в Якутии и на Кольском полуострове.

СТРАУСЫ МОГУТ ОБХОДИТЬСЯ БЕЗ ВОДЫ В ТЕЧЕНИЕ 10 ДНЕЙ и, подобно верблюду, жить за счет внутренних резервов — к такому выводу пришли суданские ученые из Хартумского университета после многолетних исследований. При этом птицы постепенно теряют в весе; и если страус потерял треть своего веса, он может погибнуть.

Страусы, которые в течение девяти дней жили без воды, могут в один прием выпить такое количество воды, которое почти полностью восстановит их прежний вес. Кроме того, по мнению этих исследователей, выяснено, почему страусы могут пить солоноватую или даже соленую воду: у страуса имеются особые железы, расположенные в клюве, которые служат для нейтрализации соли.

ДРЕВНЕЙШАЯ В МИРЕ ПИСЬМЕННОСТЬ? В Румынии, близ местечка Тэртэрия, во время археологических раскопок были найдены три небольшие глиняные таблички.

На одной из них были изображены силуэт косули, дерево и человеческая фигурка, на другой исследователи увидели знаки, напоминающие иероглифы. На третьей — знаки, чрезвычайно напоминающие так называемое «рисунчатое письмо» — лук со стрелой, лестницу, ветви деревьев...

Как показали исследования, эти таблички были созданы около шести тысяч лет назад — они примерно на полтора тысячелетия древнее шумерских писем.

ПАМИР СТАНОВИТСЯ ВЫШЕ. Известный советский исследователь профессор Кирилл Станюкович на основании многолетних наблюдений установил, что Памир продолжает расти со скоростью от пятидесяти до ста миллиметров в год.

По подсчетам ученого, за последние десять тысяч лет «Крыша мира» поднялась над землей на 500—800 метров.

(По страницам советской и зарубежной прессы.)

ЗЕЛЕНАЯ САХАРА

Чуду в пустыне не удивляешься: просто очередной мираж. Таким вот миражем и кажется поначалу оазис в Алжирской Сахаре.

Пассажиры смотрят в иллюминаторы самолета, и их глазам открывается неожиданная картина — среди безбрежных голых песков, как кратеры огромных вулканов, пятнами зияют котлованы. Только кратеры эти — цветной мираж? — зеленые. Некоторые из них достигают глубины сорока метров. Но чудо в другом: все они созданы руками человека.

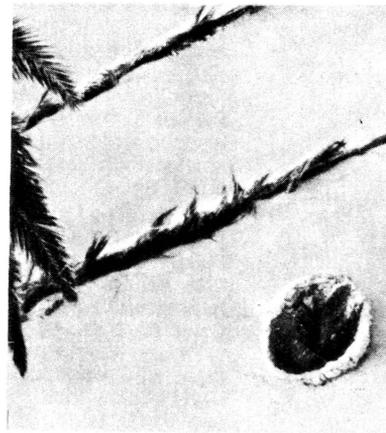
Некогда Сахара была зеленой и не жаловалась на свой климат. Да и сейчас еще под руслами высохших рек и озер, под слоем песка дремлет живительная влага — корни растений добираются до нее. Но этот самый слой песка надо прокопать.

Жители оазиса неутомимо копают песок уже не один десяток лет — упорно, хотя и медленно, киркой и лопатой делают то, что впору, пожалуй, лишь бульдозерам и экскаваторам. Ну, а выносливые ослы выполняют роль грузовиков.

Пустыня, конечно, не сдастся легко. Даже при слабом дуновении ветерка начинают двигаться, угрожая очагам жизни, дюны. Тогда человек занимает круговую оборону, преграждая путь пескам заслонами из пальмовых листьев.

И так из поколения в поколение... Постепенно население оазиса росло, и каждый новый человек включался в работу.

И теперь стоят под жарким солнцем полмиллиона могучих пальм Эль-Уэда, бывшего маленького оазиса, ныне алжирского города с населением в 64 тысячи человек.

Э

та ночь в сухом морозе, волчьих звездах, паровозных свистках, частых выстрелах была особенно неприятной и тревожной для адмирала.

Он сидел в рыжем, облупленном кресле. Сальная свеча оплывала на столике, пламя ее кидало мутный отблеск на сталь кинжала. Кинжальное острие, сгущая жидкий свет, казалось совершенно черным.

Колчак давно и неотрывно смотрел на кинжал, словно искал скрытую в нем мистическую силу. Казалось, еще одно усилие — и все прояснится, все станет понятным и вернется на свои места; но мысли разбежались — серые, вялые, совершенно ненужные. Вспыльчивый, потерявший над собою власть, он теперь уже не видел связи между событиями. Именно сейчас, когда события изменялись молниеносно, ему хотелось неизменяемости их.

В волглом воздухе салон-вагона пахло табаком, плесенью, грязью. У правой стенки громоздились ящики с сургучными печатами и свинцовыми пломбами; их было много, они мешали проходу. Адмирал встал и задел локтем тугой брезентовый мешок, брошенный поверх ящиков. С глухим звоном мешок свалился, сургучная печать искрошилась, из прорехи блеснул золотой бок шкатулки.

Ящики с золотом и платиновыми брусками, мешок с драгоценностями царских дворцов — бесценный, но роковой груз адмирала. Этот груз был лишь ничтожной частицей русского государственного запаса. Сам же золотой запас, погруженный в двадцать девять пульмановских вагонов, стоял на соседнем пути. Адмирал слышал, как кряхтели на морозе иззябшие часовые, и думал: «Слава богу, союзники еще не смеют без моей воли прикасаться к русскому золоту».

Морозная ночь взорвалась похабной бранью, сильными окриками. У золотого эшелона сменялись караулы. Еще вчера смена проходила тихо и чинно, а сегодня даже офицеры адмиральского конвоя позабыли о почтительной тишине.

Караулы сменились. Вокруг салон-вагона восстановилось безмолвие, изредка пресекаемое одиночными выстрелами. Адмирал стоял у золотых ящиков, разглядывая себя в зеркале. Серые скулы, впалые щеки, большой горбатый нос, всклокоченные волосы — все казалось ему нехорошо. Особенно волосы цвета мокрого графита: в них появились седые прядки. «Я надеюсь не дожить до трагической седины», — вспомнились ему недавние его слова. Адмирал вернулся к столу, взял потрепанную книжку.

Конфуций, «Беседы и суждения». Колчак открыл книгу на случайной странице. «Глава го-

...Август—сентябрь 1918 года. Ожесточенные бои красной Волжской флотилии с судами адмирала Старка. Отступая, белогвардейцы все же успевают вывезти из Казанского государственного банка золотой запас Советской республики. Матросы Волжской флотилии во главе с комиссаром Маркиным штурмуют Казань. Вместе с матросами — Лариса Рейснер. Отряд Азина вступает в Казанский кремль. Казань наша! Казань бушует на митингах...

Об этих событиях гражданской войны рассказывал писатель А. Алдан-Семенов

А. АЛДАН-СЕМЕНОВ

КРАСНЫЕ

и

БЕЛЫЕ

Главы из романа

Рисунки
П. ПАВЛИНОВА

в тех главах своего романа „Красные и белые“, которые были напечатаны в журнале „Вокруг света“ (№ 1, 2) за 1967 год.

Дальнейшая судьба золотого запаса связана с гражданской войной в Сибири.

Год 1919, поезд отступающего Колчака, отряды отважных сибирских партизан — сюда переносят нас новые главы романа „Красные и белые“. Один из главных героев этих страниц — Андрей Шурмин, комсомолец, подпольщик, партизан...

сударства должен управлять своими подданными, соответствуя определенным нормам справедливости и истины, руководствуясь, впрочем, волей неба». Отшвырнул книжку: почудилось, иероглифы, означающие «справедливость и истину», ехидно подмигивают.

Еще сорок дней назад адмирал был уверен — никакой катастрофы не случится: его армия остановит красных на берегах Ишима. Но Третья и Пятая армии красных, сокрушив адмиральские войска на Ишиме, устремились к Омску. После падения Омска началось паническое бегство белых. Бесконечный поток эшелонов забил Транссибирскую магистраль до Иркутска. В середине этого сплошного потока оказались и его литературные поездка и золотой эшелон.

Адмирала по пятам преследовали части Пятой армии, осаждали партизаны, на пути его вспыхивали рабочие восстания. Высокие союз-

ные комиссары бросили адмирала на произвол судьбы и бежали в Иркутск.

До Красноярска адмирал еще надеялся остановить свои армии. Город на Енисее казался ему хорошей опорой: в Красноярске — многотысячный гарнизон и огромные запасы оружия.

Рухнули надежды и на Красноярск.

Реввоенсовет Пятой армии установил связь с енисейскими партизанами. Партизаны штурмом взяли Енисейск и вышли на железную дорогу, стремясь отрезать адмиралу путь на восток. В самом Красноярске началось восстание. Командующий гарнизоном генерал Зиневич, спасая себя, решил сдать город без боя. И город был сдан по телеграфу — невероятный случай в русской военной истории. Генерал Зиневич даже не знал, кому сдается. В конце переговоров по прямому проводу он все же спросил: — С кем имел честь говорить? Позвольте узнать ваше звание?

— Я солдат революции, — отступал бригадный командир Грязнов. В этот час он был еще за пятьсот верст от Красноярска.

Литерные поездка адмирала и золотой эшелон все же прорвались через Красноярск, но армия перестала существовать. Лишь отдельные дивизии под командой генерала Капеля перешли через Енисей и с боями отступали на Нижнеудинск...

Уже тринадцатый день поезда адмирала стоят на нижеудинском вокзале. Командующий чехословацкими войсками генерал Сыровой задерживает здесь верховного правителя России. И адмирал ничего не может поделать. Магистраль контролируется чехословаками; все станции, все паровозы охраняются ими. Даже по прямому проводу не может разговаривать адмирал с Иркутском. Он пленник, пленник! Верховный правитель России — пленник бывших военнопленных...

Три раза в день в салон-вагон является военный комендант станции майор Гассек и, шевеля гнедыми усами, квакает:

— Я и сегодня не могу дать паровозов вашему высокопревосходительству. Придется подождать, придется подождать...

Адмирал замахал растопыренной ладонью перед мигающей свечой, словно хотел стереть тень майора Гассека. «Мне надо было повесить этого прохвоста, а я...»

Кто-то прыгнул в тамбур, вошел в коридор, поскребся в дверь.

— Да, да! — торопливо отозвался Колчак.

Зайндевель, лиловый от мороза, в салон-вагон вошел начальник личной охраны Долгушин. Поздоровался сиплым, похоронным голосом.

— Снимите шинель, садитесь и рассказывайте. — Колчак передвинул свечу так, чтобы смотреть прямо в глаза полковнику. «Матовый цвет его глаз надежно укрывает мысли», — подумал он и спросил: — Вы разговаривали по прямому проводу с генералом Жаненом?

— Нет, ваше высокопревосходительство. С Жаненом разговаривал майор Гассек. Он получил от генерала Жанена инструкции и передал их мне. Вот они...

— Читайте их, полковник...

— «Поезд адмирала и золотой эшелон состоит под охраной союзных держав. Когда обстановка позволит, поезда будут вывезены под флагами Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Франции, Японии и Чехословакии...»

— Постойте, полковник. Почему не упомянут наш флаг? Неприлично, чтобы русский золотой запас следовал без русского флага. Что же вы молчите? — вспыхнул Колчак. — Или вы не согласны со мной?

— Я еще не все прочитал, — уклончиво ответил Долгушин. — Союзники советуют вашему высокопревосходительству ехать в Иркутск одному. Вывозить все поезда невозможно. Так решили генерал Жанен и высокий комиссар Японии Като. Золотой эшелон пойдет под охраной чехов...

Колчак резко повернулся и опрокинул свечу. Долгушин поднял ее, долго чиркал спичкой. Слабый огонек выхватил из темноты фигуру адмирала.

— Они напрасно думают, что я брошу золото и конвой. Я, адмирал Колчак, не предаю шестьсот храбрецов, любящих меня и верных своему воинскому долгу. Передайте высоким комиссарам — один не поеду. Я разделю участь со своими подчиненными, какой бы она ни была.

— Позволю заметить вашему высокопревосходительству...

— Пишите, полковник, ответ.

— Хорошо! Только конвой ненадежен. Здешние большевики забросали солдат прокламациями. Они требуют, чтобы ваши солдаты арестовали вас...

— А я верю своему конвою. И мы пробьемся в Иркутск.

— Никуда мы не пробьемся, — уныло возразил Долгушин. — У нас теперь только два выхода: подчиниться требованиям союзников...

— Я отбрасываю этот выход!

— Или же уйти в Монголию...

— Уйти в Монголию? Зачем в Монголию? — Воспаленные глаза Колчака недоуменно оглядели полковника.

— Я советую вашему высокопревосходительству.

И Долгушин сбивчиво изложил план ухода:

— От Нижнеудинска до мон-

гольской границы двести пятьдесят верст. К ней ведет старый почтовый тракт — он почти непроходим в зимнее время. Но «почти» — это и невозможно и можно. По монгольским степям, через Гобийскую пустыню мы уйдем в Китай. Оторвемся от красных, избавимся от чехов и сможем продолжать борьбу, — закончил полковник.

— А государственный запас?

— Немыслимо взять с собою двадцать девять вагонов.

— Я не хочу оставлять чехам русское золото.

— Да разве оно достанется им! Этого не допустят наши более могущественные друзья. — Долгушин придал последнему слову иронический оттенок.

Адмирал оживился: предложение полковника показалось и соблазнительным и реальным.

— Да, лучше уход в Монголию, чем опасное сидение в Нижнеудинске. Соберите офицеров конвоя, я скажу им несколько слов.

Безмолвно и угрюмо, будто на похороны, собрались в салон-вагоне старшие офицеры конвоя. Колчак мрачно поглядывал на почерневшие, грязные, небритые лица, оборванные и затасканные шинели. Офицеры избегали его тревожных вопрошающих взглядов.

— Господа офицеры, — быстро и нервно начал он. — Наше положение таково, что...

И он рассказал о предполагаемом уходе в Монголию.

— Передайте солдатам конвоя: не желающие уйти, могут остаться. Я предоставляю полную свободу выбора. Мы же, господа, уйдем предстоящей ночью...

— Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить? — спросил начальник золотого эшелона.

— Да, капитан.

— Союзники согласны вывезти вас одного?

— Да!

— Не лучше ли тогда уехать вам одному? И вам и нам станет удобнее и безопаснее. Без вас за нами никто не погонится...

— Вы меня бросаете? — вскрикнул адмирал, словно его ударили ножом в спину.

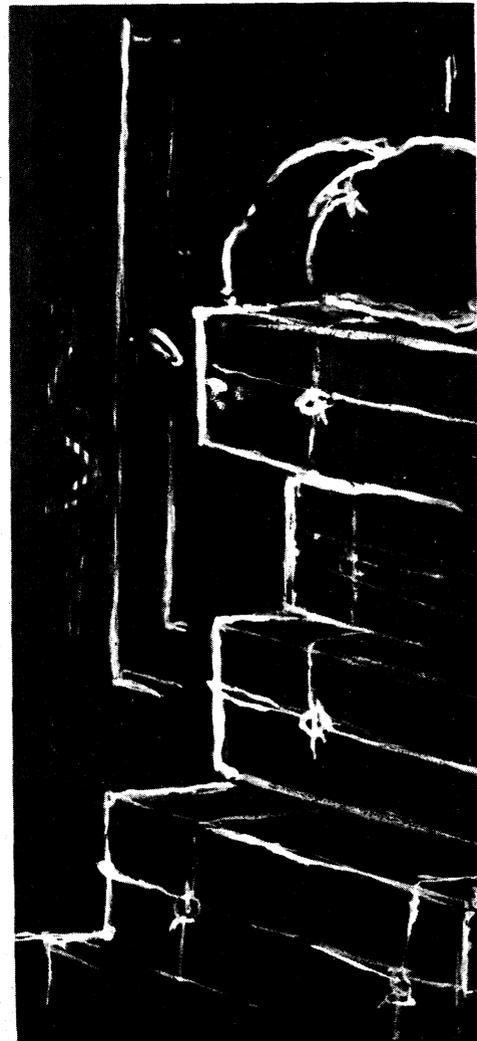
— Никак нет! Я с вами до конца...

В словах капитана Колчак все же чувствовал неуверенность. «Они меня бросят...»

— Солдаты конвоя пойдут со мной и без приказа. Они не станут колебаться, как некоторые из офицеров. Все, господа!..

Он снова остался один. Ночь в окнах серела, свеча догорала, на ящиках с золотом поблескивал иней. Отдаленным прибоем звучали свистки паровозов, скрежет вагонов, жесткие шаги часовых.

Адмирал открыл саквояж, достал ампулу и шприц. Подержал острей шприца над огоньком свечи и, разбив ампулу, набрал морфия. Презрительно усмехаясь, уколол себя. И съехался в кресле, закрыл веки, положил руку на грудь.

Боль в висках исчезла; стало тепло, уютно, легко... Предрассветная мгла сдвинулась, начала разрываться, синеть и превратилась в необыкновенно синее Черное море. Белые плотные облака отражались в воде, тени военных кораблей пробегали по ним.

Адмирал увидел себя с золотой саблей в руках на мостике «Георгия Победоносца». Опять замелькали гневные лица матросов, только что разоруживших всех офицеров флагмана. Матросы подступали к нему и требовали, чтобы адмирал сдал свое золотое оружие.

Он стоял на капитанском мостике, сгибая и разгибая упругую сталь клинка. Почему-то думалось, как только он лишится бесполезного своего оружия, все рухнет. Позолоченной саблей хотел он преградить путь революционным матросам своей эскадры. Были бесконечно далекими и ненавистными адмиралу матросы: он и презирал, и страшился их, и ненавидел. Адмирал все еще не верил, что революция захлестывает его эскадру. Когда же матросы с новыми угрозами подступили к нему, он поднял над головой саблю и швырнул в воду.

— Море меня наградило оружием, морю я его возвращаю...

Скупая усмешка проскользнула по губам Колчака. В ушах прогудел приглушенный бой склянок, в пожелтевших глазах заиграли отсветы черноморской воды. Это, конечно, был красивый жест — золотая сабля, «возвращенная морю». Газеты захлебывались тогда восторгом и писали, писали об Александре Васильевиче Колчаке, не пожелавшем подчиниться взбунтовавшимся матросам. Газеты, и светские дамы, и господа из Временного правительства восхищались его непреклонным характером и доблестью.

А он равнодушен к военной своей славе. Он любит эффектные позы, яркие, неожиданные слова. Военные парады, торжественные богослужения, приемы и банкеты, на которых шепот преклонения и восхищения вьется вокруг, как сладостный дым. Он легко вошел в роль верховного правителя России и как должное принимал все почести, связанные с высоким титулом...

Салон-вагон вздрогнул — кто-то поднимался в тамбур.

«Полковник Долгушин», — определил Колчак.

— Ваше высокопревосходительство! — трагически выдохнул полковник. — Ваше прево...

— Что еще случилось? — Колчак выпрямился в кресле.

— Все солдаты вашего конвоя ушли к большевикам...

Колчак побледнел, побелел, навалился грудью на стол. Что-то слабо хрустнуло под сукном мундира: он достал из кармана футлярчик, облицованный голубой эмалью: мелкие осколки посыпались между пальцев. Колчак открыл футляр с золотой складной иконкой богородицы. «Не уберет подарок императрицы».

— Вот как! — Он захлопнул футляр. — Ушли! Все ушли? — В голосе его прозвучала насмешка, страх исчез. — Я верил своим солдатам, а они разбежались. Скоро появится очередь торопящихся меня предать...

— У вас нет причин сомневаться в дружеском расположении союзников, — мягко возразил Долгушин.

— Продадут меня эти союзники. Делать нечего, придется ехать в Иркутск.

— Если вы сомневаетесь в союзниках, то переоденьтесь простым солдатом. Мы укроемся в чехословацких эшелонах, ваше высокопревосходительство.

— Не желаю быть обязанным спасением этим чехам. Передайте майору Гассеку, я готов ехать один.

— А как же с золотом?

— Пусть его охраняют чехи, японцы, американцы! Кто угодно, мне теперь все равно. А все эти ящики и мешок с драгоценностями перенести в золотой эшелон. Все, все, до последней полушки! — Колчак пул сагогом ящик: треща, осыпалась сургучная печать с двуглавым орлом...

2

Было сорок семь градусов ниже нуля.

Андрей Шурмин, устало передвигая лыжи, брел по зыбкому снегу. Подъемы и спуски вымотали его, мороз перехватывал дыхание, тяжелая сумка, охотничье ружье оттягивали плечи.

Он перекинул через плечо лыжи и полез на сопку. Кедровые ветки сбрасывали на него пушистые хвосты снега, бордовые, обклеванные крупатками ягоды шиповника лезли в лицо. Стайка снегирей, похожих на красные яблоки, промчалась над ним. Вершина сопки разгоралась все ярче. Край солнца выдвинулся из-за вершины, а через мгновение желтый спокойный шар приподнялся над сопкой.

На перевале Андрей облегченно вздохнул. Чувство высоты и бескрайнего простора овладело им: куда ни хватал глаз — переливалась и све-

тилась тайга. Под ногами лежала гигантская подкова реки, очерченная темными берегами. На противоположном берегу виднелись смоляные стволы дымов: до таежного села Шаманова оставался час пути.

Уже третьи сутки спешил Андрей в это село из Киренска. Бежал с короткими передышками, страшась каких-либо случайностей, а больше всего перехвата. Теперь уже ничего не может случиться; Андрей снял рукавицу и нащупал за пазухой бумажный пакет. Пакет был тверд и холоден, как жель, пальцы сразу озябли.

— Скорей, скорей! — подбодрил себя юноша и тронулся с места.

Лыжи с повсестом несли его между камней, солнечные искры подпрыгивали на снегу, кедры стремительно скользили навстречу.

Часовые задержали его на околице Шаманова. Гнедобородый партизан в тулупе отобрал пакет и, не слушая возражений, веско сказал:

— Ты, шшенок, видать, колчаковец. Морда у тебя не деревенская, в каталажку придется сунуть...

— Пакет надо немедленно передать товарищу Бурлову. Смотри, борода, как бы тебе не влетело за меня...

— Экая важнецкая птица! — Партизан повертел пакет в заскорузлых пальцах. — Так, говоришь, из Киренска? А что в пакете?

— Тебе знать не положено.

— Молчи, шшенок! Мне читать без надобности, я грамоте не учен. Шагай вперед, не оглядываясь. Сенька, сторожи тропу! — приказал партизан подчаску и повел Андрея к воротам большого, крытого тесом дома.

У ворот стояли кошевки и сани с пулеметами, патронными ящиками, оленьими тушами, ку-

лями мерзлой картошки. По двору ходили партизаны с ружьями за спиной, с охотничьими ножами за поясом. Угощали друг друга самосадом, беседовали о каких-то непонятных Андрею вещах.

— Присмотри за парнишкой, — попросил партизан часового и скрылся в сенах.

Часовой безразлично скользнул взглядом по Андрею; тот остановился в сторонке, спокойно улыбаясь и щурясь от солнца. «А бдительные, черти, — удовлетворенно подумал он о партизанах. — У Бурлова, у Николая Ананьевича, раззявой не будешь».

— Где он, где?! — раздался громкий требовательный возглас; дверь распахнулась, на крыльцо выскочил высокий чернородый мужчина.

В меховой куртке-безрукавке, оленьих торбах, дышащий избытком теплом, метнулся к Андрею. Прижал его к груди, потащил на крыльцо.

— Ты на партизан не серчай, сам знаешь, время военное. Айда в избу, заколел на морозе-то, — возбужденно и радостно сказал Бурлов.

В чистой, с крашеными полами горнице за обеденным столом сидел худой, длиннолицый парень и добродушными глазами смотрел на Андрея, снимавшего полушубок.

— Моренков, начальник штаба, — он протянул Андрею руку. — Садись к столу, грейся чайком.

Моренков проговорил так мягко и задушевно, что Андрей сразу почувствовал к нему симпатию.

— Ты его покорми Федя, а я пакетом займусь. — Бурлов разорвал пакет, вынул стопку папиросной бумаги, густо усеянной лиловой машинописью. — Приказ командующего Северо-Восточным фронтом Зверева. Оперативная сводка Главного штаба. Ага, телеграммы...

Андрей с наслаждением пил крепкий кирпичный чай, поглядывая на изуровненные морозом окна, на распаренную от духоты физиономию Моренкова. Начальник штаба партизанской дивизии был старше Андрея года на четыре, а Андрею шел восемнадцатый. В этом возрасте особенно хочется неожиданного и необычного; Андрей, два года живший в постоянных тревогах и опасностях, уже привык к ним и считал все происшедшее естественным. Теперь он ждал чего-то исключительного, каких-то невероятных событий, которые надвигались с неудержимой быстротой...

— Ну и бумажки ты приволок! — шумно вздохнул Бурлов, наваливаясь грудью на край стола. — Сам-то, наверно, не знаешь, что тащил?

— Откуда же мне знать, Николай Ананьевич. Товарищ Зверев предупредил: «Умри, а доставь!» Я и спешил, и спешил...

— Тебя колчаковцы за эти документки сперва расстреляли бы, а потом повесили. А ты молодец, парень, шел, не боялся.

— Не боялся, потому что не знал.

— Преаделенно молодец! Вот если все партизаны были такими сорванцами! — похвалил Бурлов, и светлые искорки промелькнули в его карих глазах.

Бурлов, выросший в бирюсинской тайге, говорил на местном диалекте.

— Ладно! Вот какие дела, ребята.

Бурлов снова взял папиросный листок и прочитал, четко выговаривая слова:

— «Оперативная сводка Главного штаба Северо-Восточного фронта Сибири.

Верхне-Ангарское направление: наши войска продвигаются к Иркутску. Якутский тракт очищен от белых.

Балаганское направление: наши войска вышли на линию Балаганск и соединились с войсками Ангарского фронта.

Илгинское направление: на реках Илге и Осе. Здесь мы успешно продвигаемся вперед, противник не встречается.

Из официальных источников: в Иркутске взорван понтонный мост через Ангару. Чехословаки от помощи Колчаку категорически отказались. Требуют спешного выезда во Владивосток: Иркутский гарнизон готовится к выступлению против Колчака.

На остальных фронтах без перемен, идет успешное формирование добровольческих отрядов Красной Армии...»

— У меня в башке будто свет включили, — рассмеялся Моренков, выслушав оперативную сводку. — Сразу понял, где мы колчаков лупим.

— Для того и читал, чтоб у тебя в башке распогодилось, — пошутил Бурлов.

— Теперь соображай, — Бурлов перешел на серьезный тон. — Колчак теряет силы. Колчак и золотой эшелон движутся к Иркутску. Скоро они будут в Тулуне. Что отсюда следует?

— Понял! — весело ответил Моренков.

Андрей растянулся на широкой крашеной лавке, но уснуть не мог. Нервное возбуждение и предчувствие необычных событий все сильнее овладевало им. Прошло лишь сто дней, как появился он в незнакомых приангарских лесах, и каждый день был удивительным, неповторимым.

Неужели все это было? Неужели год назад он — ординарец Азина — был послан из Екатеринбург в Омск для связи с большевиками-подпольщиками? Как странно, что он ходил по столице верховного правителя, разбрасывал листовки среди его солдат. И были у него ночные встречи с подпольщиками в рабочем предместье Куломзино. И неужели тогда его, желторотого юнца, принимали в комсомол. И он давал клятву быть верным знаменам революции. И неужели был тот проклятый зимний день, когда провокатор выдал большевиков страшному колчаковскому управлению полевого контроля. Неужели существовал «эшелон смерти», переполненный комиссарами, красноармейцами, советскими работниками. Поезд, тащившийся от Иртыша до байкальских берегов, останавливающийся на полустанках лишь для того, чтобы выбросить под откос мертвецов. Неужели Андрей сидел рядышком с бывшим царским поручиком Даниилом Евдокимовичем Зверевым — нынешним командующим Северо-Восточным фронтом Сибири? И тут же находились друзья-большевики, и шли тихие разговоры о том, что при любых условиях надо вырваться из «эшелона смерти».

И неужели было то утро, когда заросшая плесенью вагонная дверь, закрежегав, пошла вбок, в открытый проем хлынул синий плотный свет. И теплушку сразу наполнили запахи байкальской воды, смолистого кедра, горного ветра. И дохнуло еще чем-то неизъяснимо-сладостным, но недоступным — свободой.

Андрей, ослепленный водой и небом, оглушен-

ный ревом прибоя, подгоняемый окриками часовых, выпрыгнул на влажный песок. Он почти упал на руки Зверева; тот, перехватив его ладонь, предупреждающе пожал ее. Андрей сообразил: «Условный знак: что бы ни случилось — держись!» Песок с полукружьями пузырчатой пены уходил из-под ног, густая синяя пелена Байкала приподнималась к горизонту. Андрею же хотелось одного — исчезнуть, раствориться в головокружительной синеве.

А из вагона все прыгали арестанты. Они походили на грязные бесплотные тени. Их строили по пятеркам; светлый берег стал черным от этих страшных теней. На них хищно глазели рыльца пулеметов; в сторонке, покуривая, стояли колчаковские офицеры. «Кажется, конец. Расстреляют», — вяло думал Андрей.

Колчаковский офицер, в ладно пригнанном английском мундире, подошел к толпе арестантов и сочным, почти торжественным голосом отчетливо:

— Граждане! Люди русские! Правительство адмирала Колчака заявляет: с каждой новой загубленной жизнью земля лишается своего пахара, завод — рабочего, родина — гражданина. Чем сильнее мы обескровливаем Россию, тем ниже опускается она в глазах других народов. Когда-то гордое имя русского вызывает теперь общее презрение. Русские, очнитесь! Русские, против своей воли ставшие слепым орудием большевиков, опомнитесь! Правительство адмирала Колчака прощает вас. Оно дает вам возможность искупить вину и добровольно вступить в ряды белой армии...

Офицер энергично рассек рукою воздух и на минуту смолк. Андрей смотрел на его большой рыбий рот, на крупный обвислый нос, слушал сухие, отполированные фразы, но не воспринимал смысла сказанного. Офицер снова заговорил:

— Я, командир отряда особого назначения Мамаев, заявляю: кто добровольно вступит в мой отряд — немедленно получит свободу. Никто не упрекнет его в прошлом, не обвинит в предательстве. Не стану скрывать цели отряда: мы немедленно отправимся на Ангару, чтобы покарать красных бандитов, называющихся партизанами. Желающие вступить в отряд отходят направо, нежелающие — налево...

Первым шагнул направо поручик Зверев. Никто, кроме горстки большевиков из его, Зверева, вагона, не знал, почему он шагнул направо. И никто не знал, почему большевики последовали за ним. Андрей тоже не знал, но поступил как Зверев и товарищи по вагону.

И опять было утро — лесное, зеленое — в приангарской деревушке Паново. Поручик Мамаев привел свой отряд для расправы с партизанским отрядом Бурлова и восставшими рабочими небольшого Николаевского завода.

Колчаковские власти одели карателей в новенькие английские мундиры, дали им американские винтовки «ремингтоны», французские пулеметы «митральезы». Поручик Мамаев верил, что вчерашние большевики и красноармейцы, спасая себя, будут расстреливать и вешать восставших.

В Панове Мамаев узнал, что партизаны Бурлова скрываются в ближних лесах. Оставив в деревне часть отряда, поручик выступил против партизан. Едва Мамаев покинул деревню, Зверев

поднял восстание. Восставшие арестовали унтер-офицеров и объявили себя партизанами, а командиром отряда выбрали Даниила Зверева.

Новоявленные партизаны бросились в погоню за Мамаевым: поручик был схвачен и расстрелян. Зверев направил к Бурлову письмо.

Это письмо сочинил Андрей. «Мы, бывшие красноармейцы из «эшелона смерти», оставшиеся верными пролетарским идеалам, убили своих офицеров и сделали переворот. Счастливы, что снова встали под родные нам красные знамена».

Андрею же пришлось везти письмо.

С таежным охотником мчался он на вертявой лодчонке по Ангаре. Мелькали водороты, береговые обрывы, солнце путалось в кедрах, призывно и гулко шумела зеленая тайга. Положив на колени «ремингтон», Андрей сидел в лодке, притихший, покоренный могучей силой тайги. Как на Байкале, так и сейчас на Ангаре не понимал он исключительности совершавшихся событий. Сорок одного партизана насчитывал отряд Зверева, но еще меньше было у Бурлова. Жалкая горсточка красных в колчаковском тылу! Разве мог вообразить юноша, что через три месяца их крошечный отрядик превратится в многотысячную партизанскую армию, защищающую Советскую власть на просторах Восточной Сибири?..

Андрей оторвался от воспоминаний, посмотрел в окно: морозные цветы на стекле мягко и желто лоснились. На улице раздавались громкие голоса, скрипели сани, ржали лошади.

При дымном свете луны партизаны выступили из Шаманова.

Бурлов и Андрей ехали в просторной кошке, набитой сеном. Андрей опирался спиной на самодельную пушку. Рядом шагал Моренков и говорил посмеиваясь:

— Не будет толку от этого чудища! Разорвет с первого выстрела. Из водосточной трубы пушку сварганить — это же курам на смех...

— Пределенно разорвет, да не хотелось шамановских кузнецов обижать. От души старались. «Пусть, — говорят, — белки знают, что и у партизан — пушки». — Бурлов тоже выскочил из кошевки. — Погреться надобно, морозце-то под пятьдесят.

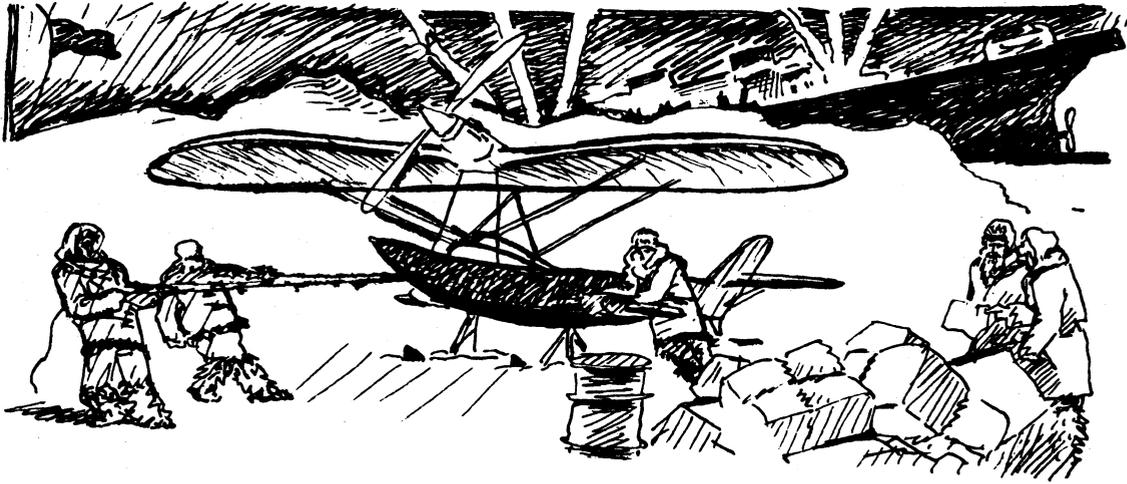
В тонкой, с оборелыми полями шинели, в зачехленной шапке, в старых, растоптанных валенках — одежда командующего Окинским фронтом ничем не отличалась от одежды партизан.

Сын политкаторжанина, рожденный на берегу сибирской речки Бирюсы, с детства друживший с охотниками и рыбаками, рабочими золотых приисков, он стал большевиком в год колчаковской диктатуры и пользовался среди партизан особым, нравственным авторитетом. Ему верили, как верят в справедливость, в нем нуждались, как нуждаются в хлебе.

Три месяца назад Бурлов начал партизанские действия, и было с ним тринадцать товарищей. Сейчас под командой его полторы тысячи бойцов: власть Бурлова распространяется от Братска до Тулуна. В колчаковском тылу восстановил он Советы; под его ударами панически отступают регулярные войска адмирала.

Теперь Бурлов спешил на Тулун, чтобы захватить самого верховного правителя.

Окончание следует.

Кир. БУЛЫЧЕВ

Рисунок В. КОРОВИНА

САМОЛЕТ С «ЧЕЛЮСКИНА»

Страница ледовой эпопеи

Маленький двухместный самолет-амфибия Ш-2 звался «Шаврушкой». Так его все называли на «Челюскине». «Шаврушка» стояла на палубе, и при каждой остановке «Челюскина» самолет поднимался с разводьев, чтобы выяснить ледовую обстановку.

А обстановка становилась тяжелее с каждым днем.

Наконец наступил день, когда «Шаврушке» стало неоткуда взлететь. Со всех сторон к «Челюскину» подступали ропаки и торосы, а узкая полоса воды за кормой немедленно затягивалась битым льдом. И все же пилот Бабушкин решил подняться еще раз — а вдруг впереди чистая вода?

Клочок ровного льда был так мал, что набрать скорость на нем самолету было не под силу. Бабушкин попытался поднять «Шаврушку» вверх, но, ударившись брюхом о торосы, она проползла несколько метров и застыла, завалившись на крыло.

Пилот и бортмеханик выбрались на лед. Оба остались целы. С машиной дело было хуже. Проще было построить новую машину, чем чинить эту. Но другой машины на «Челюскине» не было.

«Шаврушка» была глазами корабля, всех ста четырех челюскинцев. И самолет стащили в трюм. Его склеивали и шивали заново. Не было авиационного клея — эмалита, его заменили столярным, вместо перкала для крыльев использовали простыни и портянки. Клей не застывал на холоде. Тогда из кают принесли камельки и

обставили ими самолет. Лыжи и поплавки вытаскивали из бревен и вырезали из фанеры. Восемь дней все механики и слесари работали без отдыха. На девятый машину вытащили снова на лед.

Но опять не повезло. Как только Бабушкин завел мотор, налетел шквал и пришлось поднимать «Шаврушку» обратно на борт.

Тянули всем экипажем, но как только самолет поднялся над бортом, шквальный ветер развернул его и, ударившись в плоскости, как в парус, разбил машину о мачту.

Остатки ее снова опустили в трюм. Челюскинцы не собирались сдаваться. Еще шесть дней горели в трюме камельки, и жены зимовщиков кроили портянки и нашивали заплатки на склеенные крылья. Наконец самолет снова подняли на палубу. К этому времени пароход уже напрочь вмерз во льды у мыса Сердце-Камень...

Наступил день, на исходе которого радист Кренкель отлучал в эфир: «Челюскин», раздавленный льдами, затонул.

Сначала спасали продукты, научные приборы, стройматериалы, горючее. А когда ушел нос корабля почти совсем ушел под лед, Шмидт отдал приказ спасти зеленую амфибию. Самолет нельзя было оставить, он уже стал для челюскинцев как бы членом экипажа. «Шаврушку» снесли на лед на руках. Это было сделать не трудно — не надо было даже перешагивать через борт — льдына была в уровень с ним.

Жизнь в ледовом лагере налаживалась. Большая земля сообщала — приближаются самолеты спасательной экспедиции. Челюскинцы готовили во льдах аэродром, и на нем уже стояла амфибия с тремя спасенными бочками авиационного бензина и бидоном летнего масла — касторки.

Прилетел первый из летчиков-спасателей — Ляпидевский. Забрав женщин и детей, он ушел к Ванкарему и оставил, сколько мог, зимнего масла. Потом месяц не было самолетов. Казалось, природа делает все, чтобы спасатели не добрались до челюскинцев.

Но каждый день Бабушкин с бортмехаником Валавиным выходили утром к «Шаврушке» и залезали в ее израненное нутро. Масло, оставленное Ляпидевским, смешали с касторкой. Теперь мотор кое-как заводился, хотя еще и не давал нужных оборотов. А лететь нужно было, и не только для того, чтобы спасти маленькую машину, но и чтобы сохранить веру в себя.

Второго апреля немного потеплело. В пробный полет над ледовым лагерем с Бабушкиным поднялся Шмидт. Самолет еле тянул, но звук его мотора заставлял людей поднимать головы, улыбаться — «Шаврушка» держалась в воздухе... Когда машина спустилась на льдину, Шмидту и Бабушкину стало ясно: лететь можно.

Не дождавись подтверждения погоды из Ванкарема, Бабушкин с Валавиным взяли курс на Большую землю...

«ПРИВИДЕНИЯ» МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

Шел шестьдесят пятый год. Двое солдат-американцев с авиабазы острова Гуам, на Марианах, отправились на противоположный берег острова через джунгли. Дорога вскоре перешла в тропу, тропа — в стезжку, а та — в едва различимый след. Пальмы-лонтары крышей сомкнулись над головой. И тут за спиной у солдат раздался шорох. Оглянувшись. Из-за дерева выступил совершенно голый человек с одичалыми глазами, в руке он держал зазубренный самурайский меч. Когда с американцев сошли испуг и удивление, они увидели, что дикарь едва стоит на ногах и скорее опирается на свое оружие, чем грозит им. Здоровые солдаты без труда обезоружили его и повели на базу. Незвестный за все время не проронил ни слова. В штабе он тоже молчал и лишь затравленно озирался.

Тут допрашивавшим вспомнились рассказы местных жителей о том, что в джунглях им не раз случалось наталкиваться на привидения. А иногда в сумерках эти призраки подкрадывались к деревне, чтобы стащить курицу или пару клубней таро. На место поимки «привидения» был отправлен уси-

ленный патруль — дюжина морских пехотинцев с карабинами. Раз и еще раз прочесав местность, они поймали еще одного исхудалого человека. Тот прятался на дереве и, когда его окликнули, выстрелил, но тут же от волнения уронил винтовку.

В штабе базы врач, осмотрев его, долго качал головой: «призрак» был в крайней степени истощения, непонятно, в чем держалась душа. Неожиданно он заговорил, похоже, по-японски. Бросились искать переводчика. Когда переводчик появился, «призрак» встал и заявил, что... сдается в плен.

Выяснилось невероятное: оба пойманных — японские солдаты, брошенные на острове своими офицерами в конце второй мировой войны.

«Привидения» с Гуама не единственные последние солдаты минувшей войны. В первые десять лет после сорок пятого года было обнаружено больше полусотни японских солдат и офицеров на Филиппинах, в Индонезии, в Полинезии. Некоторые из них просто не знали о капитуляции армии микадо. Они жили в джунглях — в заброшенных деревушках, в хижинах на берегу моря и, наконец, просто в лесу.

12 августа 1961 года сержант Масаси Ито в течение двух часов держал оборону высоты на острове Сайпан. Раненный в руку, он был взят в плен и только тогда понял всю бессмысленность своего неистовства.

Капрал Кайсики Киси, оставшийся на острове Моротай во главе отделения, ежедневно заставлял девятерых своих подчиненных чистить оружие, а затем гонял их строем в течение двух часов по лесной поляне. И так — десять лет, до весны 1956 года, когда на них набрел канадец-энтомолог.

Одна из самых необычных судеб выпала на долю некоего Мирору Нода, обнаруженного на Новой Гвинее. Брошенные в 1943 году на произвол судьбы, восемь японских солдат полгода бродили по джунглям, пока не добрались до деревни Гуфу. Местные жители, папуасы, считают, что умершие возвращаются на землю, сменив свой облик. Вождь деревни незадолго перед этим потерял сына и, увидев Нода, кинулся к нему в слезах: «Рингари! Рингари!..»

Пять лет Мирору прожил в доме вождя на правах сына. Вместе с ним в деревне жили еще двое бывших солдат. Но однажды в деревню прибыл отряд австралийской полиции. Заметив японцев, они допросили их и увели с собой, оставив в деревне безутешного вождя, вторично потерявшего сына, на сей раз — уже навеки... Мирору рассказал об этой истории в газете, выходящей в его родном городе Нагасаки. Вернувшись домой, он отправился на кладбище поклониться собственной могиле: его родители, считая сына погибшим, сделали ему символическую могилу.

Унтер-офицеры Хироо Онода и Сигейши Ямамото прибыли на Филиппины в начале сорок пятого года, когда судьба войны была уже решена. Ямамото получил приказ обосноваться на острове Миндоро и ждать указаний; Онода был отправлен на другой остров.

Прошло несколько месяцев. По слухам, война уже закончилась, но никаких подтверждений Ямамото не получил. Унтер сказал своему взводу, что они должны ждать. Ждать, закрыв глаза на реальность. Ждать не рассуждая.

Японцы разбили лагерь на горе Аймитан, где нашли довольно просторную сухую пещеру. Затем обменяли кое-что из амуниции и обмундирования на орудия труда, расплахили четыре участка, посадили сахарный тростник, ананасы, бананы, табак,

СКОРО ФЕСТИВАЛЬ!

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция журнала «Вокруг света» проводит конкурс, посвященный IX Всемирному фестивалю молодежи и студентов «За солидарность, мир и дружбу», который состоится с 28 июля по 6 августа 1968 года в столице народной Болгарии — Софии.

Участники конкурса должны ответить на три вопроса и выполнить задания:

1. Что вы знаете об истории Всемирных фестивалей молодежи и студентов, в каких странах, когда и под какими девизами они проходили! (Расскажите о самых длинных маршрутах, которыми следовали на фестивали их участники, какую страну они представляли, сколько времени находились в пути, какое расстояние преодолели и какими средствами передвижения пользовались! Если вам запомнился какой-либо эпизод трудного и опасного пути молодых борцов за мир и дружбу народов на один из Всемирных фестивалей, приведите его.)

2. Когда была создана Всемирная федерация демократической молодежи — ВФДМ, каковы ее задачи, какие молодежные организации она объединяет! (Расскажите об известных вам примерах солидарности, взаимной помощи молодежи разных стран в борьбе за мир, свободу и национальную независимость.)

3. Народная Республика Болгария — страна IX Всемирного фестиваля «За солидарность, мир и дружбу». Что вы знаете о героической истории ее народа! (Приведите примеры братской дружбы народов Советского Союза и Болгарии, расскажите об участии болгарской молодежи в строительстве социализма.)

За лучшие ответы и наиболее интересные рассказы, очерки, воспоминания установлены премии:

первая премия — туристская путевка в одну из социалистических стран;
три вторые — путевки в международный молодежный лагерь «Спутник»;
пять поощрительных премий — годовая подписка на журнал «Вокруг света» на 1969 год.

Письма на конкурс посылайте по адресу: Москва, А-30, Суцевская ул., 21, редакция журнала «Вокруг света», не позднее 30 июня 1968 года (по отметке штемпеля на конверте).

Не забудьте указать свою фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, а также сделать на конверте пометку: «НА ФЕСТИВАЛЬНЫЙ КОНКУРС».

лук, чеснок, завели свиней и кур. До пятидесятих годов отделение Ямамото вело в полной безвестности свое натуральное хозяйство, по-прежнему ожидая распоряжений. В мае 1953 года эпидемия малярии сократила личный состав отделения с десяти человек до двух. В пятьдесят восьмом году рыбаки с соседнего острова, высадившиеся на глухом берегу Миндоро набрать воды, увидели двух людей, собиравших ракушки и креветок. Рыбаки сообщили о странных людях, обряженных в лохмотья японской военной формы, в полицию, откуда дали знать в Манилу, в японское посольство. И вот в самом конце пятьдесят восьмого года представитель посольства прибыл в лагерь своих соотечественников.

Вернувшись на родину, Ямамото с удивлением узнал, что второй унтер — Онода — успел приобрести широкую известность, правда особого рода. Онода скрывался в джунглях острова Лубанга и со своими тремя солдатами жил откровенным разбоем. Отправленный микадо далеко от Японии утверждать его «божественную власть», он вел себя как мародер в завоеванной стране. 27 февраля 1958 года унтер-офицер напал на деревню Калинга, убил четырех мужчин и ограбил общественный амбар. Филиппинские жандармы начали методически выслеживать

бандитов. Возмущенные жители требовали взять их живыми или мертвыми. Но — удивительное дело — на родине Онода милитаристские круги представили дело как «травлю заблудившихся в джунглях японцев». Две правые токийские газеты даже начали сбор подписей за амнистию Оноды и его подчиненных.

Между тем поиски, предпринятые филиппинскими жандармами, не возымели результатов. В 1961 году пришла весть о новом нападении, и опять «привидения» не были найдены. Правда, год назад полиция натолкнулась в лесу Лубанга на брошенную стоянку, где у кострища валялись лоскутья формы цвета хаки. И все...

Кто знает, может и поныне на каком-нибудь тихоокеанском острове все еще остервенело «воюет» человек, считающий себя императорским солдатом. Человек, считающий, что выполняет свой долг и поэтому снявший с себя ответственность за свои поступки, безгласный «призрак». Воюет, добровольно вычеркнув себя из списков живых, как смертник — камикадзе, с той только разницей, что его смерть растянулась на десятилетия.

М. СЫНЕВИН

САМЫЕ НАТУРАЛЬНЫЕ СЛЕЗЫ

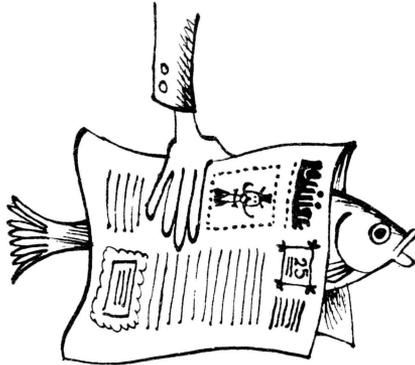
В парижских магазинах недавно появились в продаже носовые платки, пропитанные слезоточивым веществом. Выпустившая их фирма усиленно рекомендует прикладывать свое изделие к глазам на похоронах богатых родственников и при посещении налогового ведомства. Впрочем, многие авторитетно утверждают, что в налоговом ведомстве и без платка заплачешься.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

РЫБНАЯ ПОЛИТИКА

Один продавец рыбы в Рио-де-Жанейро сильно расширил свою клиентуру. Оказалось, что дальновидный коммерсант учтиво осведомлялся у своих клиентов об их политических симпатиях, а затем заворачивал покупку в газету соответствующей ориентации.

ОДНА НОГА ЗДЕСЬ, ТРИ — ТАМ

Что только не таскал Джорджи! И картофель — по четыре килограмма за раз, и молоко — по четыре бутылки, и пиво — всего не перечислять. На полуострове Лабрадор торговцы хорошо знают Джорджи и с легкостью доверяют ему доставку заказов, сделанных по телефону.

Лишь одно качество разносчика беспокоит хозяина: Джорджи завел себе несвободное «хобби» — прыгать с покупками через кирпичные ограды садов. Да и какая собака выдержит монотонную, лишнюю всякого творчества работу! К тому же надо сказать: до сих пор срывов у Джорджи не было.

НОВЫЙ ПОЛИКРАТ

Другие рыбаки ловят рыбу — и все тебе! Не то англичанин Джервис. Может быть, и он был бы рад ловить только рыбу, но судьба неустанно балует его. То в его сеть попадет древняя монета, то странная бутылка. А однажды Джервис выловил зуб монета. Поскольку с рыбой в этот день было не густо, Джервис в сердцах выбросил находку за борт, предварительно нацарапав на ней свое имя. Было это двенадцать лет назад.

Недавно, выбирая сети, Джервис обнаружил в них странный предмет — очистил его от ракушек и — о чудо! — это был все тот же зуб!

А с рыбой не везет по-прежнему...

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

Тринадцатилетняя шведская школьница Карин Ларссон получила приз за самое оригинальное короткое сочинение. Вот оно: «Сократ был греческим философом. Он ходил среди людей и давал им хорошие советы. За это они его отравили».

ДЛЯ УДОБСТВА ОРЛОВ

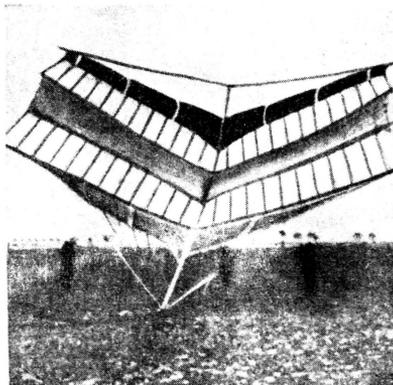
В некоторых местах ГДР на мачтах высокого напряжения устанавливают сейчас специальные корзины. Для чего? Чтобы в них могли устраиваться на жительство речные орлы. Орнитологи установили, что лишь в округе Нойстрелиц половина потомства этих редких птиц вывелась в подобных гнездах, устроенных людьми на стальных мачтах. Надо полагать, подарок орнитологов пришелся по душе пернатым.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1912 год.

ЗМЕЙ, ЗАМЕНЯЮЩИЙ БАЛЛОН-КАПТИВ

Берлинцем Вейдертом изготовлен большой складной змей, имеющий 12 метров высоты и 66 квадратных метров поверхности. Приготовленные к пуску требуют не больше 10 минут. К змею приделана корзина, в которой изобретатель поднимался на 400 и 500 метров со взрослыми и детьми. Цель змея — служить заменой баллон-каптива. В Англии, Франции, Италии и России при войсках уже введены такие змеи. Они очень удобны, так как для перевозки требуют всего две повозки.

«ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ НИАГАРА»

Всем известен вред, наносимый градом земледелию.

Что только не выдумывали люди, чтоб отогнать градоносные тучи, даже в них стреляли, уверяя, что волны воздуха, встревоженного выстрелом, развеют тучи или заставят их пролиться дождем раньше, чем град успеет образоваться. Но эти градовые мортиры, представляющие массу хлопот и издержек, тем не менее ошутительного успеха не достигают.

Гораздо успешнее борьба с градом пошла по изобретению графом Божомом и генералом Негрие градоотвода, построенного по образцу обыкновенных громоотводов. Оба изобретателя заметили, что град редко падает в тех местностях, где существуют громоот-

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Директор цирка в американском городе Карригтон, руководствуясь благой целью — привлечь зрителей, не баловавших цирк вниманием, повесил объявление: «Сегодня вход бесплатный!» Естественно, что народ валом повалил в цирк. Но по окончании представления у выхода зрителей дождалось несколько неразговорчивых молодцов атлетического телосложения. Они жестом указывали всем на вывеску: «Выход — три доллара».

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

„Пятьсот долларов тому, кто укажет преступника, похитившего крупную сумму в здании суда в городе Рио-Ариба!» — гласило объявление губернатора американского штата Нью-Мексико.

Через некоторое время в полицию явилась некая миссис Мартинес, которая сообщила, что может точно назвать вора. Кражу совершил ее сын, адрес такой-то.

Блюстители закона обрадовались, но потом приуныли — ведь по законам штата одного свидетеля недостаточно для возбуждения дела.

Вот так к долларам, украденным сыном, любвеобильная матушка добавила еще пятьсот монет, честно заработанных по объявлению.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ФУТБОЛЬНОЙ УДАЧИ

Ирландский клуб «Портланд Роверс» — единственная в мире футбольная команда, играющая в галстуках. Таково уж было условие одного болельщика, завещавшего клубу кругленькую сумму.

воды. И вот они устроили особенно сильный громоотвод, прозванный ими «электрической Ниагарой».

В настоящее время вся Франция разделена на участки, на которых устанавливаются громоотводы.

Весь западный и южный берег, а также франко-германская граница уже уставлены громоотводами на расстоянии четырех-пяти километров один от другого. Громоотвод состоит из коробки с острыми, сделанными, как и громоотвод, из электролитной меди, и устанавливается на высоте 40 метров от земли, чтобы быть выше деревьев. Замечено, что в тех домах, над которыми установлены громоотводы, обитатели чувствуют себя здоровее, нервные люди успокаиваются, и кухарки уверяют, что провизия дольше не портится, а супы не киснут даже в жаркое время года.

НА СЕДЬМОМ НЕБЕ

Шестую годовщину своей свадьбы жители Пенсильвании Гарри Хеллмен и его жена отметили поцелуем. В этом факте нет ничего удивительного, разве что небольшая деталь: супруги поцеловались между небом и землей, в свободном падении на высоте трех километров.

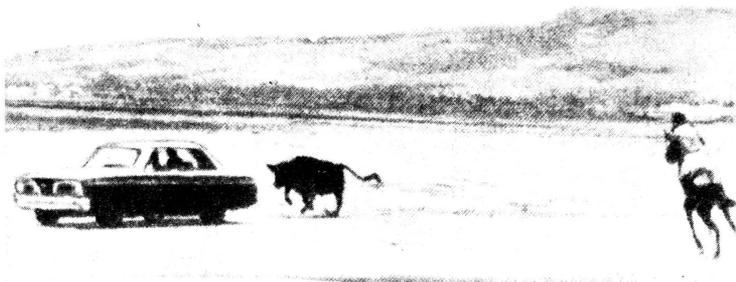
НА ПЕНСИЮ — В ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Именно в таком возрасте пошел на пенсию некий Дж. Грейм. В мае 1966 года он вступил добровольцем в артиллерийский полк. Однако военная форма цвета хаки преподнесла ему неприятный сюрприз. Он заболел, и врачи установили, что юноша аллергичен к этому цвету. Его освободили от службы в армии и назначили небольшую пенсию. Британцы говорят по этому поводу, что в Англии существует еще немало людей, не выносящих военной формы. Неплохо было бы выдать вознаграждение и им...

КОРРИДА С АВТОМОБИЛЕМ

Бык спокойно ехал на грузовике, не подозревая, что его отправляют из Мексики в Венесуэлу. Путешествовал он в первый раз и потому не знал, что туристы должны быть готовы ко всяким неожиданностям в пути. Когда на дороге появился автомобиль красного цвета, бык, воспитанный в лучших традициях корриды, соскочил с грузовика и яростно атаковал его. Разъяренное животное пришлось, увы, укротить пулей.

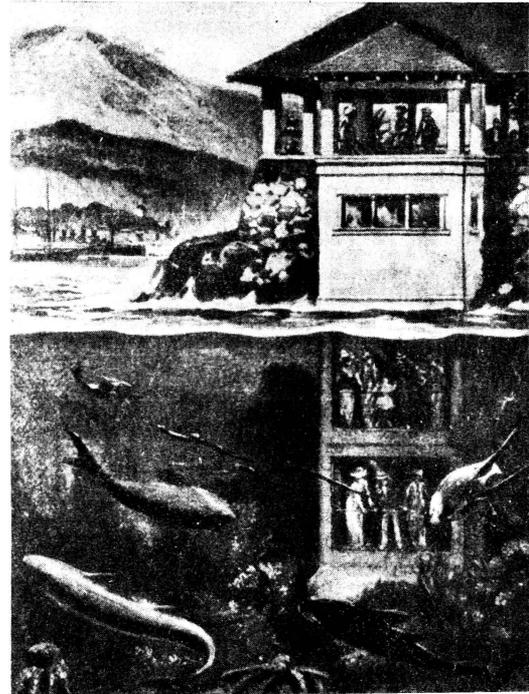
ПРЕЛЕСТИ КОМФОРТА

В одном из отелей канадской провинции Квебек до сих пор висят на стене правила, введенные хозяином еще в 1882 году. Они гласят: «Перед тем как ложиться спать, обязательно снимайте сапоги и башмаки, подби-

тые толстыми гвоздями. Убедительно просим всех гостей вставать до шести часов утра, так как простыни нужны к завтраку как скатерти». Хозяин считает, что чтение этих правил позволяет лучше оценить прелесть современного комфорта в его заведении.

ПОДВОДНЫЙ ПАВИЛЬОН ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЯ ЖИЗНИ МОРЯ

Наблюдение над жизнью, нравами и обычаями обитателей морских глубин представлялось до сих пор, при всем своем интересе, почти недостижимым. Но в настоящее время благодаря остроумным приспособлениям и морская глубина стала доступной для человеческого глаза. В Гонолулу один предприниматель построил на крутой скале, спускающейся в море, павильон, два нижних этажа которого, сплошь состоящие из толстого стекла, представляют прекрасное подводное помещение. Надеются, что морское население, привлеченное богатой выбрасываемой приманкой, позволит на себя любоваться вдоволь.

В нашу автомобильную эру мы чаще всего встречаем ежей посреди шоссе в виде сплюснутых колобков. Эта странная мутация отнюдь не была запрограммирована Природой, а просто является следствием, увы, недостаточного приспособленчества, столь распространенного в наши дни. Еж рассчитывает проколоть шины своими иголками. Однако надежды приходится хоронить...

Эти печальные происшествия на дорогах тем более странны, что колючее четвероногое приняло со-

полнил заключение о смерти. И напрасно. Еж только чихнул и как-то зябко повел иглами.

Кстати, об иглах, раз уж зашел о них разговор. Если верно, что стиль делает человека, то иглы делают ежа. Шагающий еж похож на перевернутую платяную щетку. Причем необычайно щетинистую — в среднем по пятнадцать иголок на квадратный сантиметр. Настоящие заросли — маки, где, защищенные от чesания, бродят батальоны блох. Рядом с ежом последний шелудивый пес окажется столь же необитаем, как пустыня Гоби.

Иглы, несмотря на внешнее не-

немного коротковаты. А так есть всё, даже хвостик сантиметра в три длиной. Остроносая мордочка, подвижные уши, редкие усы. Эта симпатичная внешность не обманывает ожиданий: под ней кроются внутренности великолепных достоинств — суперкишечник, образцовая печень, большой язык. Зато спинной мозг у него ультракороткий, а головной украшен всего одной извилиной на каждое полушарие.

Интересующиеся ежом долго гадали, почему у него все время висит капелька на кончике носа. Его уже готовились отнести к боль-

КОЛЮЧИЙ ИНДИВИДУАЛИСТ

удобство, надо сказать, очень практичны. Это абсолютное оружие. Еж пользуется им даже в тех редких случаях, когда ему доводится упасть с высоты: иглы прекрасно справляются с ролью амортизационной подушки.

Но иглы редко идут в ход в качестве орудия нападения. Первое инстинктивное движение ежа — застыть, свернуться недоступным клубком.

Вот почему ежи увеличивают статистику жертв дорожных катастроф. Услышав рокот мотора, еж мог бы спокойно удалиться, благо юркие ножки позволяют ему развить скорость до 10 км/час. Но он храбро выставляет шипы. Вот так и гибнут упрямы...

И вот так ошибочно делаются выводы. Дело в том, что нет большего индивидуалиста, чем еж. Невозможно делать четкие выводы о его поведении. Иногда, скажем, отвергая все традиции, ежи в случае опасности наостряют лыжи.

Ох, уж эти иглы! Не будь их, можно было бы легко добраться до ежа и рассмотреть, как он выглядит в натуре. А то ведь развернуть колючий комок не под силу даже крепкому мужчине, настолько мощны у ежа спинные мышцы. Только вода заставляет его инстинктивно разжаться.

Кстати, говорят, эту слабость ежей отлично использует хитрый Лис, наловчившийся орошать колючего строптивца. Но пуще всего еж боится барсука, который подрывается и переворачивает его.

В перевернутом виде еж тоже совсем не плох. Разве что ножки

ним хроническим насморком, когда вдруг обнаружили, что эта его особенность находится в прямой связи с великолепнейшим обонянием. У сухого носа никакой хватки, а с влажным носом еж может дать сто очков вперед самому натасканному сеттеру.

А слух ежа! Его евстахиева труба улавливает малейшее шепуршение насекомого в траве. Он слышит, как улитка выпускает рожки. И если хищник, увидев его где-то далеко, только облизнется, еж ужестораживает уши. Если же вы, к примеру, решите сфотографировать ежа в состоянии зимней спячки, он вздыбит иглы при первом щелчке затвора.

Короче, твердая пятерка по слуху и обонянию. Зато беспросветная двойка по зрению. Еж побивает все рекорды близорукости. Прodelайте-ка такой опыт: позовите своего ручного ежа из дальнего угла комнаты. Он знает свое имя, знает, что если зовут, — будет что-то вкусненькое, и бежит. Но бежит к первому попавшемуся предмету — к стоячим часам или к буфету. Если вы позовете его еще раз, он натолкнется на кресло Людовика XV или на роуль, пока, наконец, не засечет ваши координаты. Причем сделает он это носом и ухом, а отнюдь не глазом, ибо, как это ни прискорбно, еж до конца своих дней не узнает, что, собственно говоря, вы собой представляете.

Возникает вопрос: как же он ходит, не набивая шишек на носу? Полагают, что он запоминает, в каком порядке следуют запахи, и,

лидные меры предосторожности, дабы прожить свои дни без злоключений. Его жизнестойкость способна довести до отчаяния ежененавистников. Если говорят, что у кошки девять жизней, у ежа их, очевидно, не меньше двенадцати.

Стойкость ежа к ядам и всякой отраве заставила бы побелеть от зависти покойного Митридата.

Один достойный представитель ежиного племени оказался в сорок раз крепче к зменному яду, чем подопытный кролик. А когда дело дошло до столбняка, то тут еж упорно отказывался заражаться им. Его сопротивление было сломлено лишь дозой, способной умертвить семь тысяч человек. Неплохой организм для такой маленькой зверушки! Уже после того как еж выказал полное свое равнодушие к таким лакомствам, как мышьяк, испанский натуралист Анхель Кабрера проделал эксперимент с целью выяснить, как еж среагирует на цианистый калий. На всякий случай он за-

хотя и выбирает чрезвычайно запутанные тропы, непременно находит родимый дом. Вся беда, однако, в том, что этого объяснения недостаточно. Ежи, увезенные из логова и, таким образом, не имевшие случая ознакомиться с попутными запахами, в конце концов возвращались в родные пенаты.

Подобные эксперименты не раз проделывали с ручными ежами. В конце 1960 года житель Семюра во Франции мсье Бордо получил, по его собственному признанию, самый большой в жизни сюрприз. Он взял своего ручного ежа, унес его за семь километров от дома к другу-садоводу и оставил у того в саду. Через три дня еж появился у мсье Бордо на террасе, ехидно помахивая коротким хвостиком. Как же, черт возьми, вышло из положения это архиблизорукое создание?

Впрочем, мы ведь говорили, что о поведении его нельзя составить единого мнения. Скажем, считают, что еж пользуется своим игольчатым покрытием для переноски самых разнообразных предметов. По некоторым источникам, его излюбленным занятием является транспортировка яблок. Уже древние греки утверждали это. А старинная английская гравюра изображает нашего ежа с целым грузом яблок, наколотым на спину. Однако в авторитетных кругах мнения разошлись.

— Зачем, спрашивается, ему перетаскивать яблоки, коль скоро он их не ест? — вопрошали одни.

— Пardon, — отвечали другие, — он их ест. Недаром же он их перетаскивает.

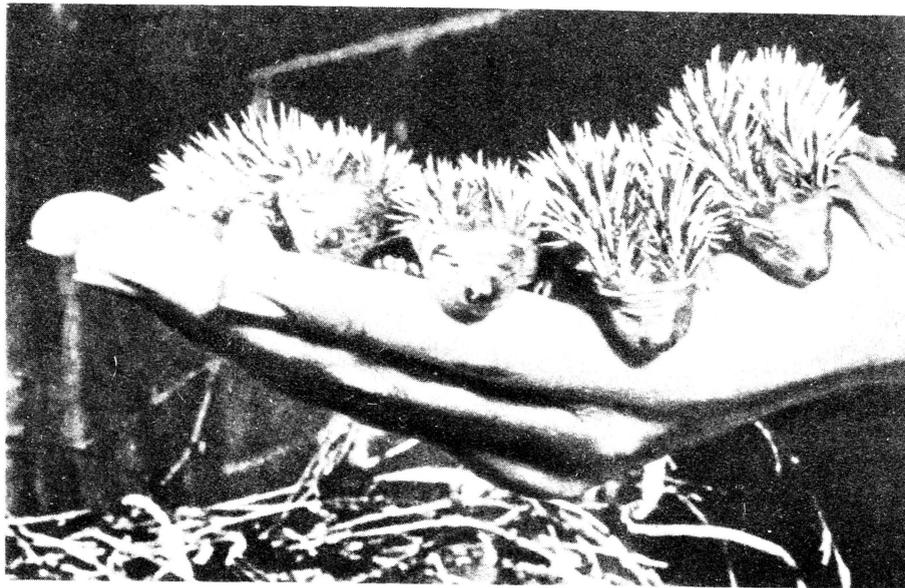
В этой баталии, длящейся уже несколько веков, яблочники и антияблочники не уступают друг другу ни пяди.

— Ладно, оставим яблоки, — говорят самые покладистые. — Но признайте, что он возит на спине грибы, мелкие плоды и листья для логова.

— Ха! — аргументируют противники. — Если на еже что-то есть, то это оттого, что он возил в густых зарослях!

Действительно, от ежа можно ожидать что угодно. Его обвиняют, например, в том, что он сосет молоко у лежащих на лугу коров. Во всяком случае, установлено одно: он гуляет вокруг коровы в поисках насекомых.

Но разве можно что-нибудь знать наверняка, если имеешь дело с ежом? Он кажется тяжелым на подъем, а между тем прыгает, плавает, взбирается на деревья, перелезает через изгороди и без

труда выбирается из ящиков, куда его заключают в наивной надежде, что он там станет сидеть. Почему бы ему после всего этого не перетаскивать яблоки?

Еж, конечно, не гнушается откусывать фруктов на десерт. Но главное блюдо непременно должна составить дичь: кузнечики, слизняки, улитки, майские жуки, личинки, гусеницы. Он ест их ежедневно в количестве, равном своему весу. Каков аппетит! А если учесть, что он еще охотится на мышей и мелких грызунов, еж, несомненно, лучший помощник садовода. Еж, убитый автомобилем или проходим дураком, оставляет свободное поле деятельности тысячам вредных существ, которых бы он терроризировал.

Самая крупная добыча, которой лакомятся еж, самая удивительная на вкус (ох уже эти индивидуалисты!) — это гадюка! В некотором роде еж — мангуста наших широт, а гадюка — его кобра. И наиболее интересное в этой истории то, что бой, который он дает ей, опрокидывает все тактические и даже стратегические концепции: еж иллюстрирует триумф пассивной обороны над отчаянным наступлением.

Увидев гадюку, еж не станет на нее набрасываться. Дураков нет! Он провоцирует змею. Его тактика такова: «Давай, давай, нападай! Там посмотрим!» Он подбегает вплотную к змее, которая шипит от злости и раскачивается, готовая ужалить. Если она не жалит, он несколько ускоряет события и сам кусает ее. Змея как молния кидается вперед. Но в десятую долю секунды еж успевает принять позу пассивного «оборонца»: нос к земле, задривок — в ошетинившихся иглах. Змея накаляется и, вне себя от боли, бьет, бьет и бьет... Каждым новым ударом она лишь приближает конец битвы. И наконец, падает в нокдаун, обессилевшая.

Еж разворачивается и осторожно нюхает ее, потом снова кусает. При малейшем движении рептилии он отскакивает и сворачивается. Когда же, наконец, он фиксирует полный нокаут, то, просчитав на всякий случай еще раз до десяти, перекусывает змее шею и спокойно принимается пировать. Трапеза может продолжаться несколько часов. Бывает, что он даже оставляет своего врага недоеденным.

Если, гуляя по лесу, вы увидите, как какой-то комок, пытаясь, описывает в траве круги, знайте: это еж ухаживает за своей подружкой.

Можно было бы подумать, что застенчивый зверек, чуть что уходящий в себя, делает авансы робко и смущенно. Как бы не так! Влюбленный претендент помещает свою избранницу в центр воображаемого круга и начинает вращаться, как планета вокруг своей звезды, доказывая тем самым правоту Пифагора, утверждавшего, что небесные светила вращаются куда с большим шумом, чем нам кажется.

Красавица тоже не довольствуется ролью неподвижного центра внимания. Она все время поворачивается лицом к своему спутнику, описывающему свои шумные орбиты. Время от времени они сближаются носами и даже слегка покусывают друг друга. Затем вращение продолжается с еще большим шумом. Вне всяких сомнений, цель колючего кавалера — вскружить красавице голову. Что в конце концов и случается.

Результаты этой карусели появляются на свет дней через сорок в виде четырех-пяти крохотных созданий шести-семисантиметровой длины. Они появляются на свет, что называется, сами с усами — правда, крохотными. Тельце их покрыто мягкими иголочками.

Мамаша трогательно заботится о своих отпрысках, о чем свидетельствует их быстрый рост. На одиннадцатый день уже появляется инстинкт свертывания в клубок. На четырнадцатый открываются глаза на наш мир.

Можно подумать, что, родившись вместе и воспитанные в дружной семье (хотя и без отца), ежи будут поддерживать родственные отношения. Нет, колючий джентльмен крепко держится за свою репутацию индивидуалиста и выбирает одиночество. Похоже, что, уходя в себя и свернувшись клубком, он испытывает то же блаженство, что и Будда, разглядывающий свой пуп... Ежи не сбиваются в стадо. Их девиз: «Каждый за себя!»

Возможно, именно поэтому колючий одиночка так легко приручается. Не в силах выносить близость себе подобных, он охотно вступает в контакт с хозяином. Правда, его вначале нелегко развернуть; но, скажу по секрету, лучший способ для этого — налить ему в блюдечко немного вина с сахаром. Да и то верно — что может быть лучше для завязывания знакомства, чем стаканчик доброго вина!

Перевел с французского
М. БЕЛЕНЬКИЙ

Б. ПИСЬМЕННЫЙ

ПОВЕРИВШИЕ В КРЫЛЬЯ

...На нудрявом облане промчусь
Глотать я буду воздух на лету,
Мой путь займет лишь два
биенья пульса,
(Шекспир, Буря)

Водопадом пожелтых травяных лоскутьев земля лилась где-то сбоку, повисала за его спиной, потом совсем пропала в молочном тумане. Они будто играли в жмурки — он, широко распахнув руки, с замирающим сердцем высматривал ее, пока вдруг его не ослепляло солнце, а потом земля, ясная до солнышка, до тени от деревца, неслась

ему навстречу. Это было похоже на счастье и опьяняло, как счастье, но Земля, не знакомясь с предосторожностями, несла слишком быстро. Те, внизу, столбенели от ужаса и сознания неотвратимости происходящего, а кинокамеры, мерно стрекоча, следили за падающим телом.

Братья Масселен — Ги и Жерар — были похожи во всем — и в своей судьбе и в своей смерти. Один и тот же возраст — 27 лет. Как будто есть предел жизни для птиц-Масселенов.

В Донкуре, около Метца, 4 июня 1961 года старший разбился, потянув кольцо лишь за сто метров от земли. Купол опал, так и не расправившись. Это было страшно, но публика

заплатила за зрелище, хотя бы и такое страшное, и ждала, чтобы человек-птица заплатил в свою очередь. Он разбился. В Донкуре есть памятная плита с восторженной надписью. Теперь есть и другая, на кладбище в Сан-Реми.

— Знаете, они ведь читали эти книги — Лео Валентена и других. Здесь как-то все связано. Целая цепь... — говорит отец братьев.

Да, это цепь. Эстафета летающих людей, бросающих вызов невозможному, передающих крылья бесстрашия из рук в руки. Из века в век. Небо с давних пор внушает кому — страх, кому — дерзкие планы. Все начинается с фантазии. Или

с легенды. Например, об Икаре.

И, как ни странно, это примитивное, казалось бы, простое скалочное оборудование вполне устраивает и сегодняшних Икаров. Небольшие закрылки, прикрепляемые к рукам и ногам, ну разве что еще и мужество — вот и все, что нужно, чтобы человек летел свободно, как планер, фюзеляжем которого служит тело пилота. Не затяжной прыжок с коротким интервалом свободного парения, а долгий полет до рискованной, критической высоты, на которой в последний момент раскрывается парашют.

После того последнего прыжка Ги мать, мадам Масселен, не решалась посетить его могилу. Она пряталась от смерти сына, пытаясь обмануть себя. Однажды, проснувшись, она сказала: «Я видела Ги. Он объяснил мне, что просто не приехал домой, решив разыграть приятелей».

С тех пор она говорила о нем как о живом. Она не могла поверить...

И вот теперь Жерар...

...Через несколько лет домой пришло письмо. На неуверенном французском языке руководство западногерманского спортивного авиаклуба приглашало Ги: «Если только это возможно, дорогой мсье Ги Масселен, подготовьтесь к выступлению в Клайшейде, где мы намерены провести большой день воздушной акробатики».

Жерар увидел это письмо. Он сказал: «Я прыгну вместо Ги».

Вспоминая об этом, отец братьев рассказывает:

— Когда я приехал в Донкур, чтобы опознать тело сына, я взял с Жерара клятву никогда больше не прыгать. Он обещал мне. Но один пилот сказал мне тогда: «Вы требуете от него почти невозможного. Есть один секрет, которого вы не знаете. Ги сам просил Жерара стать «человеком-птицей», если с ним что-нибудь случится...» Единственно, о чем я умолял Жерара, — открывать парашют не ниже четырехсот метров.

Жерар постоянно слышал эти призывы к осторожности и благоразумию. Ночью, когда без сна он лежал с открытыми глазами, эти призывы оглушали его. Но он видел и любопытные лица, гля-

дящие на него, и видел их скрытую, наглую усмешку, и слышал голоса: «Тебе не сделать этого...» Утром Жерар был полон решимости идти до конца.

День в Клайшейде выдался теплый, как по заказу. Задолго до начала стала наезжать публика с соседних прирейнских мест, и даже издавля, на юрких черепашках — «фольксвагенах», туристских автобусах, уважаемых «мерседесах» и древних, чихающих колымагах неведомых марок. Местная коммерция начала веселиться первой. В синих, продыленных залах «гасштеттов» было все как положено. Сочные жареные сосиски — «братворст», потоки рейнского пива, навязчивая канитель расстроенного пианино. Горланили песни, перекидывались в карты. Детям тоже давали отхлебнуть из кружки. Потом нагруженные и навеселе стали собираться у летного поля — ну, что там покажет сегодня, давайте начинайте! Нетерпеливо выслушали положенные речи официальных лиц, и представление началось.

Пестро раскрашенный спортивный самолет, разворачиваясь над полем, зеркалом вспыхнул на солнце и продолжал набирать высоту. Земля внизу становилась ненастоящей: макетные домики, замшевые пятна леса и группы ждущих людей, еле заметных, только косые тени выдавали их.

Перед выступлением отец с Жераром были у надгробья Ги, долго стояли около него, глядя на надпись и рисунок — Ги с расправленными полотнищами крыльев, пришитыми вдоль рук и тела. Новые крылья — пластинки Жерара — должны быть надежнее, они сбрасываются — только повернешь захваты кистями, не мешая выходу аварийного парашюта...

Пилот обернулся и крикнул Жерару: «Пора!»

Жерар глянул вниз, оценивая площадку, взглянул на цепочку облаков вдоль горизонта и прыгнул.

Самолет сразу же взял вверх и в сторону. Пилот смотрел на Жерара, оранжевым крестом плывущего над круто накренившейся землей...

Поразительно упорство, с которым люди стремятся к свободному полету, естественно, как если бы человеку было это дано от рождения. Началом были отважные прыжки с крыльями, а затем с зонтиком. Потом, ко-

гда в 1808 году зонтик Ленормана, нареченный парашютом, спас жизнь первому пострадавшему — Джордани Купаренто, вынужденному броситься с горящего воздушного шара, парашют стал спасательным средством. Другое дело — полет свободный. Не просто падение, но парение на равных с птицами, отыскание восходящих потоков, произвольное маневрирование.

Когда Жерар находил тугой взлетающий поток, невидимая сила бросала его вверх, потом он замирал неподвижный и плавно, осенним листом приближался к земле, пока не попадал на новую волну, и так продолжалось, казалось, бесконечно долго. Но вдруг воздух будто исчез. Жерар надломился и начал нелепо заваливаться на спину...

Было видно, как отец наклонился над сыном. Он припал губами к губам, пытаясь сделать искусственное дыхание по всем правилам — бесконечный поцелуй, который иногда и возвращает жизнь.

Ги и Жерар — родные братья. Но разве не братья тот русский крестьянин, камнем бросившийся с колокольни на самодельных крыльях, и крылатые люди прошлого и нашего века, пытавшиеся осуществить полет птицы?

Если бы могло так случиться и они собрались бы вместе — все эти люди со своими крыльями из дерева, перьев и шелка, отражательными пластинками, о чем бы могли говорить они между собой?

Конечно же, о свободном полете. Полете и снова полете. О встречных потоках воздуха, поднимающих или закручивающих колесом, о захватывающих дух провалах, о непостижимом счастье, о той своей последней ошибке... Они бы поняли друг друга.

И еще потому поняли бы они друг друга, что все они молоды — сколько бы им лет ни было. Они хорошо представляли себе риск, но страсть достигнуть невозможного и еще непокоренного у них всегда была сильнее любого страха. Не потому ли все же есть и всегда будет, если не на соседней улице, то быть может, в другом городе Земли, отчаянный мальчишка, который, закусив губы, с вызовом смотрит в небо, в бездонное небо...

еление было таким древним, что здесь, на берегу, никто не знал, что древнее — селение или море.

Селение видело финикийцев и карфагенян, греков и римлян. В нем были развалины замка и арена для боя быков, был рынок, был суд, была начальная школа и отделение банка. Было все, что полагается селению, — и даже дурак.

Пепе-дурак был предметом их гордости. На любые попытки соседей набить себе цену местные патриоты отвечали: «Но у вас нет дурака!» — и на этом разговор кончался.

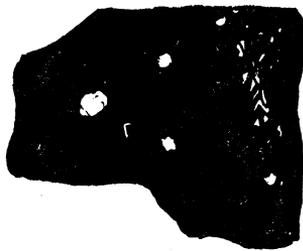
У Пепе-дурака были карие глаза, очень красивые, кроткие. Временами даже сильные духом люди не могли выдержать взгляда этих ласковых и покорных глаз. Пепе-дурак был тружеником, трудолюбивее которого, быть может, во всем свете не было. Он с готовностью выполнял всякие мелкие поручения, безотказно грузил багаж в автобус. Еще ребенком он повредился в разуме, а может, и от рождения не хватало чего-то. Бывало, ходит целое утро с корзиной из-под рыбы и не знает, где оставить ее и к чему приспособить. А то, бывало, целый божий день ищет что-то на пляже между водорослей.

Временами Пепе не прочь было опрокинуть стаканчик. Смеха ради его напаивали допьяна — и тогда Пепе мучился. Как будто он выздоравливал, а слов, чтобы сказать об этом, у него не было.

Местных жителей кормили земля и море, но еще более — лето. Летом приезжали дачники, и Пепе простодушно верил, что лето было делом их рук, что они-то и привозили его с собой, усталили им землю и море, поднимали его к небесам, эти дачники, снимавшие себе летние домики у пляжа и на горе. Дачники очень хорошо относились к Пепе, и еще лучше относились к нему их дети. Летом у него всегда водились деньги — по крайней мере до тех пор, пока с этим мирились самые бессовестные из его земляков.

Лето уже стучалось в двери, и в кабачке у пляжа, куда сходились с наступлением темноты хозяева дач, только и было разговоров, что о предстоящем сезоне. Уже появились его предвестники — первые дачники, бродившие в поисках дач, небольшого отеля, постоянного двора у моря. И владельцы дач спускались на велосипедах к морю, чтобы сообща об-

Хосе Мариа
Санчес-Сильва

ДУРАК

судить, как лучше перекрасить фасады, подновить черепицу на крышах, отремонтировать водопровод и электричество.

С первых чисел июня кабачок на пляже оживал. Здесь была дачная биржа, здесь играли в кости и карты, опрокидывали стакан другой терпкого местного вина. Пепе никогда не пропускал этих пиршеств, но однажды вечером он не пришел.

Отсутствие Пепе было очень заметно. Без него было меньше смеха и меньше серьезности. Рядом с ним каждый испытывал особенное удовольствие от мысли, что сам он в здравом уме и твердой памяти — простые люди от этого проникались к себе уважением. Любая глупая шутка над Пепе (правда, почти всегда они были беззлобными) вызывала всеобщее веселье, и такое же веселье вызывала любая фраза Пепе, любая из его безобидных глупостей.

Только что кончилась очередная партия. Водитель автобуса Хулиан попросил, чтобы ему дали отыграться. Публика вокруг стола молча курила, наблюдая за игрой.

— Странно, что Пепе нет, — сказал Хулиан.

Каждый из них, оборачиваясь и обшаривая глазами комнату, думал: «Этого не может быть».

Сколько разговоров было в тот вечер о наступающем лете! Вдруг водопроводчик Серафин залился хохотом.

— С Пепе можно сыграть хорошую шутку, — сказал он.

Веселая компания потягивала вино, а Серафин говорил:

— Что, если внушить Пепе, что в этом году будет праздник прощания с весной? Если сказать ему, что все пойдут на южную дорогу прощаться с ней? Если уверить его, что весну встречают иногда на ее пути к морю и что она — прекрасная девушка, которая открывается только детям и таким же, как она сама, простакам и делает всем подарки?

— Весной буду я, — сказал, чтобы умаслить компанию, отгравшийся Хулиан.

Кабачок ответил ему взрывом хохота.

Пепе-дурак поверил. Пепе-дурак верил всему, что ему говорили. Сколько раз доводилось ему брести и из одного конца селения в другой, сгибаясь под тяжестью никому не нужной ноши! Как клоун, как один из этих умнейших «дураков» цирка, Пепе, бывало, по целым дням таскал большую корзину, полную камней, от селения к пляжу и от пляжа к селению — до тех пор, пока какая-нибудь добрая душа, сжалившись над ним, не снимала с него чар

злой шутки, назвавшись получателем карзины и дав Пепе на стаканчик.

Пепе поверил.

Они сказали, что зайдут за ним в тот вечер, когда весна уступит свое место лету и отправится к морю. Опаздывать нельзя: когда церковные часы пробьют двенадцать, нужно быть у начала южной дороги, откуда весна выйдет в путь, чтобы закончить его на морском дне, где она заснет до марта будущего года.

Ночь была тихой и безлунной. Бесконечно далекие звезды купались в своем сиянии. Водопроводчик Серафин, Марсиаль из правления Общества взаимопомощи, хозяин кабачка Габриэль и еще шестеро или семеро собрались вместе. Все, в том числе и Пепе, уже поддали немного, но на всякий случай захватили с собой почти полный бурдюк.

— Ты, значит, понял? — втолковывали они дураку. — Проси у нее что хочешь. Если увидишь...

— И не забудь встать перед ней на колени, — напомнил Габриэль.

— И сказать ей «ваше превосходительство», — добавил Марсиаль.

Они чуть не лопнули со смеху, но Пепе верил — и ждал, чтобы его кротким глазам поскорее явилось долгожданное чудо.

Южная дорога начиналась у дремучего леса. Здесь царил мрак, и толстые стволы высоких деревьев казались колоннами строящегося храма. Они сели, и из бурдюка весело побежало вино. Пил и Пепе, задумчивый, ушедший в себя. Наконец Серафин потребовал тишины и внимания. Все встали. Медленно и торжественно прокатился в неподвижном воздухе первый из двенадцати ударов церковных часов.

— Внимание, — негромко сказал Серафин, — откройте глаза пошире!

Все сделали вид, что напряженно вглядываются в темноту и Пепе-дурак широко открыл свои темные с поволокой глаза.

Между деревьями появилась тень, и Пепе увидел ее первым.

— Вон она! — воскликнул он.

Остальные прикинулись, будто ничего не видят:

— Где, где?

— Вон, вон она идет! — ответил, дрожа, Пепе и показал рукой.

— Так беги же за ней! — не допускаям возражений тоном сказал Серафин. — Мы не видим ничего. Да смотри не забудь

ВОКРУГ СВЕТА

№ 3 МАРТ 1968

СОДЕРЖАНИЕ

И. ЗАБЕЛИН — Большая вода Африки	2
Н. АЛЕЕВ — Роза ветров	10
И. МОЖЕЙКО — Звезда Улугбека	15
Кают-компания «Вокруг света»	20
Л. ШАПОШНИКОВА: Курумба — племя «колдунов»	21
А. ПОРТНОВ: Мы были в лунном кратере	22
Н. ДИКОВ: Призраки Пегтымельских скал	23
ПРИМО ЛЕВИ — Патент Симпсона	24
З. КАНЕВСКИЙ — Алмаз 007	28
В Шиноне, на Большом перекрестке	31
РОЖЕ ФРИЗОН-РОШ — Монблан и семь его долин	32
Выбранные страницы правдивой истории о достославных покорителях Монблана	34
РОБЕРТ ХЕЙНЛЕЙН — Колумбу не сиделось дома	39
Г. НАВЛИЦКАЯ — Айны	40
МАРК ТВЕН — Беглые заметки об одной праздной поездке	45
С. ХАБАРОВ — Странности огненного гостя	48
Загадки, проекты, открытия	51, 60
Фотоконкурс «Вокруг света»	58
Зеленая Сахара	61
А. АЛДАН-СЕМЕНОВ — Красные и белые	62
КИР. БУЛЫЧЕВ — Самолет с «Челюскина»	69
М. СЫНЕВИН — «Привидения» минувшей войны	70
Скоро фестиваль!	71
Пестрый мир	72
Листая старые страницы	72
МОРИС КЕЙН — Колочий индивидуалист	74
Б. ПИСЬМЕННЫЙ — Поверившие в крылья	76
ХОСЕ МАРИА САНЧЕС-СИЛЬВА — Дурак	78

Главный редактор **В. С. САПАРИН**

Члены редакционной коллегии: **В. И. АККУРАТОВ**, **И. М. ЗАБЕЛИН**, **М. М. КОНДРАТЬЕВА**, **В. Л. КУДРЯВЦЕВ**, **А. А. НОДИЯ** (заместитель главного редактора), **К. Г. ПАУСТОВСКИЙ**, **П. Н. РЕШЕТОВ**, **Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ**, **В. С. ЧЕРНЕЦОВ**, **Л. А. ЧЕШКОВА**, **В. М. ЧИЧКОВ**.

Оформление **А. Гусева** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефон для справок: Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/1 1968 г. Подп. к печ. 15/II 1968 г. А04139. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 2948. Цена 60 коп. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

встать на колени и попросить у нее что-нибудь!

Пепе-дурак двинулся вслед за тенью, а остальные, еле сдерживая смех, покарлись за ним. Приглядевшись, он увидел, что это длинноволосая женщина в тунике, с охапкой цветов в руках. Пепе побежал. Догнав женщину, он бросился перед ней на колени со словами:

— Сеньора Весна, сеньора Весна!.. Я Пепе-дурак. Дайте мне подарок!

Грянул оглушительный хохот, и Пепе поднял глаза. Вокруг него и «Весны», которая тоже гоготала, держась обеими руками за грузный живот, стояли его приятели. «Сеньора Весна» была, как одна капля воды на другую, похожа на водителя Хулиана. Шутка закончилась весельем у бурдюка. О Пепе тут же забыли.

Пепе-дурак сидел на земле. При всей доверчивости не такой уж он был дурак, чтобы поверить, будто водитель Хулиан и есть Весна и что от него можно ожидать каких-то подарков.

На первой странице обложки:

Осторожно!.. осьминог краснеет!

Это цвет его ярости. В его владения вторгся человек. И сейчас разыграется сцена, уже сотни раз описанная в книгах: человек против спрута, жгучие щупальца, все закрывающее темное облако...

Но нет. Ничего этого не случилось и не случится. Аквалангист боится осьминога куда меньше, чем потревоженный обитатель моря своего непрошеного гостя. Больше того, этот осьминог только что хотел ударить, хотя его — неблагоприятно! — долго подкармливали мидиями, чтобы он «согласился» позировать перед аппаратом гидронавта. И сейчас ему просто не удалось спастись бегством...

...Фотография сделана в Японском море А. Роговым; там московские аквалангисты участвуют в работах Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии.

— Пепе, пойдём, это же была шутка, — позвали его.

Впервые Пепе промолчал и не пожелал пойти с ними. Ну и что за беда? Ночь была изумительной, в бурдюке еще оставалось вино, и шутка удалась. Они ушли и уже издали позвали его еще раз.

Пепе-дурак остался один у начала южной дороги, один среди могучих деревьев, наедине с шепотом звезд и журчанием ручья. Прошло полчаса, а может быть, больше. Внезапно все вокруг осветилось странным светом. Пепе открыл глаза и увидел: цветущая и нагая, с попугаем в руке, к морю шла красавица. Пепе побежал, бросился к ее ногам, обхватил их, и она мелодичным голосом спросила:

— Чего бы ты хотел от меня?

Дурак поднял темные глаза и, остолбенело глядя на ее сияющую и чистую красоту, попросил:

— Подари мне что-нибудь, что хочешь подари.

— Скажи мне сначала, кто я, — спросила она, улыбаясь.

— Ты Весна, — с беззаветной верой ответил Пепе.

— Ты получил свой подарок, — сказала она и пошла дальше.

Пепе пошел за ней, держась поодаль. Она шла легко, будто не касаясь босыми ногами земли.

Потом Пепе остановился и начал искать подарок. Руки его были пусты, пусты были и карманы. Ее больше не было видно — она ушла к морю. Пепе-дурак медленно побрел к селению.

На следующее утро, когда Пепе, проснувшись, пришел в кабачок у автобусной остановки, Серафин обхватил его за плечи и вывел на улицу. Ему хотелось как-то загладить то, что произошло ночью.

— Пепе, хочешь стаканчик? — тихонько спросил он дурака. — Пойдем, а о шутке позабудь.

И совсем не подумав о том, что Пепе уже давным-давно обо всем позабыл, он заглянул ему в глаза. Они были такие же, как всегда, — чистые, ласковые, прозрачные, большие, полные любви. Но только зеленые. Зеленые светлой зеленью моря, светлой зеленью весны, светлой зеленью невинности.

— Зеленые! Они у него стали зеленые! — кричал Серафин, кричал как помешанный и в ужасе мчался по улице.

Перевел с испанского Р. РЫБКИН

СПУТНИК
 БЮРО
 МЕЖДУНАРОДНОГО
 МОЛОДЕЖНОГО
 ТУРИЗМА
 СССР

«СПУТНИК» ПРИГЛАШАЕТ МОЛОДЫХ ТУРИСТОВ ПОСЕТИТЬ СУЗДАЛЬ — БОГАТЕЙШУЮ СОКРОВИЩНИЦУ РУССКОГО ИСКУССТВА.

